

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Пензенский государственный университет
архитектуры и строительства»
(ПГУАС)

В.В. Зинченко, Л.А. Королева

**ДИСКУРС КОММУНИКАЦИИ:
ЛИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО, ПРАКТИКА**

Пенза 2014

УДК 316.42+338.2

ББК 86.38

З-63

Рецензенты: доктор философских наук, профессор кафедры философии Киевского национального университета им. Т. Шевченко М.И. Бойченко;
доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Национального научного центра «Институт аграрной экономики» В.И. Власов;
доктор философских наук, зав.кафедрой менеджмента и инновационных технологий социокультурной деятельности, директор Института развития ребенка Национального педагогического университета им. М.П. Драгоманова И.И. Загарницкая

Зинченко В.В.

З-63   Дискурс коммуникации: личность, общество, практика: моногр.
/ В.В. Зинченко, Л.А. Королева. – Пенза: ПГУАС, 2014. – 184 с.
ISBN 978-5-9282-1155-4

Представлены перспективы формирования интегрированной социально-гуманистической системы и формирования интеллектуальной личности в контексте демократического общественно ориентированного развития на современном этапе. Анализируется модернизация социальной структуры и экономико-политического развития и потенциал антропологически-психологической структуры человека в ценностно-нормативном измерении современного гражданского общества, реформаторские стратегии в социуме, образовании и менеджменте в контексте глобализационных процессов и перспективы гуманизации систем общества, экономики, политики, образования, управления, образования и воспитания.

Монография предназначена аспирантам, научным работникам, специалистам в области социально-философских наук, истории, онтологии, менеджмента, педагогики, аналитики социальных исследований, государственного управления, а также студентам, обучающимся по направлениям 38.03.02, 38.04.02 «Менеджмент», 38.03.01 «Экономика», и всем, кто интересуется проблемой становления и развития концептологичной проблематики личностного и общественного развития, глобализационных и трансформационных процессов, гражданской институализации и ценностных стратегий развития современного мирового общества в современной науке.

ISBN 978-5-9282-1155-4

© Пензенский государственный университет
архитектуры и строительства, 2014
© Зинченко В.В., Королева Л.А., 2014

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	5
Часть I. ДИСКУРС ОБЩЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ И ПСИХОСОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	10
Глава 1. Дискурс общественной коммуникации и психосоциальных поведенческих моделей как гносеология человека и аксиологическая онтология практики	10
§1. Аналитический дискурс и проблема личности: языковая коммуникация, социальные «игры», интенциональность и проблема сознания как психосоциальная онтология человека ..	10
§2. Проблемные парадоксы измерения человеческого бытия: субъект-объектные отношения, социолингвистическая психоаналитика и разрушение социально-культурных стереотипов	19
Глава 2. Социальная онтология разума и рациональность общественной практики в институциональном измерении трансформаций глобального развития	33
Часть II ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И ВЕКТОРЫ СТРАТЕГИЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА.....	43
Глава 1. Стратегия легитимации демократического общественно- политического дискурса	43
Глава 2. Тенденции развития гражданского общества на постсоветском пространстве: правовые основы, перспективы и существующие проблемы.....	49
Глава 3. Проблемы национальной и социальной безопасности транзитивного развития в системном контексте постсоветской интеграции (опыт Украины).....	56
Глава 4. Трансформации общественной стратификации в контексте социального государства и гражданского общества	62
Глава 5. Трансформационные и ценностные перспективы социальных ценностей идейно-партийного дискурса в глобализированной современности.....	68
Глава 6. Формы, тенденции и перспективы институализации самоуправления в демократическом развитии гражданского общества.....	87

Часть III ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭФФЕКТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ДИСКУРСЕ ЭКОНОМИКИ	104
Глава 1. Институциональные проблемы развития социально- экономических систем их регионов и «приоритетных территорий»: мировой опыт и перспективы постсоветских стран	104
Глава 2. Системы управления, информационное моделирование и эффективность развития децентрализованных организационных структур	115
Часть IV ЛИЧНОСТЬ И ДУХОВНО-ЦЕННОСТНАЯ КОММУНИКАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА	126
Глава 1. Духовно-ценностная идентичность в интеграции векторов общественного развития и экономических моделей	126
Глава 2. Религиозные структуры в системе формирования институтов гражданского общества	137
Глава 3. Идеино-ценностные и философско-педагогические основы духовно-физического развития личности	145
Глава 4. Трансформационные тенденции постсоветской системы образования: перспективы и проблемы	151
Глава 5. Формы и роль процессов социализации в современных теоретико-практических моделях системе дискурса общественного развития и коммуникации	160
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	175
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	180

ВВЕДЕНИЕ

Исследована специфика стратегий общественного развития, динамика процессов самоорганизации и самоуправления, трансформаций институтов власти, моделей управления в условиях глобализации. В первой части предлагаемой книги рассматриваются фундаментальные формы исследования и анализа человеческого бытия, связанные со сферой взаимодействия языка, сознания и существования человека. Авторы анализируют взаимосвязь смысла интенций человека и социальной коммуникации, речевой деятельности и проблемных парадоксов жизни. Рассматриваются социально-онтологическая и аналитические методологии постижения проблем познания мира и жизнедеятельности человека.

Анализируются мировоззренческие, экономические, политические концепции демократии как весомейшего фактора эффективной коммуникации и общественного дискурса.

Целью также является показать, что гражданское общество является правовым образованием, что процесс становления гражданского общества сложен и противоречив, анализ его нуждается в конкретно-историческом подходе. Анализ структурных элементов гражданского общества в условиях развития общественных институтов дает возможность глубже понять их природу на юридически-правовом уровне. Освещаются основные подходы к рассмотрению ролей страт и классов в современной общественной идеологии и политической философии. Подытоживаются взгляды, характерные для настоящего, которые связывают развитие социальных страт с построением социального государства и гражданского общества.

В украинском и российском обществе еще не сформировались некоторые социальные группы, способные выполнять важные гражданские функции. Инертной и несамостоятельной остается наша интеллектуальная элита. Общество еще не стало полноценным оппонентом государственной власти. И не только потому, что государственная власть настолько авторитарна, а и из-за неспособности большинства гражданских объединений в полной мере использовать те свободы, которыми они уже располагаем.

Кризис легитимности свидетельствует о том, что политическая власть пока не способна убедить общество в необходимости и оптимальном функционировании существующих государственных институтов и властей. Это обусловлено кризисом самого государственного строя, его номенклатурно-теневым характером, несбалансированностью противовесов всех ветвей власти, неверием самих граждан в том, что это государство функционирует именно для них. Подавляющее большинство украинских и российских граждан далеко не убеждены в том, что именно это государство предоставит им наилучшие возможности для автономного самопроявления в различных сферах общественной жизни. Поэтому преодоление всеобщего уныния видится в проведении экономических и политических реформ, которые привели бы к автономному функционированию экономической и политической сфер, доступа к собственности разных общественных групп, в налаживании эффективности действий всех ветвей власти, в цивилизованном диалоге между государством и группами интересов.

Кризис участия связан с ростом, в процессе трансформации общества, специфицированных групп интересов, которые постепенно пытаются получить доступ к принятию политических решений, конкурируя с государственной бюрократией. В сегодняшних условиях, перспектива функционирования устойчивого гражданского общества зависит, как от формирования рациональной бюрократии, способной содействовать этому процессу, так и от возможностей роста уровня политической культуры населения. В этой связи подчеркнем, что институционализируемая правом роль граждан должна быть вписана в контекст свободной политической культуры.

Исходя из этого, исследуется история и современность политического фактора и идеологий в движении общества и обществ к многоуровневому и многосоставному эффективному дискурсу коммуникации. Особое внимание уделено политико-партийным идеологемам украинских и российских политических движений, их формам развития, стремлениям догматически использовать идеи своих предшественников, или некритически копировать современные схемы зарубежных политических структур.

В результате это требует также рассмотрения особенности и противоречивости системы общественной самоорганизации и местного самоуправления, их роль для эффективного развития регионов и городов..

Анализируются сложности переходных процессов, которые, с одной стороны, определяют укрепление регулирующей роли государства, а с другой – перестройка гражданского общества предусматривает разгосударствление общественных институтов, уменьшение государственного влияния на них.

При этих условиях функционирование отдельных регионов стран и мира в целом без тесной производственной кооперации (экономического дискурса) и создания единого целостного внутреннего рынка террито-

риальных субъектов (инновационно-финансово-хозяйственной коммуникации), может привести к значительному (или и окончательного) разрыву внутрирегиональных связей, результатом чего может стать распад государства или вхождение его частей в другие экономико-государственные образования. Стремление к региональной «отдельности» интересов в пределах страны, которая ведет к установлению своих отличных, противоположным общегосударственным заданиям форм экономического уклада и политического управления получило в мировой практике название «трайбализм» и рассматривается в качестве основного препятствия для формирования целостного экономического, политического и правового пространства в пределах единого государства. Самые драматичные его примеры в форме региональных и гражданских конфликтов мы встречаем в новейшей истории почти всех стран Африки, некоторых государств Азии и Европы, где он часто совмещается с сепаратизмом, религиозным фундаментализмом, национализмом и т.п.

Субсидиарность, напротив, допускает, что задания функционирования и развития территорий, регионов должны решаться на возможно более низовом, более отдаленном от центра уровне, на котором их решение возможно и эффективное. В этом собственно и заключается субсидиарность как возможность субъекта государственной территории или общественной подсистемы самоуправленчески и беспрепятственно осуществлять и реализовывать весь объем экономических и политических заданий в объеме реально существующих потребностей и целей, которые не противостоят общегосударственным.

В связи с этим анализируются формы регулирования переходного и регионального экономического развития в сферах производственной кооперации и проблемы создания целостной системы внутреннего рынка. В соответствующих главах осуществлено исследование моделей современных тенденций специальных экономических зон и регионов в контексте развития национальной и мировой экономики. Наиболее существенный момент касается необходимости создания в государстве институций динамического и стабильного развития.

Успешная политическая трансформация, высвобождение творческой энергии гражданского общества является обязательным условием прогрессивного экономического развития государства. Именно в модернизации разных отраслей промышленности и технологических инновациях постсоветские страны в целом нуждаются сегодня как никогда. В настоящий момент необходимо проанализировать, что можно сделать для того, чтобы избежать проблем в будущем.

Поиск постсоветской отечественной стратегической и наиболее эффективной модели развития должен базироваться на оценке мировых тенденций и закономерностей развития, в основе которых лежит не только глобализация, но и, что особенно важно, формирование системы глобализма как

новой системы миропорядка, где действуют неконтролируемые транснациональные корпорации, невиданные масштабы спекулятивных сделок в сфере глобальных финансов, полный отрыв последних от реальной экономики и производства неминуемо приводят к кризису и краху. Именно в этих новых специфических условиях глобальной окружающей среды любая транзитивная страна обречена на то, чтобы возродить потерянную ведущую роль государства и, построив эффективную конкурентоспособную систему антикризисного государственного менеджмента, перевести развитие своей экономики из хаотического в организованный интегрированный, синергетический тип развития, которое обеспечит эффект системности.

На современном этапе развития мирового глобального развития каждое государство, экономика, предприятие и организация является совокупностью социально-экономических процессов, которые объединены в управленческую систему. В отличие от природных систем в человеческом обществе и его системах возможно сознательное управление действиями его членов. Управление обеспечивает определение целей и средств развития общества, обмен информацией между его членами, принятие решений и контроль за их выполнением. Центральным вопросом в споре относительно возможности реализации и эффективности самоорганизации является вопрос о балансе между централизованным и децентрализуемым управлением. Поэтому в книге исследуются различные формы эффективности централизованного и децентрализованного управления. Исследованы пути формирования институтов социума, в котором важное внимание уделено системе ценностей, рассмотрены проблемы взаимодействия общественного и личного развития.

Все процессы, ныне проходящие в мире, приобретают в той или иной степени глобальный характер. Неэффективность, а зачастую и вредность для человечества и окружающей среды современных экономических подходов заставляет все чаще прибегать к поискам разумных альтернатив. Однако далеко не все страны в равной степени являются интегрированными на сегодняшний день и имеют примерно одинаковый экономический уровень развития.

Развитие мира в целом носит транснациональный характер и распространил свое влияние на всю планету. Однако этот процесс все же далеко не тождественно реальной универсализации глобальной общности. Другими словами, кроме определенных реалий глобализации, в мире сосуществуют также не менее реальные тенденции регионализации, диссоциации и даже ассоциализации. Мировое сообщество пока еще не имеет механизмов, с помощью которых можно было бы избежать скатывания к конфликтам и тоталитарным режимам по окончании невозобновляемых ресурсов.

Выживание глобализированной цивилизации представляется столь сложным, что достижение экономической и социальной стабильности, ко-

торая бы сопровождалась уважением к человеку, его правам и свободам, возможно сейчас, к сожалению, лишь в немногих социумах и в исторически очень короткие периоды.

Процесс развития экономики, на наш взгляд, несколько замедляет процесс широкомасштабной экспансионистской и экстенсивной глобализации, но это неотъемлемая и логичная фаза глобальности именно на этом витке развития, а на следующем уже будет объединение между межрегиональными глобальными группировками. Регион является меньшей моделью мира и именно здесь можно скорее достичь интернационализации, интеграции, либерализации, унификации, не посягая на национальную самобытность, выявить трудности, противоречия, споры, неприемлемые явления и тогда переходить к высшей ступени в глобальном мире, уже сотрудничая с укрупненными мировыми регионами-полисами.

Речь идет, конечно, о коммунитарных механизмах и принципах в производственных и валютно-финансовых системах региональных группировок. Такой факт еще раз доказывает, что процесс глобализации не есть нечто авторитарное, а это историческая ступень развития цивилизации, общества – его объективная реальность.

Встречаясь с новыми требованиями среды, которые не укладываются в уже построенную структуру, личность стремится изменить, перестроить свои моральные суждения. Таким образом, новый социальный опыт, взаимодействуя с предшествующей познавательной структурой личности, побуждает ее каждый раз искать новую программу своих действий, которая в большей степени соответствовала бы новой ситуации. Когда, многократно повторяясь, эта программа закрепляется в сознании личности, она становится устойчивой частью ее поведения.

Поэтому также анализируются идеи социализации в концепциях философии образования. Исследуются основные закономерности развития гуманистического подхода к проблемам институализации воспитания и формирования ценностных ориентаций.

ЧАСТЬ I

ДИСКУРС ОБЩЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ И ПСИХОСОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Глава 1. Дискурс общественной коммуникации и психосоциальных поведенческих моделей как гносеология человека и аксиологическая онтология практики

§1. Аналитический дискурс и проблема личности: языковая коммуникация, социальные «игры», интенциональность и проблема сознания как психосоциальная онтология человека

*Я часто думал: на каком языке я стану умирать?»
Х.-Л. Боргес. [3, 419]*

В европейской философской традиции обычно формы общественного дискурсивного постижения бытия связаны с культурно-аналитическими разработками.

Все последующее развитие влиятельной языковой традиции в философии проходит, с точки зрения большинства историко-философских исследований, под флагом аналитизма. Это, как правило, во многом верно, если учитывать аспект языка, ведь, как писал Хайдеггер, «мы существуем прежде всего в языке и при языке» [28, 259]. В этой традиции философии и духовного самопостижения человека язык, речь и культурно-аналитические средства, приобретая бытийный статус, не нивелируют человека, а служат (порой парадоксально и метафорически) глубокому постижению им себя и языка, нахождению себя, как пишет Хайдеггер, в «доме бытия». Это традиция, основанная языковой аналитикой, теориями семиотики, речевых актов и интенциональности, Хайдеггером и продолжена философской герменевтикой, в которой язык и речь получают фундаментальный бытийный статус, служа одновременно миром и средством понимания бытия. В ней обращается внимание на следующие явления: природа истины; сознание и ее взаимодействие с окружающим миром; смысл и познавательные возможности, влияние речевой деятельности на социальную активность и религиозность человека; психологический анализ «игровых» и «ролевых» разновидностей поведения человека в социальной, духовной и языковой деятельности. Исследования вышеупомянутых вопросов проводится, начиная от понимания мира человека как единства смыслов, задаваемых структурами языка, к онтологическому рассмотрению явления языка, который является плюральным миром человеческого бытия и социального взаимодействия. Как отмечает Поль Рикёр: «дискурс никогда не существует for its own sake, ради самого себя, но во всех своих употреблениях стре-

мится перенести в язык опыт, способ обитания и бытия-в-мире, которые ему предшествуют и требуют быть высказанными» [21, 90].

Первопроходцем, тем, кто первым обратился к языку как таковому, прошел путем к автономизации языка как объекта аналитико-онтологического и социального познания был Фердинанд де Соссюр. Он философски осмыслил язык в качестве самостоятельного объекта научного исследования. Он выдвигает идею языка как системы знаков, указав на их коммуникацию, разделил языковую деятельность на язык и речь, отметив, что язык – это социальное явление, явление общего, которое существует вне индивида, но обязательно для него, а речь – это конкретное выражение языка, его индивидуальные вариации. «Единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя» – писал Соссюр [25, 207].

Эта традиция постепенно перешла от постулирования мира человека как единства смысла, который задается структурами языка к проблеме сознания, интенциональности и языка внутреннего общения человека.

Аналитический подход к бытию, начальное изучение его сущности, исходя непосредственно из языка задается, прежде всего, Людвигом Витгенштейном. В термине «аналитическая философия» главную роль играет понятие «анализ», которое берется в очень общем значении, в качестве дискурсивного рассуждения. Главной чертой этого типа философствования является осознание того, что ключом к философскому исследованию мышления является анализ языка. Коренное значение для эволюции аналитической философии, безусловно, имел кризис в 60-е гг. XX в. концепции логического позитивизма. С этим кризисом начался новый этап в эволюции аналитической философии. На первый план выдвигается аналитическая философия языка, основанная Л. Витгенштейном. Важной характеристикой в анализе языка становится характеристика соотношения языка и внеязыковой реальности, соотношения языка и деятельности человека. Если раньше аналитизм господствовал в основном в сфере логики как науки, то сегодня он, по сути, охватывает большинство разделов философии – от философии природы до философии человека.

Современная аналитическая философия восприняла основную установку аналитизма на анализ языка как средства решения философских проблем, важность выработки строгих методов философского анализа. Она смогла использовать уроки истории аналитических школ начала XX ст., отказавшись от дискредитированных тезисов относительно лозунгов об элиминации метафизики или некоторых непроизводительных методов анализа обыденного языка. Аналитическую философию невозможно свести к позитивизму хотя бы потому, что в ней отсутствует сциентизм – сосредоточенное внимание только на науке, возведении точного, позитивного, конкретно-научного знания в высшую духовную ценность.

В поле интересов аналитической философии втягивается весь массив жизненной практики, человеческого бытия и их языковых форм. Аналитическая философия не ограничивает себя одной предметной областью (например, философией языка), а включает весь комплекс философских дисциплин и поисков, что свойственно философскому направлению. Как писал Витгенштейн: «Мое основное стремление, и стремление всех, кто когда-либо пытался писать и говорить об этике или религии, – вырваться за пределы языка» [9, 245].

Поэтому, рассматривая проблему «Что такое сознание?», – отмечает Витгенштейн, – «мы забываем, что смотрим на вещи сквозь «языковую раму» и отождествляем наши схемы мышления с самой реальностью. «Внутреннему процессу» нужны внешние критерии» [10, 239]. По Витгенштейну, мы должны всмотреться в глубины обыденного языка, проникнуть в обыденную работу языка и объяснить его поразительную способность описания наших внутренних переживаний, чувств и мыслей. Он убежден, что работа языка тесно связана с поведением людей, в контексте которого мы раскрываем для себя смысл языковых выражений. Обыденное поведение является той «системой указаний», благодаря которой мы обладаем способностью понять и интерпретировать все, что утверждают люди о своем сознании. Итак, никакой «тайны сознания», как считает Витгенштейн, не существует. Ментальная жизнь, хотя и доступна в своей непосредственности только нам самим, получает свои определения, содержание, наполненность благодаря обыденной речи. «Мышление» и «разговор с самим собой» – я не имею в виду разговор вслух – являются различными понятиями» – пишет Витгенштейн [6, 79]. «Если бы Бог посмотрел внутрь наших сознаний, то Он не был бы способен увидеть, с кем мы говорили», – добавляет он [6, 79].

Витгенштейн отмечает то, что философы субъективизировали понятие «Я» (личности). Подобная позиция Витгенштейна относительно сознания и субъективности позволила его критикам, в частности Густаву Бергману указать, что сознание может познавать мир через интенциональную связь, в этом смысле сознания могут также знать и самих себя: «В нашей великой традиции, сознания или Личности, не являются голыми индивидами. Это индивидные субстанции. Витгенштейн ... уклонился от предоставления онтологического статуса тому, что должен был увидеть, прежде всего. Не допускал он и возможности активных сознаний, обеспечивающих этот статус. Он не видел возможности существования сознаний, которые могут знать мир, в определенном философском смысле не будучи активными. Сознание было утеряно, мир остался без формы. Такой мир не слишком похож на мир. Так, в конечном счете, был потерян мир» [3, 330-331]. В данном подходе не учитывается то, что анализируя «труд» обыденного языка по претворению переживаний, чувств, мыслей, Витгенштейн размышляет над тем, насколько полно может быть выражена неповторимость

индивидуального сознания в общезначимом языке. То есть, существует ли внутренняя речь, личностный язык, недоступная другим?

Теория речевых актов тесно связана с созданием модели естественного (обыденного) языка, исследованию его социально-коммуникативной роли (т.н. перформативной функции). У истоков теории находятся исследования Дж. Остина и М. Бахтина. По результатам курсов лекций в Оксфордском и Гарвардском университетах (1950-е гг.) в 1962 г. Дж. Остин публикует труд «Слово как действие». В 1978 г., исследуя аспекты речевого действия, Бахтин публикует книгу «Теория речевых жанров». Идеи, которые разрабатывает теория речевых актов, можно также найти у философов античности, Гегеля.

Первым результатом долгосрочных попыток создания модели естественного языка можно считать структурную лингвистику, в которой изначально минимальной единицей речевого общения считалось предложение, которое можно оценить как истинное или ложное. При таком подходе достаточно тяжело учесть коммуникативный аспект речевого общения. Кроме того, оказалось, что некоторые предложения не описывают фактов и не имеют в себе информации об окружающем. Они, соответственно, исключались из исследований структурной лингвистики. Они несут в себе действие, выражают стремления, намерения определенным образом действовать. Дж. Остин назвал их перформативами. Информационные предложения были названы им констативами, основной функцией которых является описание; посредством констативов человек указывает на объекты и утверждает нечто об них. Основная же функция перформатива заключается в осуществлении и реализации действия; посредством их мы приказываем, угрожаем и советуем, пугаем и успокаиваем, просим и заверяем, т.е. влияем на слушающего. В отличие от констативов, которые оцениваются как истинные или ложные, перформативы могут быть оценены как результативные (успешные) или безуспешные (неэффективные).

Поэтому минимальной единицей языкового общения является не предложение, а действие, направленное говорящим на слушающего. Остин отмечает, что мы совершаем действие, когда говорим, молвим. Под речевым актом Остин понимает акт речи, который заключается в выражении предложения в ситуации непосредственного общения с слушающим. Любой речевой акт имеет трехуровневую структуру:

1. Локутивный акт.
2. Иллокутивный акт.
3. Перлокутивно акт.

Локутивный акт – это акт речи в обычном смысле этого слова. Соответствует высказыванию определенного предложения с определенной референцией и смыслом. Сам локутивный акт имеет тройную структуру - фонетический акт (акт высказывания определенных звуков), фотический акт (акт произнесения слов, т.е. определенных типов звукосочетаний, при-

надлежащих к определенному словарю и соответствующие определенной грамматике) ретический акт (акт использования этих слов с некоторой референцией и смыслом).

Иллокутивный акт – на его уровне происходит распределение предложений, высказываний на перформативные, которые несут в себе намерение действовать, и констативные, информационно насыщенные. Это предоставление произношения как выражения некоторой целенаправленности. То есть это выражение коммуникативной цели в процессе произнесения некоторых высказываний. Остина основательно заинтересовал именно этот акт, поскольку на его уровне формируется так называемая иллокутивная сила, через которую речевой акт связывается с психическим интенциональным состоянием человека, результатом чего является субъективное значение говорящего. Условиями иллокутивного акта есть – 1) осуществление фотического акта всегда предполагает предварительное осуществление фонетического акта, но не наоборот; 2) осуществление ретического акта всегда предполагается осуществлением фонетического и фотического актов, а не наоборот.

Перлокутивный акт – это достижение какого-либо результата с помощью речи, т.е. это воздействие на сознание или поведение слушающего.

Питер Стросон в стремлении найти различия в речевых актах выдвинул следующие тезисы:

1) основным признаком, по которому иллокутивный акт отличается от локутивного, является признак целеустремленности (т.е. признак интенциональности)

2) основным признаком, по которому иллокутивный акт отличается от перлокутивного, является признак конвенциональности, т.е. наличие объективного феномена, с которым соглашаются несколько человек в процессе коммуникации.

С помощью намерения (интенций) речевой акт связывается с интенциональными (ментальными) состояниями человека. В толковании интенционального аспекта речевого акта различные версии теории речевых актов согласуются между собой, однако в интерпретации конвенциональности они значительно различаются. Например, Остин и Сёрль считают, что все иллокутивные акты являются конвенциональными, тогда как Стросон считает конвенциональными лишь некоторые иллокутивные акты. Теория речевых актов разрабатывает чисто языковую конвенцию, которая действует на уровне локутивного акта и позволяет нам определить значение данного высказывания и ситуативные конвенции (Д. Сёрль), которые действуют на определенные проявления иллокутивного акта. Ситуативные конвенции в иллокутивных актах должны соответствовать следующим правилам: а) в одних случаях для эффективности речевого акта является необходимым определенная социальная ситуация и б) в других случаях успешность речевого акта зависит от личностных факторов. Стросон, на-

оборот, отрицает личностную конвенцию, отмечая, что реально существуют только социальные конвенции.

Проблема «личностного языка» является, по сути, дубликатом классической «метафизической» проблемы субъективности сознания. Она лишь нашла другую форму выражения. Это дало толчок к новым тенденциям аналитической философии. Она превращается в международный и межнаучный феномен. Обращение к обыденному языку, его использование, означает прежде всего попытки выявить влияние познавательных способностей человека на восприятие и понимание языка, речи и мира. Это приводит к анализу человеческого восприятия и коммуникации. Эти тенденции, заданные поздним Витгенштейном, указывают на близость аналитической философии скорее феноменологии и герменевтике, чем к позитивистским аналитикам.

Современный аналитизм через язык, через анализ смысловой проблематики языка выходит в совершенно иное, по сравнению со своими истоками, пространство. Современный аналитик Дж. Сёрль принимает феноменологическую концепцию интенциональности состояний и актов сознания и утверждает, что не интенциональность выводится из языка, а, наоборот, язык является логически выведенной от интенциональности.

Происходит исход из логического позитивизма к философии позднего Л. Витгенштейна. Например, аналитическая философия образования возникает в начале 60-х гг. XX века в США, Англии, Австралии (И. Шеффлера, Р.С. Питере, Э. Макмиллан, Д. Солтис и др.) и с начала XXI в. начинает активно влиять на сферу образования и воспитания, социального анализа и социального управления. Интеграция образовательного знания идет методом логического анализа языка, которая употребляется в практике образования: в частности, выявление содержания основных терминов («образование», «обучение», «воспитание» и др.), «логической географии» их связей, определение человека, его автономии, а также целей образования из требований общества, демократии. Содержание образования в аналитическом подходе наполняется критериями научной проверяемости. Акцентирование самостоятельности мышления дополняется критикой «индоктринации» – навязывания идеологических доктрин без анализа корректности первоначальных посылок. Именно во многом именно благодаря аналитической традиции состоялось обоснование философии образования как учебной дисциплины на Западе. «Смещение парадигмы» аналитической философии образования идет от аналитического подхода, вербализма, «абстрактного человека» Пиаже-Кольберга и «индустрии» его обучения к диалогу с гуманитарными направлениями философии и менеджмента.

Родоначальники теории речевых актов Дж. Остин и Дж. Сёрль акцентируют внимание на контексте использования языка, а именно на том, что не является непосредственно данным в самом использованном высказы-

вания, т.е. идет речь о смысле акта речи. Направленность речевого акта к другим языковым или параязыковым (осуществляемым с помощью невербальных средств) актов предполагает их зависимости от того, что называют «фоном невысказанных допущений и практик», а также «догадками», «мыслями», «взглядами», «желаниями», «намерениями» и другими «контекстуальными особенностями коммуникативной ситуации». Особенность последних заключается в том, что они относятся к ментальной сфере субъекта, представляя собой определенные интенциональные состояния (от intention – «намерение») и выражают определенную ментальную направленность субъекта.

Интенциональность не является чем-то необходимо лингвистическим. Сёрль приходит к выводу, что интенциональность является исходящей от языка, а, наоборот, язык является производной от интенциональности: «Язык выводится из интенциональности» [24, 35]. Итак, речь должна идти не о проблеме объяснения интенциональности в терминах языка, а, наоборот, языка в терминах интенциональности. Речь, по Сёрлю, предстает как особая форма развития более примитивных форм интенциональности. По этому поводу он пишет: «Мне представляется очевидным, что младенцы и многие животные, не имеющие языка и не в состоянии осуществлять речевые акты, тем не менее, обладают интенциональным состоянием» [24, 31]. Таким образом, наша способность соотносить себя с миром посредством интенциональных состояний является более фундаментальной и изначальной, чем появление языка и речи. В таком случае философия языка имеет непосредственное отношение к философии сознания.

Как считает Сёрль, способ, которым язык представляет и репрезентирует мир, является расширением того способа, при помощи которого сознание представляет мир: «Речевой акт считается исполненным, если выполнено выраженное им ментальное состояние» [23, 47]. Дж. Сёрль предлагает ввести в качестве фундаментального, понятие «интенциональное состояние», которое является выражением определенной ментальной направленности субъекта к действительности. Он обращает внимание на такие человеческие интенциональные состояния как ощущения, взгляды (уверенность в чем-то), желания и намерения, хотя, в принципе, количество интенциональных состояний может быть неизмеримо больше. С точки зрения Сёрля, наша способность соотносить себя с миром посредством интенциональных состояний является более фундаментальной, чем появление языка. Язык и речь же предстают как особая форма развития более примитивных форм интенциональности.

Согласно такому подходу, философия языка оказывается частью философии сознания. Тогда фундаментальные семантические понятия – вроде «значения» – вполне целесообразно анализировать с помощью еще более фундаментальных понятий, таких как взгляды, желания и намерения. В от-

личие от других вариантов этого подхода, Сёрль обсуждает проблему значения, применяя с этой целью понятие интенциональности.

Значение присутствует только там, где есть разница между интенциональным содержанием и формой его воплощения, и спрашивать о значении – означает спрашивать об интенциональном смысле, который сопровождает некую форму воплощения. Следовательно, возможности и ограничения языка оказываются возможностями и ограниченностями интенциональности как конститутивной характеристики сознания. Важным выводом из этого является то, что ограниченному количеству интенциональных состояний должно соответствовать и вполне ограниченное количество лингвистических актов. Существенным является и то, что существа, которые являются способными иметь интенциональные состояния, автоматически являются способными связывать их с объектами и состоянием дел в реальности, т.е., по сути, являются способными отличать удовольствие от неудовлетворенности этого состояния.

Долингвистические формы интенциональности являются связанными с интенциональностью языка, следствием чего является переход от интенциональных состояний к объективным (речевым) актам. Первым шагом в этом направлении является выбор строго определенного средства выражения интенционального состояния. Существо, которое является способным осуществлять это с намерением, умыслом, т.е. существо, которое не просто выражает свои интенциональные состояния, но выполняет акты для того, чтобы другие узнали о его интенциональных состояниях, уже имеет примитивную форму речевого акта. Однако это еще не конкретные акты вроде заявления, просьбы, обещания и т.д.

Следующим условием является наша способность к выполнению лингвистических актов для достижения экстралингвистических целей. Человек, утверждает Сёрль, который делает заявление, делает нечто большее, чем просто демонстрирует свою веру во что-то – он передает конкретную информацию. Человек, который дает обещание, делает нечто большее, нежели доводит до сведения окружающих, что он намерен что-то выполнить, – он создает стабильные ожидания у других относительно своего будущего поведения и действий. Таким образом, выполнение лингвистических актов (а их Сёрль выделяет пять – утверждения, директивы, обязательства, декларации, экспрессивы) гарантируется тогда, когда они направлены на реализацию конкретных социальных целей.

Согласно Сёрлю, интенциональные состояния спонтанно имманентно продуцируют сами из себя речевые акты, язык в целом. Интенциональные состояния представляют объекты и положение дел в том же смысле, в котором они представляют речевые акты. У нас уже есть достаточно четкие интуитивные представления относительно того, каким образом предложения репрезентируют условия своей истинности, обещания – условия их выполнения, порядок – условия его соблюдения, и каким образом, произ-

нося референциальные выражения, говорящий ссылается на объекты. Условия выполнения являются внутренне присущими языковому акту и так же, условия выполнения интенционального состояния являются внутренне присущими ему.

Современная наука указывает на необходимость более широкого представления о связи между языком и сознанием, в частности в рамках человеческой деятельности, учитывая различные социальные и общественные факторы, влияющие на возникновение и формирование сознания и языка. Одновременно вызывает некоторое отрицание основной тезис Сёрля о параллелях и четкая связь типов речевых актов с соответствующими типами интенциональных состояний. Хотя Сёрль и утверждает, что язык является особой формой интенциональности, все же создается впечатление, что сами интенциональные состояния выделяются и анализируются Сёрлем сквозь призму предложенных им пяти типов иллокутивных актов языка, т.е. возникает несоответствие фундаментальной основе его концепции: «Язык является производной от интенциональности». Поэтому кажется целесообразным отказаться от жестокого детерминизма в определении количества интенциональных состояний согласно выявленных лингвистических актов, предусматривая их довольно значительную потенциальную множественность. Итак, интенциональность возможно рассматривать как в некотором смысле автономное психолингвистическое образование, изначально, с момента рождения, присущ индивиду и которое, воздействуя на поведенческие и коммуникативные аспекты социализации, одновременно постоянно трансформируется и развивается в процессе интересубъективных контактов личности.

Течение аналитической философии, которая называется «аналитическая философия сознания» исследует и развивает такой пласт вопросов философии сознания: возможна ли объективация ментальных процессов? Выразимо ли в языке содержание нашего внутреннего мира? Существует ли «личный язык»? Как мы познаем «чужое сознание»? Какое новое знание о сознании дает анализ языка современной науки о психике (когнитивной психологии, нейропсихологии и др.)? Герберт Фейгл является свидетелем и участником эволюции и парадигмальных изменений современной в аналитической философии. Выступая против возведения проблемы сознания Витгенштейна к «языковой терапии» и проблемы «личностной (частной) языка» к «языка игры», которая якобы вполне справляется с выражением «форм жизни», уникальности культур и личности, Фейгл пишет: «Витгенштейновская казуистическая обработка этой проблемы представляет собой просто одну из наиболее современных в длинной цепи позитивистских ... антиметафизичных попыток показать, что проблема разума возникает из концептуальной путаницы и должно внимание к способу, которым мы используем ментальные и физические термины в обыденной речи, освободит нас от этой печальной проблемы» [3, 136-137]. Действи-

тельно, признает Фейгл, именно на основе обыденного языка и повседневного поведения людей ребенок, ориентируясь на «публично используемые намеки», начинает в себе и узнавать в других людях те специфические ментальные состояния, которые изначально оказывались в намеках (симптомах, поведенческих ситуациях). Но, тем не менее, отсюда не следует, что проблема разума и сознания является псевдопроблемой.

Фейгл, подчеркивая «личностный» характер сознания указывает, что мысли, образы, мечты, настроения, которые человек испытывает, далеко не всегда находят адекватное выражение в человеческом поведении или в человеческих выражениях. Это феномены, к которым мы имеем «привилегированный доступ»: «Я переживаю (наслаждаясь или страдая) сырые чувства осознания – пишет Фейгл. – Эти «сырые чувства» доступны другим людям лишь опосредованно, через вывод, что они являются моими» [2, 137]. «Сырые чувства» по Фейглу, суть непосредственно возникающие в нас знания о наших психических состояниях – знание глубоко личное, не воплотимое никакими средствами в загальнозначимых формах выражения. Оно может быть представленным только в некотором «личном языке», который представляет собой наиболее глубокий уровень очевидности. «Задача, – пишет Фейгл, – заключается в исследовании эмпирически устанавливаемых корреляций между «сырыми чувствами», феноменологическими образами и ... процессами организма. Философская же задача заключается в ... объяснении понятий, с помощью которых мы можем формулировать и интерпретировать эти корреляции» [2, 137].

§2. Проблемные парадоксы измерения человеческого бытия: субъект-объектные отношения, социалингвистическая психоаналитика и разрушение социально-культурных стереотипов

Витгенштейн считал, что философствование укоренено в сложных лабиринтах языка и, по сути, представляет собой своеобразное «вслушивание», «вглядывание» в его работу, наблюдение за поведением человеческих понятий. Философия в понимании Витгенштейна, это не знание, результат или теория. Это – совокупность различных методов прояснения, четкого видения реальности сквозь языковые средства ее выражения. Философ убежден: умение ясно коррелировать вербальное и реальное предполагает навык, тренировки. Для решения этой задачи создается особая практика речевого объяснения или анализа. Витгенштейн возрождает тип философствования, который напоминает сократический или дзен-буддистский. Главный пафос философии он направляет на практическое философствования, теория уступает место практике. Именно поэтому Витгенштейн постоянно подчеркивает, что он не собирается теоретизировать по поводу обыденного языка, что философия – не доктрина, а деятельность. «За Витгенштейном так прочно закрепилась слава мастера неожиданно»

данностей, что его технику сравнивали с техникой дзэн-буддизма» [8, 266]. Витгенштейн: «Наши самые большие глупости могут оказаться очень мудрыми» [7, 105].

Китайско-японская школа буддизма носит название «чань» (японское «дзен»). Чань-буддисты считают, что все вербальные предписания, все тексты, в которых они зафиксированы, ложные, именно в силу своей вербализованности не способны открыть тайны бытия и передать истинную суть вещей и явлений. Чань, по словам самих чанцев (дзенцев) – это откровение по ту сторону слов и знаков. «Основная идея дзен – войти в контакт с внутренними процессами нашего существа, причем сделать это самым прямым образом, не используя что-нибудь внешнее или неестественное» – пишет исследователь дзен Д.Т. Судзуки [26, 31]. Дзэн – это жизненный факт. Цель всей дисциплины дзен – прийти в контакт с жизненным фактом. Поэтому, основные цели дзен – достичь синтеза в нашей повседневной жизни, а не подходить к жизни в качестве своеобразного метафизического упражнения [16, 480].

Есть в дзэне какая-то глубоко антиинтеллектуальная установка на первичное безоговорочное принятие жизни во всей ее непосредственности, без попыток толкования, способных лишь набросить путы на эту непосредственность, и задушить ее, помешав нам воспринимать жизнь, в его дискретности.

Дзэн учит, что вселенная и все вокруг является переменным, неочерченным, парадоксальным, что порядок событий – лишь творение закорстелого ума, а каждая попытка определения этого порядка обречена на неудачу, так как в охвате такого положения вещей собственно и заключается окончательное озарение. Дзэн утверждает, что божество присутствует в живом многообразии всех вещей и благо состоит не в бегстве от жизни и погружении бессознательного в нирвану, не в аскетизме, а в принятии всех вещей и явлений. Жизнь в дзен одновременно ритуализирована и пропитана импровизацией: некогда наставник дзен сел на свое возвышение, приготовившись к проповеди. В это время запела птичка. Наставник хранил молчание, монахи также молчали. Когда птица улетела, наставник сказал: «Проповедь окончена».

На вопрос ученика об истине, дзэнская мудрость отвечает неожиданной ассоциацией, иногда подчеркнута грубой, бессмысленной, иногда – поэтической:

«- Что такое Будда? – Кусок навоза.

- Что такое дзен? – Ветка цветущей сливы» [16, 630].

Ассоциация быстрее, чем рассуждения, ведет ученика к истине.

Для дзен характерна склонность к абсурду, юродивости: горбатый человек лучше стройного (не возьмут на войну), кривое дерево лучше, чем прямое (не срубят). Дзенские диалоги – коаны – довольно часто абсурдны, логично нерешаемы с точки зрения здравого смысла. Это должно показать

ученику, что разум и поставленный вопрос взаимно абсурдны, и если вопрос есть ответ, то является абсурдным «омраченный ум». В эпоху абсурда Вечность постигается через абсурд. Сосредоточенность на логически нерешенном становится путем к переживанию и постижению реальности. Искатель просветления должен был убивать стереотипы в своем мышлении, ибо любой стереотип блокирует интуитивное постижение истины: «Встретив Будду – убейте Будду, встретив патриарха – убейте патриарха» [1, 102]. Одна из характерных черт и искусства, и антилогики дзен – отвержение симметрии. Причина ясна: симметрия олицетворяет определенный модуль порядка, сеть, выброшенную на спонтанность. Для того, чтобы вытеснить из сознания ученика шаблонные схемы мышления, избавить его от привычки искать истину вне себя и способствовать прямому и непосредственному созерцанию своей истинной природы, дзэнские наставники и пользовались ритуальным сквернословием, которое, как и дзэнский смех, носило амбивалентный характер, причем с акцентом на возрождающее начало.

Дзэнская традиция разделяет сознание на «чистое» (цзин) и «засоренное» (жань) и подчеркивает, что именно «засоренное» состояние сознания мешает воспринимать вещи «такими, какие они есть», потому что люди обычно фильтруют и искажают «то, что есть» в процессе концептуализации, которая раскалывает целостный и гармоничный мир на категории, оппозиции и прочее, на что в наше время указывает Жак Деррида. «Чистое» состояние сознания – это деятельность психики, когда не существует разделения на субъект и объект, нет ни малейшего разрыва между интуитивным «схватыванием» ситуации во всей целостности и спонтанным реагированием на нее, нет дискурсии, концептуализации и вербализации непосредственного опыта, нет привязанности к внешним объектам и т.д. Речь идет об освобождении от любых комплексов и беспокойства, и даже больше, – от самого нашего силлогизирующего ума. В дзен не только духом, но даже стилем находим аналогию и с некоторыми формами современного и постмодерного стилей мышления, – например, с концепцией Витгенштейна, который отрицает философию как общее объяснение мира: «В чем твоя цель в философии? – Указать мухе выход из бутылки» [9, 73]. Как отмечает Судзуки: «Язык – это самый ненадежный инструмент, который когда-либо создавал человеческий разум» [26, 56]. Это как будто парафраз Л. Витгенштейна: «Язык – это лабиринт путей. Вы подходите с одной стороны и ориентируетесь в ситуации; подходите к тому же месту с другой и уже не ориентируетесь» [10, 171].

Языковые утверждения не интерпретируют факта и даже не объясняют, а лишь «показывают» его, отражают, как в зеркале, его связи. Предложения, отражая реальность, являются своеобразной ее проекцией, однако мы ничего не можем сказать о соотношении этих двух плоскостей – мы можем это только показать. Нежелание выходить за пределы мира и закреплять его в жестких формулах дает основания ссылаться на дзен. Вспом-

ним, что когда ученика захватывают слишком амбициозные мысли, учителя дзен отвешивают ему пощечину, не для того чтобы наказать, а только для того, чтобы установить своеобразный непосредственный контакт с жизнью, без всяких рефлексий, ученик просто чувствует ее и все. Витгенштейн также много раз советовал ученикам не заниматься философией и, в конце концов, сам покинул научную деятельность и лекции в университете, отдавшись трудам в больнице и учительству в сельских школах. Пошел за жизнью, за опытом.

Как отмечает Дж. Сёрль, «время, в которое мы живем, – это своего рода золотой век философии языка» [24, 67]. Не обошла проблема языка и языковые парадоксы постижения человеческого бытия и литературу, особенно это касается литературного авангарда. В нем наблюдаем значительные смысловые аналогии с антропологической философией дзен. Возьмем один из диалогов Эжена Ионеско: «Сколько стоит этот автомобиль?» – «Это зависит от цены» [15, 167]. Наталкиваемся здесь, по сути, на тот же апорийный круг, который узаконивается дзенским коаном (культурно-аналитическим и онтологическим дискурсом): ответ повторяет вопрос до бесконечности, пока ум не подписывает акт капитуляции, принимая абсурд за основу мира.

Вся жизнь XX в. пронизана явлением т.н. Модерна со всеми его проявлениями: от импрессионизма и сюрреализма до абсурдизма и постмодернизма включительно. Именно XX в. постулировал человеческое бытие как таковое, во всех его проявлениях и культуру как неотъемлемый слой этого бытия и человеческого существования. Модернизм показал, что именно в слое культуры вычленяется сущность человека, но не просто человека, в отличие от человеческой фигуры реализма, а человека как совокупности определенных пластов «разноцветных» индивидуальных и эстетических проявлений, о которых этот человек может и не подозревать. Различные проявления модернизма во всех их специфичности неразрывно оказались связанными с такими проявлениями человеческой самоидентификации как философия и искусство. Картины Сезанна и философия Анри Бергсона, экзистенциализм Мерло-Понти с проблемами смысла и бессмысленности и абсурдизм диалогов Ионеско – составляют единое целое модерна и модернизма. Выводы Ницше и достижения экзистенциального понимания мира привнесли в модернизм вовлеченность многоцветье проявлений жизни вообще и жизни человека в частности в их постоянной изменчивости и многообразия.

Одним из фундаментов модернизма можно считать французский постромантизм, особенно так называемых «проклятых» поэтов (Рембо, Верлен, Бодлер). Верлен исходит из того, что тайна жизни заключается именно в присутствии человека в этой жизни, он отвергает - либо опосредованность рациональностью этого присутствия. Верлен, очарован текучей неуловимостью предметного мира, стремится не дробить, не анализировать

его. Он не классифицирует его, поскольку любой выбор реализует лишь одну из возможностей и оставляет невыполнимыми все остальные, тем самым неизбежно убивая целостность мироустройства. Верлен же хочет собрать ее в единстве, он стремится охватить единой собственной душу так, чтобы «я» и «мир» зеркально отражали друг друга: «Эта улица, город – в призрачном сне; это будет, а может и было» [19, 83].

Артур Рембо, в свою очередь, заставляет читателя почувствовать бытийную дрожь от прикосновения к неизвестному. Отменяя «логические» связи между предметами, вовлекая их в карнавальную видоизменчивость, язык современной литературы создает действительность, в которой не надо удивляться никаким метаморфозам – и тем самым, вырывая себя (и нас) из мира повседневности. Это путь самоуглубления, прорыва в неосознанное, на который впервые в научной сфере вступил в начале XX в. Зигмунд Фрейд. Блуждания Фрейда в лабиринтах бессознательного дали неопределимый толчок всей литературе XX-XXI вв. и, в первую очередь, одиссее Леопольда Блума – героя джойсовских блужданий по Дублину и самому себе.

Один из читателей как-то бросил Джойсу: «Ваши книги трудно читать». Джойс ответил: «Трудно было писать». «Улисс» Джойса, «Петербург» Андрея Белого, «Замок» и «Процесс» Кафки и «В поисках утраченного времени» Пруста имеют в своих языковых формах много общего в новом изображении пространства времени, в частности по отношению к дуальному путешествию по большому городу и в себя. «Улисс» – именно путешествие, поэтому его надо воспринимать именно пространственно и во времени. Выбирая в качестве героя романа еврея, Джойс намекает на всечеловеческую способность к путешествиям в пространстве, времени и сознания, метафорой чего является вечный странник – еврей. Это было намеком также на важность и первичность поиска самого себя [14, 12].

Главное в Блуме – то, что личностное, неповторимое важнее для него от общественного, общего, а такой человек всегда и везде в XX в. осуждалась так называемыми широкими массами, пораженными национализмом и псевдопатриотизмом – этими язвами XX в. Джойс устами Стивена, еще одного героя «Улисса», постулирует: «Моя страна хочет, чтобы я умер за нее. Пусть моя страна умрет меня [14, 302]. Джойс демонстрирует приоритет личностной свободы, важности личностного понимания и стремления к самовозрастанию. Ответ на этот кроется в вопросе о «еврейскости» главного героя: «Но и еврей может быть преданным своей стране?», И Стивен остроумно отвечает: «Конечно, если он только знает, какая из них его страна» [14, 235].

Еще один схематический уровень «Улисса» отражает неразрывность языка, мира и телосложения. Автор утверждал, что с каждым эпизодом романа определенным образом связаны как слово, так и определенный ор-

ган человеческого тела, а также определенная наука или искусство, определенный символ и определенный цвет.

Что касается Марсея Пруста, то он задался целью создать определенный замкнутый и уникальный в своем роде мир, который принадлежал бы только ему и знаменовал его победу над текучестью вещей и над смертью. Но он пользовался совсем другими средствами. Они заключаются, прежде всего, в пристальном отборе, любовном коллекционировании счастливых мгновений бытия. Он создает определенного рода память, которая отвергает раздробленность реального мира и которому достаточно запаха старых духов, чтобы воссоздать тайны отвергнутого в прошлом и вечно юного мира. Выбрав внутреннюю жизнь, а в этой жизни наиболее сокровенную его сердцевину, Пруст восстает против того, что в реальности подвергается забвению, т.е. протестует против машинального и слепого мира. Пруст воскрешает навеки Красоту и Любовь, создавая и отыскивая для них новое время и наперекор смерти доказывает, что прошлое, в конце концов, превращается в нетленное современное, куда более настоящее и весомее чем то, каким оно было прежде. Именно поэтому очень большую роль в «Потерянном времени» играет психологический анализ. Истинное величие Пруста в том, что он изобразил не потерянное, а найденное время, собирает воедино раздробленный мир [21]. Он сумел уловить в переменном потоке форм трепетные символы человеческого единства.

Еще одной стороной модернизма является направление, которое, утверждая показной антиэстетизм, на самом деле прокладывает путь к настоящей эстетике человеческого существования, единственной в своем многообразии, багатоформности, лишь утверждает это единство. Основателем этого направления можно считать Донатьена Альфонса де Сада, сложность и многообразие творчества которого достойно олицетворяют в XX в. Жан Жене и Юкио Мисима [18]. В рассказе «Патриотизм» Мисимы описано самоубийство молодой супружеской пары. Гвардейский поручик Такаяма, оказавшись перед неразрешимой моральной дилеммы вместе с женой идет на самоубийство. Первый пласт произведения вроде бы восхваляет истинно японский дух патриотизма, но по мере развития событий отступает, забывается идейное основание кошмарного ритуала, и вдруг рождается жгучее, болезненное ощущение трагической потери, бессмысленной гибели двух молодых, полных жизни и любви человеческих существ.

Пьеса «Маркиза де Сад», как и каждое произведение Мисимы, – это своего рода исследование, студии определенного понятия, явления или состояния души: красоты, страдания, нигилизма и т.д. В этом смысле «Маркиза де Сад» – студии Порока как спутника абсолютной, ничем не сдерживаемой свободы человеческого духа, когда и в языковой сфере, и в социуме он один на один со всем мирозданием – без веры, без морали, без любви. Шарль Бодлер писал: «Чтобы объяснить зло, нужно всегда возвращаться к де Саду – как к естественному человеку» [22, 367]. Для Мисимы, ко-

торый всю жизнь примерял одну маску за другой, фигура де Сада, человека без маски, была, пожалуй, полной неизъяснимой прелести. Юкио Мисима выбрал для финала своей судьбы исход из жизни, но, несмотря на антиэстетизм и антивитализм, его языковой мир, жизнь, творчество и смерть постулировали как великую ценность одно – Прекрасное.

Важным условием и основой, которая дает возможность современному искусству и литературе воспроизводить процессы самопостижения человека является язык. Именно язык помогает создать тот круг, двигаясь по которому человек начинает понимать наиболее непонятные закоулки своей сущности и мира.

Представители литературно-театрального авангарда, «абсурдизма», Эжен Ионеско и Сэмюэл Беккет через язык и театр абсурда проявляют свою реакцию на события XX в., обращают людей в послушных кукол, лишенных даже языка и речи. В пьесе «Носороги» Ионеско изображает духовную и физическую мутацию, которая вдруг охватывает людей. Пьеса, по его словам, была развернутой метафорой конформизма, охватившего человеческое общество [15]. Именно метафоричность и парадоксальность языка и литературы авангарда помогает понять этот противоречивый и парадоксальный мир.

Парадокс лежит в основе как формы, так и содержания и в произведениях С. Беккета. Поскольку парадокс является главной структурной единицей в Беккетовых произведениях, мы можем иметь много прочтений его текста (так же, как и жизнь).

Сэмюэл Беккет во время второй мировой войны «чтобы не сойти с ума» пишет роман об Уоте [29]. Этот странный персонаж после того, как кондуктор выталкивает его из трамвая, ночью добирается до имения еще более странного господина Нота и остается там на несколько лет. В этом романе Беккет с помощью философов, загримированных под шутов, разыгрывает трактат о наукоцентрическом европейском сознании, о религии, о боли и отчаянии человека, которому выпало жить в XX веке. Весь «Уот» является замаскированным ребусом и сплошной игрой языка и слов. Все начинается с имен главных персонажей – Уота и Нота. Слово «Уот» в зависимости от того, как его написать по-английски, может означать «что?», «Ватт» (электромощности) и «знаю» (на древнеанглийском). «Нот» может быть отрицанием, «узлом» (на английском), «необходимостью», «нуждой», «горестью», «тяготой», «бедствием», «лишением» (на немецком), отрицанием «нет», словами «ноль», «ничто».

Уота можно считать воплощением языковой теории Витгенштейна. По мнению последнего, только человеческий разум способен разделять бесформенную времяпространственную бесконечность Вселенной на конкретные предметы. Человек отличается от других существ, прежде всего способностью определять, идентифицировать вещи, а для того, чтобы это делать, человеку нужен язык. Там, где нет языка, нет и мысли, а там где

нет мысли, может быть только неосознанная, неопределенная экзистенциальная тотальность, Все и Ничто одновременно.

Уот даже не аналитик, а скорее, логический позитивист, для него слово и его значение полностью тождественны. То, что не поддается объяснению, Уот игнорирует, как совершенно лишённое смысла и значения. «Чему он научился? Ничему. Что он узнал о мистере Ноте? Ничего», – пишет Беккет [29, 85].

Роман Беккета рассказывает об отношениях между Уотом и Нотом, между слугой и господином, между рабом Божиим и Всевышним, и оба героя делают все, чтобы не выйти за рамки отведенных им ролей. Поиск слов и явлений, который все время ведет человек, вооруженный конкретным, рациональным значением, и его трагическая неспособность понять хотя бы то, что происходит вокруг – это, собственно, и есть тема «Уота».

Позитивист, лингвист и математик, Уот предпочитает за каждым словом закрепить конкретное, единственное, плоское и одномерное значение, пренебрегая множеством значений, красок и оттенков жизни и реальности, которые стоят за каждым словом. Уже в конце первой части романа вооруженный логическим языком, Уот оказывается совершенно беспомощным перед лишённой понятного значения реальностью. В уют рациональности врывается иррациональная неуместность. «Уот» (что?), – вопрошает человек. – «Нот» (ничего), – слышит он в ответ.

В литературе абсурда подвергается критике «упрощение» мира «простым» человеком, который по унификационистским одномерностям значения тождествен логическим позитивистам. Каммингс по этому поводу пишет: «Так называемые простые люди – люди, которые не существуют, – отдают предпочтение вещам, которые не существуют – простым вещам» [30, 14].

Сэмюэл Беккет как-то бросил такую сентенцию – нечего выразить и высказать, нечем выразить и высказывать, не из чего выражать и высказывать, нет силы выражать и высказывать, ни желанья выражать и высказывать, и вместе с тем существует обязанность выражать и высказывать. Так определяется им употребление языка, – языка, пронизанного парадоксами с тех пор, как он потерял свою прямую экспрессивность и способность объяснять мир. В парадоксе мы имеем бинарную противоположность, члены которой противоречат друг другу, и одновременно – сосуществуют, удерживаемые вместе какой-то глубокой структурой, и дают результат. Парадоксальность языка кроется в том, что он (язык) употребляется им, чтобы обращаться против самого себя. Парадокс находится в основе как формы, так и содержания Беккетовых произведений. Значение происходит от самой формы и так как парадокс является главной структурой единицей в произведениях Беккета, мы можем иметь много прочтений его текста. Их парадоксальная природа предопределяет их открытость, поэтому их можно интерпретировать по своему усмотрению. То, что держит форму можно плотнее – это как раз и есть логика парадокса. Она детерминирует все структурные и

семантические единицы произведений Беккета, от языка к персонажам, которые тоже являются взаимодополняющими и противоречивыми.

Парадокс как структурный фактор в языке Беккета параллелен гротеску в его образах людей. Гротеск является наглядным изображением понятия парадокса. Беккет имеет целью использовать язык как имманентное противоречие. Язык разлагается на составляющие, после чего может использоваться как объект. Употребление языка как самоцель, сконцентрированное на его схемах и механизмах, представляет сугубо поэтическое употребление. В поэзии язык является саморефлективным и не обязательно коммуникативным. Беккетова манипуляция человеческой фигурой на «сцене» жизни, социума и его употребление языка показывают нам субъекта в кризисе. Субъект потерял все признаки целостности и единства. Лишенный тела и языка, он уже не может рассказывать нам о мире. Он изображает человеческую фигуру как субъекта в становлении. Теоретически это совпадает с пониманием субъекта у Ж. Лакана [17].

По Лакану, язык является главным структурирующим фактором. Как для сознательного, так и для бессознательного: «В языке я идентифицирую себя» [32, 69]; «механизмы, которые определяют режим деятельности бессознательного, точно соответствуют функциям, которые являются определяющими для двух наиболее ярких аспектов деятельности языка – метафоры и метонимии» [32, 799]. Для получения своего «Я», идентичности, ребенок, согласно Лакану, проходит процесс из трех стадий; с «приобретением» языка связано вхождение в символическую стадию, представляющей законы, порядок и общество в целом. С обретением языка субъективный статус полностью завершен и главным импульсом ребенка становится ощущение подавленного желания. Субъект, который говорит, указывает Лакан, является воплощением отсутствия, поэтому субъект есть то, чего нет. Ребенок, через сопоставление себя с другим, начинает приобретать определенные ощущения тела, своего «Я». «Другой», это и есть место, которое субъект должен занять, чтобы войти в символический порядок, представляющий все формы человеческой культуры и жизни в обществе. Желание, ключевой термин лакановского психоанализа, ведет себя подобно языку, двигаясь от символа к символу, никогда не осуществляясь до конца, так же как смысл и реальность никогда не могут быть схвачены полностью через язык.

Литература в этом контексте рассматривается как имеющая очень важное отношение к бессознательному. В некоторых жанрах литературы язык, освобожденный от пут репрезентативности, представляет собой свободную игру значений, является истинным выражением желания. Беккетовская трактовка субъекта в кризисе можно сравнить с Лакановым. Произведения Беккета принадлежат к той особой категории текстов, которые бросают вызов существующему порядку вещей (лингвистическому, социальному философскому).

Жак Деррида в своей концепции также подвергает критике, – а точнее, «деконструкции» – традиционное положение вещей, традиционное понимание языка, человека, философии, культуры. Целью его замысла является деконструирование западноевропейской метафизики с присущими ей иерархическими оппозициями. Деррида разрабатывает практическую методику считывания текстов в акте письма, нацеленную, с одной стороны, на проявление скрытых противоречий и столкновений философского дискурса, а с другой – на такую их репрезентацию, в которой бы присутствовало многосмыслие. Акт письма становится именно практикой, действенным порывом критического вопроса, изобличения концептуального мышления. Деконструктивист выискивает бинарные оппозиции, характерные для культуры, литературы, философии. В таких оппозициях первому термину отдается статус преобладания. Такие иерархические оппозиции составляют самую суть логоцентризма с его безграничным интересом к рациональности, логике и поиску. Деконструктивист хочет подорвать эти оппозиции и, следовательно, подорвать логоцентризм.

В деконструктивистской программе Деррида язык играет роль принципиального условия возможности любого дискурса, теоретизирования, философствования. Он выступает не только средством передачи ментальных состояний, но и условием человеческого бытия, хранителем традиций, условием нашего существования и постижения мира. Язык рассматривается здесь как таковой, предшествующий субъект-объектному разграничению. Следствием понимания такого статуса языка является вывод, что господствующая концепция языка создает определенные соответствующие способы дискурса. Центральный объект деконструкции – это «метафизика в тексте», возникающая благодаря принципу центрирования. Это противодействие метафизической организации текста, которая инициируется на его же поле и его же собственными средствами.

Деконструкция – это, прежде всего, активизация «центров сопротивления», которые содержатся внутри текста, господствующему логоцентризму текста. В рамках такого подхода текст воспринимается как воплощение гетерономности, разнозакония, отсутствия диктата какого-либо единого организующего и направляющего принципа. «Чем деконструкция не является – да всем. Что такое деконструкция? – да ничто» [12, 57]. Подобный подход характерен и для восточной психоментальной и языковой практики дзен (чань), выступающего против бинарного расчленения мира, которое является причиной дихотомических субъект-объектных отношений: «Два (т.е. двойственность) существует потому, что есть «одно», поскольку «объект» является «объектом» для «субъекта», а «субъект» является «субъектом» для «объекта» и все формы двойственности являются помрачением сознания. Они подобны миражам» [13, 135].

Согласно общей теории письма, которую развивает Деррида, язык основывает человеческий мир, а человеческий мир – весь мир. Согласно той

логике, которая ведет от лингвистики Ф. де Соссюра к общей семиотике, Деррида распространяет свою теорию языка и на философию мира как языка. Язык и мир здесь постигаются более в терминах письма, чем с точки зрения «лингвы». «Оказывается, что речь представляет собой некоторую форму письма, понимание – некоторую форму недопонимания, а то, что мы считаем осмысленным языком, – всего лишь свободная игра знаков или бесконечный процесс прививания одних текстов к другим» [11, 59]. Как отмечает Деррида, «общеупотребительный язык» не является невинной и нейтральной вещью. Это язык западной метафизики, и она имеет в себе значительное количество презумпций [13, 32].

Деррида лишает объективные предметы и субъективные идеи статуса традиционных приоритетов и подчиняет их письму. Это, по мнению Деррида, должно воспрепятствовать привнесению во внешний мир эйдосов. Идея деконструкции, а точнее, семиологичной деконструкции, возникает в исследовании основ философии языка. Эта идея ориентирует преобразователей метафизики на поиск в культуре таких ее глубинных слоев, которые были размещены на других уровнях индивидуального и коллективного организма, чем рациональное мышление в его традиционных интерпретациях.

В современной языковой и аналитической философии существует множество подходов и средств рассуждения о личностном характере сознания, о его языковых контекстах, интенциональности и проч. Однако, как пишет Р. Рорти в статье «Сегодняшняя американская философия», новое поколение аналитических философов ищет новые подходы, пытаясь обогатить философию языка, философию сознания и аналитизм идеями герменевтики, Хайдеггера, Ницше, Гегеля, Деррида. Расширение горизонтов исследований аналитической философии связано прежде всего с возвращением к субъекту, к человеку в поле его интересов на совершенно ином уровне. Например, немецкий философ Дитер Генрих создал интересную и оригинальную философско-языковую концепцию человека, считая, что последний является единством факторов «самосознания» (Selbstbewußtsein) и «самоподдержки» (Selbsterhaltung). Отправным пунктом его концепции является осознающая сама себя и способная к действиям отдельная сущность, т.е. личность, которая зависит от собственной самоподдержки и в состоянии ее осуществлять. «Связь между обеими рефлексивными отношениями можно себе легко понять, если с самого начала представить функционально самосознание как условие, в силу которого рациональная сущность способна отстоять себя в Dasein*» [31, 121].

Проводя языковой анализ, Генрих обращает внимание на использование личного местоимения в первом лице единственного числа: «В процессе коммуникации, в котором ссылаются на отдельные вещи, это местоимение служит для того, чтобы указать на тот особый отдельный предмет, которым яв-

---

* Dasein (нем.) – существование, наличное, повседневное бытие («здесь-бытие»).

ляется личность того, кто говорит» [31, 121]. Местоимение служит, таким образом, отражением процесса формирования внутреннего мира. «Отношение говорящего к себе нельзя определить однозначно, пока молвящий как личность не сможет применить к самому себе предикаты» [31, 122].

Аналитическая и языковая философия сформировалась и развивается в широком и общекультурном контексте, вступая во взаимодействие как с конкретно-прикладными науками, как и с другими философскими течениями – феноменологией, онтологией, герменевтикой, психоанализом, – так и с теологическими построениями, что в определенной степени влияло и влияет на изменения в ее проблематике и исследованиях. Одно из самых интересных отношений сложилось между аналитической философией и философской герменевтикой. Это сближение связано с исследованием проблемы понимания. Это также одна из главных тем позднего Витгенштейна. Герменевтика выводит эту проблему на уровень онтологии. Аналитическая философия также, описывая и исследуя условия, необходимые для понимания языка и речи другого человека, пытается выявить структуру языка (в частности, будничной) и сделать на ее основе онтологический выход от структур языка в структуру бытия. Аналитик У. Куайн отмечает, что теория смысла языковых выражений может быть философски значимой, только если она является теорией их понимания. И аналитики Витгенштейновской традиции, и современные герменевтики показывают специфический характер процедур понимания и их отличие от естественнонаучного объяснения. Наконец, аналитический стиль философствования характерен для творчества многих герменевтиков, в частности. Поля Рикёра и Карла Отто Апеля. Рикёр пишет о своем желании: «Работая ради продвижения вперед герменевтической философии, способствовать, насколько это возможно, пробуждению интереса к этой философии у аналитических философов» [21, 91].

Деррида пишет: «Я стараюсь держаться у границы философского дискурса. Я говорю «границы», а не смерти, т.к. совсем не верю в то, что обычно называют смертью философии» [13, 13]. Поэтому, во многом целью было показать, что, несмотря на множество подходов, практик, интерпретаций языка, человека, философии, все эти виды дискурса служат расширению понимания самих этих явлений. Все языковые и аналитические философские поиски проникнуты сосредоточенным вниманием к языку, попыткой переосмыслить на этой основе сущность, направленность всей деятельности, сущности, бытия человека. Аналитическая традиция получила толчок, перейдя от постулирования мира человека как единства смысла, который задается структурами языка к проблеме сознания, интенциональности и языка внутреннего и социального общения человека. Аналитизму открылись такие механизмы бытия, ценностей, социальной деятельности, языка, внутренние секреты их действия, которые всегда усколь-

зают не только от обычного видения, но не улавливаются и техническим инструментарием логического анализа.

Литературный и языковой авангард в культуре, так же, как и аналитическая, языковая философия не давая «закостенеть» онтологической и гносеологической традиции, утверждает многообразие речевых описаний, постижений мира, языка, социума и человека. Деконструкция, абсурдизм, литературный авангард, дзенская психотехника демонстрируют расшатывание привычной картины языка, мира, общества, человека. Это служит нивелированию любой тотальности, которая подвержена правил, которые устанавливают дихотомии, которые закрыты осмотрам и изменениям. Такой тип мышления исходит из того, что каждое дихотомическое разграничение должно быть принято или отвергнуто, потому что станет невозможным свести все к рациональности. Языковые и литературные практики, возникающие в языке дихотомий, по существу – это разнообразие одного метадискурса, который философствует посредством тотализирующих учений. Эти учения начинают подвергаться сомнению, критике, иронии, возникают новые культуры философствования, формируется плюральный подход к пониманию литературы, языка и философии, где никакая традиция не получает привилегированного статуса. Идет онтологический и аксиологический переход к философии и литературе как к практике, что развивает нашу способность к познанию, критике и творческой рефлексии.

Литература

1. Абаев, Н.В. Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае [Текст] / Н.В. Абаев. – Новосибирск: Наука., 1989. 272 с.
2. Балмаева, С.Д. Аналитическая «философия сознания»: взгляд сквозь призму интеллектуальной биографии Герберта Фейгла [Текст] / С.Д. Балмаева // Историко-философский ежегодник'90. – М.: Наука, 1990. С. 123-143.
3. Бергман, Г. Блеск и нищета Людвига Витгенштейна [Текст] / Г. Бергман // Людвиг Витгенштейн: Человек и мыслитель. – М., 1993. – 352 с.
4. Борхес, Х.-Л. Письмена Бога [Текст] / Х.-Л. Борхес. – М.: Республика, 1992. – 510 с.
5. Буддизм и культурно-психологические традиции народов Востока [Текст]. – Новосибирск: Наука, 1990. – 216 с.
6. Витгенштейн, Л. Избранные тексты [Текст] / Л. Витгенштейн // Философия языка Л. Витгенштейна. – М., 1987. – С. 26-93.
7. Витгенштейн, Л. Культура и ценность [Текст] / Л. Витгенштейн // Человек. – 1991. – № 5. – С. 97-100; № 6. – С. 89-104.
8. Витгенштейн, Л. Лекции: Кембридж 1930-1932 [Текст] / Л. Витгенштейн // Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель. – М., 1993. – 352 с.
9. Витгенштейн, Л. Лекция по этике [Текст] / Л. Витгенштейн // Историко-философский ежегодник'89. – М.: Наука, 1989. – С. 238-246.

10. Витгенштейн, Л. Tractatus logico-philosophicus; Філософські дослідження. – К.: Основи, 1995. – 311 с.
11. Деррида, Ж. Московские лекции. 1990 [Текст] / Ж. Деррида. – Свердловск: Ин-т философии и права УрО АН СССР, 1991. – 89 с.
12. Деррида Ж. Письмо японскому другу [Текст] / Ж. Деррида // Вопросы философии. – 1992. – № 4. – С. 53-58.
13. Деррида, Ж. Позиції. – К.: Дух і літера, 1994. – 158 с.
14. Джойс Д. Улисс. – М.: Республика, 1993. – 671 с.
15. Ионеско, Э. Носорог. Пьесы и рассказы [Текст] / Э. Ионеско. – М.: Текст, 1991. – 268 с.
16. Кацуки, С. Практика Дзэна [Текст] / С. Кацуки // Дзэн-буддизм. – Бишкек, 1993. – С. 469-670.
17. Лакан, Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе [Текст] / Ж. Лакан. – М.: Гносис, 1995. – 192 с.
18. Мисима, Ю. Золотой храм [Текст] / Ю. Мисима. – СПб.: Северо-Запад, 1993. – 478 с.
19. Поэзия французского символизма [Текст]. – М.: МГУ, 1993. – 436 с.
20. Пруст, М. Беглянка [Текст] / М. Пруст. – М.: Крусь, 1993. – 336 с.
21. Рикер, П. Герменевтика, этика, политика [Текст] / П. Рикер. – М., 1995. – 160 с.
22. Сартр, Ж.-П. Ш. Бодлер [Текст] / Ж.-П. Сартр // Бодлер Ш. Цветы зла. – М.: Высш. шк., 1993. – 511 с.
23. Серль, Дж.Р. Природа интенциональных состояний [Текст] / Дж.Р. Серль // Философия. Логика. Язык. – М.: Прогресс, 1987. – 336 с.
24. Серль, Дж.Р. Перевернутое слово [Текст] / Дж.Р. Серль // Вопросы философии. – 1992. – № 4. – С. 58-69.
25. Соссюр, Ф.де. Курс общей лингвистики [Текст] / Ф.де Соссюр. – М.: УРСС Эдиториал, 2007. – 257 с.
26. Судзуки, Д.Т. Основы дзэн-буддизма [Текст] / Д.Т. Судзуки // Дзэн-буддизм. – Бишкек, 1993. – С. 3-469.
27. Французька п'еса ХХ століття. Театральний авангард. – К.: Основи, 1993. – 511 с.
2821. Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления [Текст] / М. Хайдеггер // Сост., пер. с нем. и комм. В.В. Бибихина. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
29. Beckett S. Watt. P.: Olympia Press, 1991. 254 p.
30. Cummings. i: six nonlektures. Cambridge: Harvard University Press, 1963. 128 p.
31. Heinrich D. Über Selbstbewußtsein und Selbsterhaltung / Heinrich D. Selbstverhältnisse. Stuttgart: Reclam, 1993. 212 s. S.109-131.
32. Lacan J. Subversion du sujet et dialectique du desire dans L'inconsient freudien // Lacan J. Ecrits. Paris:Seuil, 1966. 946 p. P. 793-827.

Глава 2. Социальная онтология разума и рациональность общественной практики в институциональном измерении трансформаций глобального развития

С идеей «подлинного бытия», которое снимает противоречие между субъектом и объектом, сущностью и явлением, мышлением и бытием, а именно с ним соединяла философия представление об истинном разуме, связано то, что «существующее не является разумным непосредственно», но только должно быть приведено к разумному состоянию.

Общество немислимо без природы. Человек – это наиболее высоко-развитое существо природы, и основой человеческого общества является обмен веществ между человеком и природой: человеческий труд. Развитие экономики, техники, науки будет постоянно вызывать новые следствия, оказывать влияние на все сферы общественной жизни, которые никогда не смогут быть предусмотрены совершенно, абсолютно. Объективные условия, хотя и рационально регулируемые, будут определять сознание существующих поколений людей, общество сможет и дальше двигаться вперед только в бесконечном процессе преодоления противоречий, хотя и не антагонистических, а в процессе борьбы нового против старого. И даже в бесклассовом обществе нет другой возможности объективно обосновать рациональность, как только выводя ее из историко-материальной общественной реальности.

Совокупность человеческих способностей возникает из истории. И человек развивается в истории. Удовлетворение его потребностей зависит от контроля над природой и обществом. Поэтому их действующим измерением, в конечном счете, является измерение разума. Природу и общество нужно преобразовать таким образом, чтобы имеющиеся способности и качества могли свободно развиваться. При этом необходим и воспитательный процесс с целью усовершенствования этих способностей и качеств. «Осуществление разума ... предполагало конец любого внешнего авторитета» [13, 37]. Этот разум имеет общезначимое значение, потому что из подчеркивания разума следует, что поступки человека – суть действия мыслящего субъекта, который руководствуется понятиями познания. Понятия как инструменты этого познания позволяют проникать в сущность универсальных и необходимых законов, которые объясняют внутренние изменения формы вещей. Общие понятия становятся рычагом изменяющей мир практики. «Общее настолько же реально, как и особенное, оно только существует в другом виде, а именно как сила, *dynamis*, возможность» [15, 109].

С самого начала современного этапа развития идея и действительность разума содержали небезопасные элементы: «порабощение человека его собственной продуктивностью», «прославление ожидания грядущего счастья», «репрессивное господство над человеческой и внечеловеческой природой», «развитие человеческих задатков в рамках господствующей структуры» [15, 369].

Концепция всего современного неомарксизма сосредоточена на понятии «разума». Согласно ей, до сих пор философия сохраняла свое право на существование именно настолько, насколько ее разум еще не получал своей практической реализации в человеческом бытии: «доныне жила тем, что разума еще не было действительностью» [13, 103]. Разум возникает, таким образом, как высшая способность человека и всего существующего, и как человеческая возможность он включает в себя также и то, что фиксируется понятием свободы. И поскольку все это (истинное бытие, реализация человеческих потенций, его свободное самоопределение, охватываемой философским представлением о разуме и разумности) еще не свершилось, постольку «философия разума» сохраняет определенное отношение к истине и в силу последнего право на существование.

Неомарксисты пришли к выводу, что в качестве силы, которая разрушает разум, выступают не только «институты господства», обусловленные функционированием экономики, но и еще большую опасность включает в себя идеология, техника, «технологическая рациональность», что ведет к технизации всех сфер жизни современного общества. Рост производительности, увеличение экономической мощи создают парадоксальную ситуацию: по мере увеличения власти человека над природой растет его зависимость от техники, технического аппарата господства [5, 43].

В трактовке неомарксизма все современное общество предстает как воплощение «технологической рациональности», которая организует и контролирует производство, фабрики и служебную бюрократию, труд и свободное время людей. Техническая цивилизация целиком растворяет собственное Я человека, устраняет последнюю разделяющую инстанцию между индивидуальным поведением и общественной нормой, и превращается, в конечном счете, в стихию бесчеловечности. В этих условиях социально-экономические и социально-политические отношения, которые играли решающую роль в доиндустриальных обществах теряют свое определяющее положение и поглощаются технико-организационными взаимосвязями. «Технологический универсум становится политическим универсумом – самой последней ступенью осуществления специфического общественного проекта, а именно – превращения природы как голого материала господства» [3, 228].

Гегель не постиг реальности тиранического государства. Он принял капитализированную модель общественного и человеческого развития, буржуазный строй и буржуазное государство за историческое осуществление разума. Высший уровень осуществления как обожествление духа означает признание его поражения в действительности. В негативности Гегель видел жизненный элемент разума. В конечном счете, это означает, что факты надо понимать под углом зрения их сменяемости.

Разум в своей глубочайшей сущности – это противоречие, оппозиция, отрицание, во всяком случае, пока он еще не осуществился. Если эта отри-

цательная сила разума является уничтоженной, то действительность в соответствии с ее собственными законами развивается в репрессивную силу. Такой упадок негативности характеризует «позднеиндустриальную» цивилизацию: растущая концентрация и тем самым растущая власть экономического, политического и культурного контроля ликвидируют оппозицию. Функция духа меняется: он способствует господствующим силам в управлении и организации, разрушая негативность. Разум отождествился с действительностью: что является истинным, то является и разумным, хотя то, что является разумным, еще не стало действительностью.

Разум создает единство природного и человеческого мира. Субъект мышления во всех людях является одним и тем же. Исходя из этого представляется природным и естественным существенное равенство людей. «Кроме того, мыслящий субъект как производитель общих понятий необходимо должен быть свободным. Свобода составляет самую внутреннюю сущность субъективности» [14, 230]. Таким образом, разум не связывается с непосредственно данной формой сущего, а может выходить за его пределы и изменять его в соответствии с понятиями. Из этой свободы следует моральный долг, потому что истина как объективная возможность должна быть осуществлена. Разумные действия практикуются естественными науками. В результате идея разума попадает в подчинение техническому прогрессу, а экспериментальный метод становится моделью рациональных действий. «Вследствие этого современный рационализм приобрел тенденцию кроить по модели природы как индивидуальную, так и общественную жизнь» [15, 227]. В этом заключается позитивистская тенденция: мир рассматривается как мир, в котором царят объективные законы, которые действуют как физические законы, и к этому должна приспособляться личностная экзистенция, личностное существование. «Поэтому бросается в глаза конформистский скептицизм, который сопровождает развитие современного рационализма» [3, 228]. Чем больше побеждал этот технологически смоделированный разум, тем все менее решительно стремился он к общественной свободе. Под давлением этого процесса постепенно исчезали критические и мыслящие элементы, ища убежище в еретических и оппортунистических доктринах: «Лейбница, Канта и Фихте примиряли свой радикализм с явной иррациональностью господствующих общественных отношений путем обращения внутрь разума и свободы» [5, 227].

Концепция неомарксизма считает, что забота о счастье человека и убеждение, что эта забота требует проведения материальной революции, определяет характер общественного развития. Определенный «нефилософский» характер социальной критической теории объясняется тем, что философия до сих пор существовала через недействительность разума, с реализацией которого она, следовательно, отмирает. Неомарксистская социальная онтология показывает, что «буржуазные» рационалисты в общественном познании придерживаются единого мнения о том, что действи-

тельное уже не является непосредственно разумным, а должно еще быть приведенным к разуму. «Такова философия идеализма, ставящая сознание над бытием» [12, 104]. В анализе явления рациональности неомарксизм исследует в качестве исходного «буржуазное» понятия разума. Разум – это критический лозунг, с помощью которого и буржуазия ведет борьбу против всех, кто препятствует ее политическому и экономическому развитию. Буржуазный разум не ограничивается одним заданным порядком. Не обязательно, чтобы разум по своей направленности был деятельностным, но в любом случае он должен содержать в себе право строить мир в соответствии с потребностями буржуазии и капитала. Толкование мира как мира рационального изначально включало в себя в первую очередь возможность понять и изменить его с помощью деятельности человека, которая основывается на познании. Природа по своей внутренней структуре рассматривалась как нечто рациональное, причем субъект и объект совпали в сфере разума. Классический «буржуазный» рационализм, который сводит бытие к сознанию и тем самым к его конкретному носителю – лишь к индивиду, является индивидуалистическим и субъективистским. Все, что существует вне субъекта, представляется чужеродным, оно является разумным лишь только в той мере, в которой оно является созданным субъектом.

Требованием становится превращение бытия в соответствии с требованием разума субъекта, но это возможно лишь в том случае, если субъект априори имеет свободу. «Буржуазный» разум и «буржуазная свобода» идентифицируются. Неомарксизм отмечает буржуазный характер этой концепции и выводит его из индивидуализирующих воздействий буржуазной собственности. «Буржуазная разумность» – это только видимость разумности в иррациональном мире. Разум и Свобода становятся сугубо внутренним свойством (*verinnerlicht*) [3, 45]. Потенциально это присуще всем идеалистическим решениям общественных проблем. Однако, если поставить своей целью сделать правильные, конкретные выводы, то необходимо исследование самого вопроса о том, при каких условиях эта возможность будет осуществляться. Тот, кто признает необходимое в качестве необходимого, преодолевает, таким образом, его простую необходимость поднимать его до уровня разума, становится свободным, говорил Гегель. Неомарксизм видит в этом псевдокритичное содержание этого решения вопроса о взаимосвязи свободы и необходимости: свобода таким путем никогда не выйдет за пределы необходимости, а только лишь освящает ее.

Свобода только тогда может стать истинной необходимостью, если эта последняя сама по себе является истинной. Свобода должна выйти за пределы необходимости. Свобода возможна лишь постольку, поскольку происходят детерминированные процессы, поскольку эта детерминированность является познаваемой, поскольку человек может планировать в соответствии с детерминантами и осуществлять свои планы по крайней мере в

определенном объеме. В недетерминированном невозможно ни планирование, ни запланированные действия, ни реализация планов.

Критическая онтологическая, гносеологическая и социальная теория согласно неомарксизму, приходит на смену прежней философии. Подобно философии, она выступает против правомерности реальности, против самодовольного позитивизма. Но по-другому, чем философия. Она черпает свои целевые установки всегда только из существующих в наличии тенденций общественного процесса. «Поэтому она не боится утопии, ее не пугает, что новый порядок обвинят в утопичности. Если истина не может быть реализована внутри существующего общественного порядка, то она и без того имеет для этого общества характер простой утопии. Такая трансцендентность свидетельствует не против, а в интересах истины» [12, 111]. Точка зрения Гегеля, на которой строится нынешняя капитализированная реальность и против которой борется неомарксизм, действительно сводит свободу к осознанной необходимости. Все, следовательно, сводится к интерпретации необходимости.

Неомарксистская социальная онтология формулирует своего рода закон о том, что внутреннее развитие европейского типа общественного мышления и западной философии вызвало необходимость перехода к критической теории общества. Если Гегель прав в том, что разум в данной действительности стремится к своей реализации и, следовательно, трансцендирование является излишним, если истина, также по Гегелю, представляет собой такое целое, которое должно быть имеющимся в каждом отдельном элементе, то теорию Гегеля разрушает т.н. пролетариат, так как он противоречит ложной действительности разума, в целом как социальное явление представляет собой олицетворение отрицания этого разума. Если свободная личность связана с собственностью, то пролетарий не является свободным и не является личностью. При этом отрицается не только философия права Гегеля, потому что пролетариат складывается в процессе труда. Согласно неомарксизму, «пролетариатом» является не какой-то определенный класс. Это общественное явление не сконцентрировано в определенной социальной группе. Им есть как отдельные индивиды, так и различные общественные группы, сознание и деятельность которых, по выражению Э. Блоха, являются «неодновременными» существующим антагонистическим отношениям, а воображение, мысль и действия направлены на рациональное будущее. Таким образом, необходимо полностью отрицать «эту» философию, т.к. «критику общества не может осуществлять философское учение, это становится задачей историческо-социальной практики» [13, 128].

Маркс хотел по-новому определить разум. Он считал, «что индустриальное общество создало условия для осуществления разума и свободы, но этому осуществлению единственно препятствует капиталистическая организация» [16, 307]. Марксизм требовал создания предпосылок освобожде-

ния: полное развертывание производительных сил, овладение природой, создание материальных богатств для удовлетворения основных потребностей всех членов общества. Эти предпосылки были налицо. Он также показал, что, несмотря на существенную связь между капиталистической производительностью и социалистической свободой, социальная революция нужна для того, чтобы осуществить этот переход, который, однако, должен принести нечто большее, нежели освобождение и рациональное использование производительных сил, а именно – освобождение самого человека: уничтожение его порабощения инструментами его же труда, индивидуального и общественного функционирования и тем самым полную переоценку всех общепринятых ценностей. Только это «большее» превратило бы количество в качество и создало бы другое, нерепрессивное общество, что означало бы определенное отрицание капитализма.

Весомым теоретико-практическим направлением в сфере как социальной онтологии, так и в моделировании общественно-экономического, политико-правового развития является созданное еще в 1986 г. в Германии неомарксистское (точнее, постмарксистское) объединение «Кризис» как «теоретический форум для радикальной критики капиталистического общества», носившее до 1989 г. объединение название «Марксистская критика». Его членами являются современные философы, социологи, правоведы, экономисты, в частности, Роберт Курц и Гельмут Райхельт, Розита Шольц и Норберт Тренкле, Эрнст Лохоф и Ахим Белгарт, Франц Шандл и др. Объединение «Кризис» проводит анализ и критику современного капитализированного общества, основанную на фундаментальном переосмыслении понятий товара, стоимости и денег, проанализированных Марксом в «Капитале». В «Манифесте против труда» группа «Кризис» выступает против утверждения Маркса о классовой борьбе как двигателе истории, поскольку борьба между пролетариатом и буржуазией не является борьбой революционного класса со своим угнетателем, а это борьба двух противоположных интересов, интегрированных в капитализм. По мнению группы «Кризис», борьба против капитализма – это не только борьба за освобождение труда, а борьба и за освобождение от труда: общественное противоречие между трудом и капиталом – это всего лишь противоречие между различными (хотя обладающими разной силой) интересами внутрикапиталистической самоцели. Классовая борьба была формой выражения этих противоположных интересов на общей социальной почве системы товарного производства [6, 14].

В обществе, где как самоцель властвует товарное производство, действительным богатством может считаться только то, что существует в денежной форме. Этим и определяется понятие труда, оно охватывает все остальные сферы, но лишь негативно, оттеняя их как зависимые от себя. На место товарного производства должны прийти открытая дискуссия, обсуждение и совместное принятие решений членами общества по разумному

использованию ресурсов. Господство труда раскалывает человеческую индивидуальность. Оно отделяет экономического субъекта от гражданина, личности, абстрактное публичное от абстрактного частного и противопоставляет изолированного одиночку его собственному общественному целому как чужой, господствующей над ним силе. Противник труда стремится к ликвидации этого состояния путем присвоения общественного целого сознательно и осознанно действующими людьми.

Для осуществления социальной революции необходим класс-катализатор социальных перемен, но он сможет выполнить свою миссию только в том случае, если он освободится от всех репрессивных преформаций [9, 101]. В неомарксизме это связано с новым пониманием «пролетариата», под которым подразумеваются общественные группы, которые не заинтересованы в увековечении системы отношений наемничества и эксплуатации, товарного фетишизма и гегемонии, глобальной экспансии, а стремятся к ее трансформации на совершенной иной основе разума, морали и мировоззрения [2, 128]. Неомарксизм обращает внимание на то, что господство классовых сил внутри «развитого общества» при новых формах социального контроля теряет абсолютный политический характер.

Согласно неомарксизму, социальная группа, класс, если он хочет находиться в центре общественной борьбы и быть выразителем интересов всего общества, должен поставить во главе своей борьбы не только собственные узкоэкономические цели, а проблемы всего общества, в частности: бюрократическое (и в частности, технбюрократичне) господство, этатизм, манипуляция сознанием и поведением масс, эксплуатация, засилье массовой культуры, противоречия между злоупотреблением и разбазариванием производственных сил и всем тем, что создают современная наука, техника и труд, что все больше и больше превращается в общественнонную силу, в главный антагонизм [7, 64].

Неомарксистская социальная онтология, руководствуясь дедуктивным методом логических «триад», рассматривает в качестве правильного, решение о создании такого разумного общества, в котором бытие и сознание не будут уже более взаимоотношенными. Там исчезает и абстрактный характер свободы. Таким образом, он объясняет научно-познавательную связь субъекта и объекта как выражение овеществления, которое при социализме будет устранено, в результате чего бытие и сознание придут к единству, будет достигнуто тождество объекта-субъекта. Предистория закончится, когда бытие и сознание освобождены. «Заинтересованность критической теории в освобождении человека связывает ее с четко определенными старыми истинами, которые она должна сохранить. Убежденность в том, что человек может быть чем-то большим, нежели некий субъект, используемый в производственном процессе классового общества, глубже всего связывает критическую теорию с философией» [11, 121].

Неомарксизм считает, что в таком обществе, которое в своей тотальности определяется экономическими отношениями, причем определяется таким образом, что ничем не сдерживаемая экономика господствует над всеми человеческими отношениями, в подобном обществе все неэкономические элементы являются определенными экономикой. Когда же это господство сбрасывают, то оказывается, что разумная организация общества, на которую нацелена критическая теория, является чем-то большим, чем по-новому устроенная экономическая форма. Это большее имеет решающее значение, только благодаря ему общество и становится разумным: подчинение экономики потребностям отдельных индивидов. Социализация средств производства как таковая является лишь «сугубо экономическим фактом» [15, 250]. Построение нового общественного строя зависит от того, как человек дальше будет использовать социализированные средства производства. Жизнь должна определяться уже не самоцелью труда и «занятости», а организацией разумного применения общих возможностей, регулируемое не автоматической «невидимой рукой», а сознательным общественным действием. Самоорганизация и самоопределение прямо противоположны государству и политике. Завоевание социально-экономических и культурных пространств свободы осуществляется не на обходном, подчиненном, ложном пути политики, а как строительство контр-общества. Свобода означает: не позволять рынку отчуждать себя, а государству – управлять собой, это означает – организовать общественное целое под своим собственным руководством, без посредничества промежуточных, отчужденных механизмов [1, 127].

С изменением общества снимается и первоначальное соотношение между надстройкой и базисом. В разумной действительности уже не процесс труда должен определять общее существование людей, а все общие потребности должны определять процесс труда. Главное заключается не в том, что процесс работы будет регулироваться в соответствии с планом, а в том, каким интересом будет определяться это регулирование и будут ли при этом сохранены свобода и счастье масс. «Пренебрежение к этому элементу лишает теорию чего-то существенного, оно устраняет с картины освобожденного человечества идею счастья, благодаря которому оно должно отличаться от всех прежних состояний в истории человечества» [12, 113]. Без свободы и личного счастья в общественных отношениях людей максимальное повышение труда и даже отмена частной собственности на средства производства будут нести на себе печать старой несправедливости.

«В строгом смысле освобождения предполагает свободу» [13, 271]: свобода может быть осуществлена только в том случае, если ее проводниками и носителями являются свободные индивиды, освобожденные от потребностей и интересов господства и угнетения. Сама общественная революция должна идти впереди через свободу, иначе будет сохраняться принцип угнетения, будет неизбежным неустранимое расхождение между «не-

посредственными» и «истинными» интересами индивидов, индивиды станут объектами их собственного освобождения, а свобода – делом администрации и декретирования. «Прогресс превратился бы в прогрессирующее угнетение», а промедления «в осуществлении свободы грозили бы стать самодостаточными и увековечиться» [13, 374]. Социальную революцию неомарксизм рассматривает как слом этой детерминации. Общественное богатство – не просто собственность всех, но каждого, т.е. такая общая собственность, где каждый является владельцем всего общественного богатства в его полном объеме [11, 43]. Как свобода каждого является условием свободы всех, так и этим богатством, прежде всего, является наука, научное знание, которое в реальности может принадлежать каждому в полном объеме, не мешая владению им другими. Научное знание является по своей сущности всеобщей производственной силой, в равной мере доступной каждому.

Уменьшение, благодаря науке и технике, необходимого труда, в условиях разумного общества ведет к увеличению времени для того полного развития индивида, который сам, в свою очередь, как наивысшая производственная сила обратно влияет на производственную силу труда. В мире освобожденного человека должно быть нечто большее, нежели только экономика. Более того, приматом в этом мире должно быть именно внеэкономичное, человеческое. Под этим аспектом общественная собственность и плановое производство существенно теряют свой характер в интересах идеи человеческого счастья. Новый строй должен доказать свою высшую ценность не только путем экономических достижений, не только с помощью экономических принципов производительности, а именно благодаря этике, которая, будучи взятой автономно, формирует свое реальное содержание.

Рациональная демократическая система социума является фактором общественно-культурным, который включает в себя отношение человека к средствам не только материального производства, но и своего самопроизводства как общественного, разумного существа. Она как бы выводит человека за пределы непосредственно материального производства, за пределы его сугубо экономического существования и необходимости в более широкую социальную сферу свободного и многостороннего развития [16, 65]. В идее разумного общества выражается историческая тенденция перехода к свободе от политического и экономического детерминизма, благодаря чему человек становится совладельцем всеобщих условий своего личного развития, независимо от выполняемых им социально-экономических функций и ролей.

Литература

1. Exner A. Die Grenzen des Kapitalismus. Munster: UNRAST-Verlag, 2008. 220 s.
2. Gorz A. Arbeit zwischen Misere und Utopie. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2000. 207 s.
3. Habermas J. Legitimationsprobleme im Spätkapitalismus.-Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2002. 195 s.
4. Habermas J. Vergangenheit als Zukunft. Das alte Deutschland in neuen Europa. Zurich: Pendo Verlag, 1993. 158 s.
5. Hardt M. and Negri A. Multitude: War and Democracy in the Age of Empire. New York: The Penguin Press, 2004. 450 p.
6. Jappe A. Die Abenteuer der Ware.- Munster: UNRAST-Verlag, 2005. 253 s.
7. Kockshott P.W., Kotrell A., Alternativen aus dem Rechner. Für sozialistische Planung und direkte Demokratie.-Кiлн:PapyRossa Verlag, 2006. 267 s.
8. Kurz R. Kollaps der Modernisierung: vom Zusammenbruch des Kasernensozialismus zur Krise der Weltökonomie. Frankfurt am Main: Eichborn, 2009. 288 s.
9. Lafontaine O. Keine Angst vor der Globalisierung: Wohlstand und Arbeit für alle.-Berlin / Bonn: J. H. W. Dietz Verlag, 2009. 352 s.
10. Mallet S. Die neue Arbeiterklasse.- Neuwied / Berlin: Luchterhand, 2002. 267 s.
11. Mandel E. Arbeiterkontrolle, Arbeiterrate, Arbeiterselbstverwaltung. Eine Anthologie. Frankfurt/M.: Europäische Verlagsanstalt, 2001. 466 s.
12. Marcuse H. Das Ende der Utopie. Berlin: Verlag Neue Kritik, 1995. 190 s. Marcuse H. Kultur und Gesellschaft. Frankfurt a.M.: Verlag, 1970. 183 s.
13. Marcuse H. Vernunft und Revolution. Darmstadt, Neuwied: Luchterhand, 1979. 399 s.
14. Mouffe Ch. and Laclau E. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. London: Verso, 2001. 240 p.
15. Reichelt H. Neue Marx-Lektüre. Zur Kritik sozialwissenschaftlicher Logik. Hamburg, 2008. 384 s.
16. Sintschenko V.V. Weltgesellschaft: postimperialismus und die aufteilung der welt // Aktualne problemy nowoczesnych nauk. 2013. Vol. 15. Przemysł: Nauka i studia. S.63-71.

ЧАСТЬ II

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И ВЕКТОРЫ СТРАТЕГИЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Глава 1. Стратегия легитимации демократического общественно-политического дискурса

Среди ряда правовых, социальных и политических явлений видное место принадлежит власти. Никакая упорядоченная человеческая общность невозможна без властных отношений, поскольку власть является необходимым элементом устоявшегося механизма взаимодействия между членами сообщества. Наличие властных отношений является чем-то самоочевидным, по крайней мере, для современников, а потому особых дискуссий вокруг источника власти как правило не возникает. Иное дело – проблема распределения власти и способы ее легитимации – вот основополагающие вопросы современного политического дискурса. Наконец подобные вопросы являются наиболее актуальными для транзитивных обществ, испытывающих коренные изменения, и не только в сфере общественной жизни, политико-экономической институализации, но и на уровне человеческого сознания и мышления.

В теориях демократического гражданского общества значительное внимание уделяется исследованию феноменов гражданского общественно-самоуправления и социального управления. Социальное гражданское общество понимается как воплощение идеалов свободы, справедливости и солидарности посредством демократизации общества, социальных и экономических реформ. Этически определенному демократическому гражданскому обществу предоставляется статус концепции, которая дает возможность научно-технических решений как глобальных, так и житейских проблем с позиции реального гуманизма. Учение об истории и институты гражданского общества являются базовыми для политической институализации, формирования идей социальной справедливости и правовой свободы, являются определенной моральной необходимостью, базируются на самосознания сменяющих конкретные жизненные обстоятельства людей принципах всеобъемлющей демократизации, темпы и формы которой зависят от развития сознания и опыта общественного большинства. Таким образом, можно сделать вывод, что проблема власти является одной из ключевых в области социального управления и политической философии, поскольку от того, что подразумевается под властью, или какая из парадигм власти является доминантной на определенном историческом этапе в обществе, в значительной степени зависит способ организации и функционирования сообщества. Если под властью понимается легальное принуждение и насилие, то мы имеем дело с обществом, в основу функциониро-

вания которого положен принцип общего интереса или еще – «невидимой руки», а отношения в такой общности формируются вроде «семейных». «Информационное» общество породило подозрение во «всенадзорности» человеческой жизни, когда каждый член сообщества осуществляет контроль за своей деятельностью от имени общества, порождая и приумножая тем самым «безличную» власть структур человеческого бытия. Наконец, стремление вернуть человеку его достоинство побудило к сотворению специфического понимания природы власти. Власть становится атрибутом человеческого сообщества, где общаются и взаимодействуют между собой «уровни различия».

Современное развитие событий в постсоветских странах освещает именно те аспекты проблемного понимания власти, о которых было упомянуто выше. В большинстве современных конституций указано, что единственным источником власти в государстве является народ. Итак, народ признается как суверенный субъект, наделенный, владеющий и распоряжающийся властью как тем, что принадлежит ему по праву. При этом право народа определяется как естественное и является первичным по отношению к правам отдельного индивида. Как следствие, утверждается доминирование общества над индивидом, ибо общество признается субъектом власти, тогда как индивид – ее объектом. А проблема вокруг того, кто и как будет осуществлять власть в государстве от имени народа, является только проблемой распределения и легитимации власти. В построении гражданского общества и правового государства главным фактором является наполнение реальным содержанием понятия гражданина. Следует добиваться превращения человека из подданного определенного государственного устройства на реального участника общественного сообщества.

Статус гражданина фиксирует демократические права человека [4; 14]. Институт государства имеет тенденцию к изоляции, преобразования в безличностную структуру господства. В действительности, явление государства и феномен власти являются вторичными по отношению к фундаментальности социального. Социальность заключается, прежде всего, в общественном и правовом взаимодействии. Это означает модель сообщества, которое самоопределяется посредством совместной практики самих граждан. Таким образом, фундаментальной основой гражданского общества и правового государства является идея самоопределения политического сообщества. Демократическая самоорганизация как политический порядок и коллективное самоопределение выступает в качестве процедуры свободного формирования решений и свободы народа. Легитимным признается то решение, в обсуждении которого приняло участие наибольшее количество граждан. Идея самоопределяющегося политического сообщества находит свое правовое отражение в том, что каждый в своей неприкосновенности должен найти равную защиту и равное уважение как уникальная личность,

независимо от этнической или культурной принадлежности, а именно как гражданин, т.е. член политического сообщества.

В традиции европейской культуры и цивилизации это связано с утверждением права как механизма осуществления демократической власти, как совокупности норм, регулирующих социальную жизнь. Право формирует свободный характер человеческой свободы и действия, одновременно ограничивая эгоистический и коллективистский произвол. Правовые нормы в демократическом государстве складываются в результате компромисса и консенсуса между различными заинтересованными группами. Свободным и демократическим является то общество, в котором все общественно-политические и культурные традиции имеют равные права и равный доступ к власти. Вместе с тем, демократическое общество исключает избыточное давление со стороны какой-либо одной традиции или группы, не предоставляя никому особого привилегированного места в обществе и приоритетного доступа к власти.

Построение гражданского демократического общества и правового государства требует расширения системы социальной коммуникации и политической культуры. Для этого в обществе должно возрасть количество свободных ассоциаций и объединений граждан, расположенных вне организационного уровня государственной власти. Общество в таком случае рассматривается как объединение автономных образований общественности, которые отличаются как от сферы деятельности государственной администрации, так и от экономической подсистемы. Консенсус, достигаемый в социальном гражданском обществе как ассоциации свободных и равных граждан базируется на процедуре демократического формирования взглядов и принятия решений, что отражается в конституции правового государства. В плюралистическом демократическом государстве в конституции граждане регламентируют свою совместную жизнь в соответствии с теми принципами, которые, поскольку они основываются на равных интересах каждого, могут найти обоснованное одобрение всех.

Такое общество структурировано благодаря отношениям взаимного признания, в которых каждый может рассчитывать на уважение к себе в качестве свободного и равного со стороны всех.

Эта модель исходит из того, что современная демократия – это демократия обсуждения, компромисса и консенсуса; что человек готов к осознанию себя гражданином, имеет склонность к компромиссному отказу от своих узкоэгоистических стремлений, если они мешают взаимному согласию. Это позволяет расширить политическую демократию до уровня социальной гражданской демократии. Однако предпосылкой этого является развитие правовой и политической культуры как государственных институтов, так и индивидов. Чем больше политическое управление, чтобы обеспечить массовую лояльность черпает из правовой, нравственной, культур-

ной, религиозной сферы, тем сильнее становится зависимым от духовно-культурного бытия.

Развитие общей культуры и интеллектуализма в праве и политике является необходимым условием для расширения спектра дискутируемых тем и аргументаций, привлечения большего количества индивидов к построению политического сообщества как гражданского общества. Благодаря этому достигается открытость общественной и политической коммуникации [3; 49].

Большой опасностью для личности и гражданского общества является идеологический тоталитаризм, который формирует и навязывает на государственном уровне стиль мышления и действий через манипуляцию массовым сознанием. Идеология как явление стремится стать всепроникающей и самодостаточной, перечеркнув возможность существования неконтролируемого ею внутреннего мира личности и осознания человеком себя в качестве гражданина. С помощью подвластных СМИ происходит идеологизация всех сфер действительности. Идеология представляет репрезентации интересов тех групп, которые она отстаивает, в качестве универсальных, таких, которые вроде бы отображают интересы всех слоев общества [5; 175]. Тоталитаризм рождается тогда, когда в построении государственности за основу берется исключительно национальный, расовый, религиозный или классовый признак. Идеология – это система идей и представлений, которая служит человеку, или определенной общественной системе в качестве абсолютной истины, на основе которой строится концепция мира и своего положения в нем таким образом, что этими действиями осуществляется общественный обман, необходимый для маскировки своих истинных стремлений и действий для достижения собственной выгоды за счет социума. Идеология выявляется как постоянное обоснование господства, уничтожая самосознание и свободу личности.

Автократические и тоталитарные режимы заинтересованы в господстве идеологии в противовес мировоззренческому и общественному плюрализму, потому что человек, запертый в структурах тотальной идеологии не способен противостоять навязываемому порядку, поскольку возможность любого сопротивления предполагает наличие свободного внутреннего мира. «Господство опирается в значительной степени на реальный аппарат власти, а идеология создает цементирующий фактор разрушительного общественного здания, которое нельзя недооценивать» [6; 51], а идеология, захватывая общественную жизнь, поглощает и раздавливает человеческую личность. Идеология развивает нетерпимость, шовинизм, национальную мегаломанию, ксенофобию и ненависть ко всему иному. Противостоит этим деформациям прежде всего принцип плюрализма, взятый в самом широком смысле, как возможность для личности, группы, этноса иметь собственные убеждения, систему ценностей, возможность их исповедовать в духовном плане и реализовать в общественном и политическом. Основ-

ным требованием к идеям и действиям в рамках плюрализма является толерантность, отказ от насилия и навязывания собственной системы ценностей в качестве единственно возможной.

Плюрализм является гарантией построения правового государства и гражданского общества, трансформации государственной власти из власти силы во власть права.

Человеческое сотрудничество и коммуникация в условиях социального, мировоззренческого, культурного, политического и иного многообразия возможно лишь на основе вполне определенной социально-правовой этики, которая определяет за людьми право на собственную жизненную и интеллектуальную позицию, и именно духовное и культурное своеобразие рассматривает как достоинство, утверждает ценность плюрализма и плюрализм как ценность. Если что и спасло Европу от всеобщего тоталитаризма, так это победа правового начала над национальным, классовым, религиозным, осознание надинституциональной ценности демократии.

При этом сила не порождает никакого эффекта на уровне человеческого общения, потому что на уровне субъекта она не имеет никакой точки приложения. Человека возможно, в крайнем случае, уничтожить физически, но никак не заставить его изменить свои убеждения, если только он не захочет того же. Поэтому применение силы в политической сфере является неэффективным. Более того, применение силы одновременно угрожает нормальному функционированию власти и вступает в конфликт со способностью человека начинать нечто новое, а именно – самого себя. Будучи совмещенной с процессом изготовления, сила естественным путем направлена на разрушение человеческой способности к самоучреждению, поскольку нацелена на «изготовление человека» в соответствии с определенными стандартами или идеями. Как следствие, под давлением силы происходит разрушение публичной сферы, что ведет к потере политической власти, основанной на взаимодействии и признании. Сильно, но и правдиво было сказано современными классиками социальной аналитики Т. Адорно и М. Хоркхаймером, что предательство идеалов свободы, надежды на справедливое развитие, соглашательство со «слепым» существованием, которое не стремится ни к чему творческому, примиряется с неправдой, обязательно приводит к распаду сущности человека, общественному и индивидуальному кретинизму [1; 292].

Правовое государство опирается на нравственную идею, что нормы права тогда законны, если заслуживают свободного признания со стороны каждого члена правового сообщества. Правовая гражданская политическая система должна обеспечить практическое взаимное признание гражданами институтов общества и прав друг друга. Это отражается в процедуре гражданского действия и демократического законодательства, которые рассматривают право как систему правил, которые ориентированы на упорядочение частных интересов, но нормативную основу черпают из общест-

венного консенсуса. Демократическая правовая гражданская система рассматривает частного субъекта права как гражданина, т.е. политически автономной личности. Политически автономные граждане формируют в правовой системе гражданского общества нормы и правила общественной жизни. Частная и гражданская политическая автономия взаимно друг друга определяют и дополняют благодаря тому, что лица, которым адресуются нормы социальной, правовой и политической жизни, выступают одновременно и как их авторы.

Один из отцов мировой и американской демократии Томас Джефферсон указывал, что нравственность, сочувствие, милосердие – это врожденные элементы естества человека. Сознание того, что есть добро и зло, в такой же мере присуще ему как и органы чувств. Этические социальные и гражданские политические учения образованы идеей о том, что сущность человека является принципиально доброй и зло в ней связано с ситуацией и условиями общественного существования, которые могут быть изменены. В таком случае нормы и решения могут быть легитимизированными на основе общей гражданской социальной коммуникации, гражданского самоуправления, являющихся регулятивным демократическим институциональным принципом [2; 50-51]. Созданная структура должна предоставлять равные условия для равноправного выбора действий, исключая принуждение и господство. Целью становится достижение демократического консенсуса в принятии решений. На уровне гражданского общества легитимизированные в общественном сознании политические институты, правовые нормы и решения формулируются благодаря компромиссу и консенсусу между всеми заинтересованными участниками, имеющими равные права в равном доступе к власти. Вместе с тем должно исключаться избыточное давление со стороны одной из сторон, никому не должно предоставляться привилегированный властный статус.

Демократический гражданский консенсус достигается благодаря процедуре общего коммуникативного формирования решений, которые, основываясь на равных интересах каждого, получают обоснованное одобрение всех. В современных условиях возрастает автономность каждого индивида и удельный вес индивидуальности в социуме, что способствует росту гуманистического потенциала индивида в частности и всего общества в целом. Благодаря созданию разветвленных систем коммуникации повышается роль диалогов, взаимопонимания отдельных лиц и социальных групп. Каждый индивид должен иметь возможность вместе с другими участвовать в переосмыслении и концептуализации ключевых личностных и общественных проблем, политической институализации и правовом нормотворчестве, помогать им в решении потребностей и согласовании целей. Это необходимо достигается при постоянном развитии и поддержке межперсонального и общественного взаимопонимания и коммуникации. Это приводит к глубокому взаимопониманию интересов каждой личности в

выработке стратегии поведения как отдельного индивида, так и больших социальных групп. К такой коммуникации привлекаются все более широкие слои общества, что способствует повышению их образовательного уровня, чувства гражданской ответственности и осознание взаимосвязи в решении индивидуальных и общественных проблем.

Литература

1. Адорно, Т. Диалектика просвещения. Диалектика [Текст] / Т. Адорно, М. Хоркхаймер. – М. – СПб.: Медиум, Ювента, 1997. – 312 с.
2. Габермас, Ю. Структурні перетворення у сфері відкритості. Дослідження категорії громадське суспільство. – Львів: Літопис, 2000. – 506 с.
3. Brugger W. Liberalismus, Pluralismus, Kommunitarismus. Studien zur Legitimation des Grundgesetzes. Berlin: Duncker/Humboldt, 2009. 393 s.
4. Brugger W. Menschenwürde, Menschenrechte, Grundrechte. Baden-Baden: Nomos, 1997. 389 s.
5. Habermas J. Technik und Wissenschaft als «Ideologie». Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1999. 170 s.
6. Horkheimer M. Traditionelle und kritische Theorie. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch, 1999. 230 s.

Глава 2. Тенденции развития гражданского общества на постсоветском пространстве: правовые основы, перспективы и существующие проблемы

Гражданское общество является правовым образованием, что процесс становления гражданского общества сложен и противоречив, анализ его нуждается в конкретно-историческом подходе. Анализ структурных элементов гражданского общества в условиях развития общественных институтов дает возможность глубже понять их природу на юридически- правовом уровне. Развитие гражданского общества, демократизация всех сфер общественной жизни – стратегическая цель нашего государства, что приобретает особенное значение на пути продвижения Украины и России в европейское и мировое пространство, приближения к европейским стандартам демократии. Об актуальности данной проблемы свидетельствует острая дискуссия, которая разворачивается в научных изданиях и на страницах прессы. Последнее время идея гражданского общества широко исследуется не только в Украине, но и в Европе, России и США. Особенно остро обсуждаются вопросы о взаимосвязи гражданского общества и государства, об указанном обществе как демократической среде реализации гражданских ценностей: свободы, справедливости и т.д.

В отечественной и зарубежной научной литературе, публицистической литературе есть ряд научных исследований по развитию гражданского общества вообще, на постсоветском пространстве и в Украине в частности. В тоже время состояние развития украинского общества недостаточно исследовано. В данной публикации ставится цель проанализировать значение общества на современном этапе его развития, рассмотреть отдельно проблемы последнего, которые требуют первоочередного решения: взаимодействие гражданского общества и правового государства, обеспечение прав и свобод человека.

Сегодня среди ученых-юристов и политологов существуют самые противоречивые взгляды на гражданское общество как социальный институт и демократическую среду жизнедеятельности человека. Одни ученые скептически оценивают идею такого общества как конкретной модели демократического функционирования общества (хотя и определенным образом признают его привлекательность как политического лозунга в наше время); другие – наоборот, считают: решение современных проблем человечества зависит исключительно от развития гражданского общества, особенно в условиях глобализации.

Большинство ученых считают, что в мире не существует единственной модели гражданского общества, одинаково подходящей для всех стран, а есть конкретно-исторические модели, что зависят от специфики отдельных культур и цивилизаций: германская, американская, французская и т.п. Широко дискутируется вопрос по поводу развития «мирового гражданского общества». И поэтому нет необходимости говорить о гражданском обществе вообще, а только в целом; это - определенное, конкретное общество, его характерные признаки и параметры, которые определяют динамику и характер развития институтов и ценностей последнего. Именно поэтому в исследовании важно учесть, что каждое гражданское общество всегда появляется на базе институтов и принципов сосуществования, которые формировались на протяжении многих веков конкретного исторического развития каждого народа.

В научной литературе существует широкий диапазон мыслей по поводу сущности гражданского общества. Одни исследователи рассматривают его как совокупность неполитических отношений. Другие определяют названное общество как отношения, не опосредствованные государством. Третьи – государство как определяющий институт гражданского общества. Как определенное теоретическое обобщение оно может быть только теоретической абстракцией, понятием, которое на самом деле имеет свою сущностную природу, но в зависимости от конкретных исторических условий разнообразную форму, что требует постоянного обновления представления об этом социальном явлении. Сущностную характеристику гражданского общества есть относительная автономность неполитических отношений в нем, особенно в сфере экономической, духовной жизни от государства.

В данной работе гражданское общество рассматривается как система общественных отношений, где юридически самостоятельные индивиды (физические лица) и организации (юридические лица), которые ими законно создаются, связаны между собой обоюдными экономическими и другими интересами, а также имеют возможность свободно действовать в соответствии с последними и по своему усмотрению, но, не нарушая при этом законных интересов других лиц и общества в целом, которые призвано обеспечивать, в частности, защищать государство [1, 56]. Оно охватывает систему экономических, духовных, культурных, религиозных и других отношений отдельных индивидов, которые добровольно объединились в ассоциации, корпорации для удовлетворения своих духовных и материальных потребностей.

Сегодня в Украине и большинстве других стран бывшего Советского Союза по большей части пропагандируется либерально-демократический вариант развития гражданского общества в его индивидуалистической интерпретации, основой которого является снижение коллективной солидарности в пользу автономии индивида в обществе, полной свободы институтов последнего. Любые попытки со стороны государства ограничить сферу их деятельности расцениваются как ее произвол и покушение на конституционные основы.

Но ценностям либерально-демократического гражданского общества с его автономной личностью, которая заботится о собственных интересах, не полной мерой соответствует концепции развития современного постсоветского и, в частности, украинского общества. Индивидуализм западного образца фактически не соответствует действующим регулятивным социальным институтам, способу поведения, которое формировалось на протяжении длительного исторического времени и которое, по сути, интегрировало общество [2, 59]. В современных условиях индивидуализм непосредственно приводит к деградации социальной материи общества и к разрушению, даже, той кооперации людей, которая существовала в СССР.

Украина всегда была страной пограничья в геополитическом смысле, расположенной на перекрестке двух миров и имела влияние разных культур – восточной и западной. По этому, рассматривая особенности развития гражданского общества в Украине, нужно учитывать влияние западных и восточных культур, а также особенности личного исторического опыта. Это значит, что общество, которое пребывает в состоянии трансформации, должно формировать собственную модель гражданских отношений, гражданского общества в целом соответственно с собственными традициями, ценностями, культурными стереотипами. Такой подход дает возможность не допустить буквального повторения классической западноевропейской модели, а также построить собственное гражданское общество с учетом местных традиционных условий, социокультурных традиций страны несколько по-другому, нежели на Западе и Востоке.

Это не противоречит стратегическому заданию государства, ее европейскому выбору. Концепция построения единой Европы предусматривает не унификацию всех народов, не однообразие их культур, а консолидацию разных культур и народов, которые живут единными демократическими стандартами жизни. Перспектива вступления Украины в европейское пространство обязывают признавать права человека ведущим ценностным ориентиром в развитии украинского гражданского общества. Они выступают системообразующей составной такого общества и правового государства, а также есть нормативной формой выражения меры свободы индивида. По сути, природные права человека – это безусловные притязания индивида на свободное волеизъявление, самореализацию в обществе и государстве.

В украинском обществе права человека – важный ценностный эталон. Он хотя и закреплён в Конституции Украины, но его пока что тяжело воплотить в жизнь. И причина не только в исторических традициях украинского общества, в котором права человека не занимали достойное место не в общественном сознании, не в практике деятельности государства, а в нестабильной ситуации переходного периода, невысоком правосознании граждан, отсутствия возможностей улучшить благосостояние людей. К тому же, государственные бюрократические структуры пока что не заинтересованы в удовлетворении впад человека. Беспокойство о собственных интересах заслоняет от них конституционные требования, согласно с которыми соблюдение и защита прав человека – обязанность государства. Особенно тяжелой проблемой в развитии украинского гражданского общества, которая требует постоянного внимания и немедленного решения, является взаимодействие этого общества с государством. Разграничение их полномочий, которое имеет место в любом обществе, не значит их противостояние, противоборство, хотя такое часто бывает, даже, в демократичных государствах. Оно очерчивает разные способы организации людского сосуществования, основанного на столкновении, согласовании и гармонизации интересов индивидов.

В либеральной теории гражданское общество соответственно к традициям либерализма рассматривает общество и государство как относительно независимы сферы частных и публичных интересов. Гражданское общество – это сфера свободной активности, в которой действуют индивидуальные и коллективные субъекты, что преследуют частные интересы и цели [4, 167], в этом контексте государство выступает как сфера публично-властных интересов, в которых носители властных полномочий, что составляют аппарат государства, обязаны руководствоваться общими интересами. Государство – это сфера общих дел указанных субъектов, которые относительно гражданского общества есть частными лицами. Гражданское общество – созревшая стадия исторического развития общества.

Западная модель гражданского общества формировалась в процессе исторического развития европейской цивилизации как независимая от го-

сударства форма самостоятельности граждан. Оно всегда стремится к самосохранению, относительной автономии. В Украине гражданское общество чаще всего рассматривают как антитезу государству, как ее «враждебный» институт. Такой подход был оправдан только во время разрушения тоталитарного государства и построения демократического правового государства. Так, между государством и гражданским обществом могут быть взаимоотношения антагонизма, взаимной поддержки, взаимного дополнения, переходного состояния от одного к другому и, наоборот.

В постсоветский период важным направлением развития Украины должно быть обновление дееспособности институтов гражданского общества с ограничением вмешательства государства в жизнедеятельность граждан. Для украинского государства этот путь соответствует ее собственным историческим и социокультурным традициям. И в тоже время, пока формируются первичные институты гражданского общества, существует необходимость вмешательства государства в сферу жизнедеятельности последнего, направленного на преодоление стихии непредсказуемости в поведении определенных политиков и граждан. В дальнейшем, по мере зрелости граждан и институтов гражданского общества, влияние государства на становление такого общества должно быть ограничено.

Уже сегодня, даже в демократических обществах, решается вопрос не только о создании благоприятных условий для развития институтов гражданского общества, а и о преодолении агрессивной и социальной деятельности некоторых из них. Конечно, говорится не о легитимных организациях и институтах гражданского общества, которые борются за общественное благо: права человека, защита окружающей среды, правовое равенство женщин и т.п., а о таких объединениях, которые имеют агрессивный и разрушительный характер: «бригады», объединения террористических группировок. В частности, на деятельность указанных нелегитимных институтов мы обратили внимание и квалифицировали ее как проблему «взбесившейся демократии» [3, 216]. Они показали деструктивную разрушительную роль отдельных институтов гражданского общества и сделали вывод, что, даже, в современных обществах из развитой демократией такие институты и организации в значительной мере прямо или посредством препятствуют становлению законности и правопорядка в государстве.

И государство в указанных условиях должно выступать не как конфронтационная гражданскому обществу социальная структура, а как необходимый институт общественной жизни, который предупреждает или ограничивает появление названных организаций граждан, в которых групповые, частные интересы резко противостоят общественным, а их деятельность имеет социально опасный характер. И только признание основательного значения ценности права позволяет гражданскому обществу не превратиться в разрушительный и деструктивный фактор, а демократии быть

не просто подборкой юридических норм, а реальной формой государственного управления.

Рассматривая фундаментальную проблему взаимосвязи украинского гражданского общества и государства в переходный период, нужно констатировать не ослабление и сокращение роли государства, как это в большей части декларируется и пропагандируется сегодня, а, наоборот, усиление ее влияния на общественную жизнь в современных условиях. Сегодня в демократических обществах государство через свои институты активно вмешивается в пространство гражданского общества, обеспечивая решение многих социально важных проблем. Это свидетельствует, что система «государство – гражданское общество» сегодня вышла на новый, несколько отличный от соответствующей западноевропейской модели развития гражданского общества путь. Его можно рассматривать не как противостояние, а как взаимодействие и взаимопроникновение, как взаимное перерастание.

В Украине гражданское общество еще не развитое, много его институтов и элементов либо вообще слабые, либо же имеют асоциальный характер. По мнению большинства специалистов, в нашей стране только начинается формирование отмеченного общества, его институциональных основ. Но состояние развития гражданского общества в Украине в пределах возрастной нормы. Действительно, гражданское общество не возникает не за одну ночь, не за той срок, на протяжении которого можно создать демократическую конституцию или, даже, заложить основы рыночной экономики.

Некоторые ученые считают, что в Украине и России еще нету гражданского общества, а существует модель «негражданского общества» [См.: 1; 3], которая характеризуется такими признаками, как: отчуждение большей части общества от власти; подчинение граждан правилам, нормам, что регулируют их частную жизнь и наряду с этим произвольное, бесконтрольное осуществление государственной властью своих полномочий; Отсутствие системы реальных гарантий официально задекларированных прав человека и гражданина со стороны государственно-властных институтов; полное отсутствие действенных юридических основ защиты индивида от чиновничества; теневое присвоение, перераспределение собственности при доминировании на всех уровнях властной иерархии теневых, неформальных, кланитарных отношений, выращивание коррумпированные политической власти с теневой экономикой уголовного мира и т.п. В целом – это грустная картина состояния развития гражданского общества в Украине (да и на всем пространстве стран бывшего СССР). Но такие выводы пока что на самом деле имеют под собой определенные основания.

Сегодня в странах бывшего СССР существуют трудности становления гражданского общества. Оно криминализированное, коррумпировано не меньше, чем государственная бюрократия. И значительно больше, чем государство, атомизированное и не сплоченное, разрозненное. Поэтому на пути его развития нужно учесть определенные предостережения. Во-

первых, есть угроза превратиться в институт обслуживания индивидуальных и групповых интересов. Во-вторых, их всегда будет пытаться прибрать к рукам власть бюрократического аппарата. И, наконец, структуры гражданского общества могут быть или очень рыхлые, не способные принимать конструктивные решения, или же слишком организованные, в которых отдельные члены ассоциаций не смогут проявлять свою самостоятельность.

Эти трудности обусловлены не только советским прошлым с его квазидемократическими институтами и ценностями, а и просчетами в проведении отдельных реформ во время возведения независимой Украины.

1. При развитии украинского гражданского общества стоит учитывать влияние не только западной и восточной моделей развития указанного общества, а и собственный, позитивный и негативный опыт, обусловленный собственными традициями, культурой, менталитетом, уровнем правовой культуры и правосознания граждан.

2. Несмотря на особенный путь становления постсоветской модели гражданского общества в Украине и России, в целом магистральное направление его развития пролегает в русле европейской цивилизации, в контексте постепенной эволюции к стандартам европейской демократии.

3. Только в демократической стране с развитым гражданским обществом может быть достигнута гармония во взаимоотношениях государства и общества, власти и граждан. Только правовое государство может создавать гражданское общество, а демократическое общество способно поддерживать развитие правового государства. Государство может содействовать становлению гражданского общества, а может и тормозить его развитие.

4. Развитие гражданского общества содействует закреплению стабилизационного развития общества, создает условия для развития человека, защите его прав и свобод.

Поэтому Украина и другие страны-наследники бывшего Советского Союза еще должны преодолеть долгий и тяжелый путь формирования собственного гражданского общества и соответственного ему демократического, правового социального государства.

Литература

1. Андрущенко, В.П. Організоване суспільство. Проблема організації та суспільної самоорганізації в період радикальних трансформацій в Україні на рубежі століть: Досвід соціально-філософського аналізу. – К.: ТОВ «Атлант ЮЕмСі», 2005. – 498 с.

2. Габермас, Ю. Структурні перетворення у сфері відкритості. Дослідження категорії громадське суспільство. – Львів: Літопис, 2000. – 506 с.

3. Зінченко В.В. Громадянське суспільство: шляхи, форми та перспективи. – К.: КАРПУК; МАУП, 2007. – 468 с.

4. Sintschenko V. Sozial Wirtschaft und die Entwicklung der Zivilgesellschaft // Soziale Wirtschaft № 5. 2010. Berlin:CB-Verlag Carl-Boldt. S. 161-183.

Глава 3. Проблемы национальной и социальной безопасности транзитивного развития в системном контексте постсоветской интеграции (опыт Украины)

На нынешнем этапе своего развития, в процессе постсоветского преобразования общества и мировых региональных интеграционных процессов, Украина приобретает много нового социально-экономического и политического, исторического и культурного опыта. Немалые изменения произошли во всех без исключения сферах жизни. Но многие из сферы высших звеньев госуправления Украины забывают, что все эти изменения могут быть сведены на нет, если не обращать должного внимания на вопросы национальной безопасности в контексте актуальных вопросов социально-экономической политики и системной модернизации в условиях транзитивного (переходного) периода развития Украины в условиях интеграционных и мировых глобализационных процессов. Что же мы видим в этом плане? С одной стороны, Украина ориентируется на интеграцию с Европейским Союзом, однако еще четко не определены как стратегические, так и тактические преимущества и недостатки данного вектора развития, с другой, уже существуют, подтверждены опытом взаимодействия в рамках СССР и постсоветской истории, комплексы и рисков, и преимуществ, – особенно в отношениях с Россией.

В результате расширения ЕС, вступлением в него Польши, Чехии и Венгрии, Украина уже граничит не только с Российской Федерацией, но и непосредственно с ЕС, что создает принципиально новую геополитическую ситуацию. В связи с этим необходимо четкое и всестороннее определение внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии по интеграции Украины в политическое, экономическое и правовое пространства. Среди прочих, нынешняя национальная стратегия предусматривает интеграцию в ЕС в контексте общеевропейской безопасности. Однако необходимо учитывать, что безопасность Украины в этом контексте должна основываться на том, что не только развитие и укрепление ЕС, НАТО и расширение сотрудничества с Западноевропейским союзом (ЗЕС) – основной структурой обороны и безопасности ЕС – является одним из основных факторов интеграции, которые углубляют общеевропейскую безопасность во всех ее измерениях. Принцип неделимости европейской безопасности одинаково важен как для Украины, так и для России и ЕС. Кооперативная безопасность, поиск подходов к которой, наряду с другими европейскими, евразийскими и трансатлантическими структурами, должна стать для Украины гарантией собственной безопасности.

Реализуя эту цель, наше государство должно направлять свою деятельность на развитие конструктивного сотрудничества не только с существующими на европейском континенте структурами безопасности, но и с постсоветскими межгосударственными, интеграционными и оборонными

структурами – фактически, как показал опыт как древней, новой, так и новейшей истории Украины, для нее должен стать доминантой принцип многовекторного сотрудничества с разной степенью интегративности или отстраненности, исходя исключительно из собственных кратко-, средне- и долгосрочных интересов. Объем, качество и всеохватность социально-экономических преобразований, происходящих в нашем государстве, трудно сравнить с каким-либо другим периодом отечественной истории, потому что за годы государственной независимости изменения в структуре социальных, политических и экономических отношений являются кардинальными: сформировались новые субъекты собственности и политической деятельности, трансформировались базовые ценности жизни и мотивация поведения, меняются уклад жизни и мышления вместе с традициями. Является необходимым сделать особый акцент именно на социально-психологическом аспекте национальной безопасности в контексте политических аспектов взаимоотношений Украины с ЕС и Российской Федерацией. С тем фактом, что интеграция с принципиально отличными от нашего уклада жизни стран невозможна без изменения сознания каждого гражданина Украины, трудно не согласиться.

Дальнейшее развитие ЕС стало проблематичным из-за тех чрезвычайных процессов, которые, начиная с 1989 г., произошли в Восточной Европе, а затем и в Советском Союзе. «Европа» имела ранее четкие границы, и ее рассматривали как совокупность либеральных демократий Западной Европы, отделенных от коммунистических стран Востока. Распад Советского Союза изменил ситуацию. В условиях такого сложного положения, многие части населения Украины обращают свои взоры к северной соседке – Российской Федерации. Ощущение определенного морально-психологического единства с народом РФ среди граждан Украины имеет не только исторические корни и постсоветскую идеологическую основу, но и в практике суровой жизни в сложных экономических условиях, пристрастного отношения и недоверия со стороны развитой Европы тяготение к «братьям по несчастью» крепнет. Это отбрасывает Украину на много шагов назад и составляет существенную опасность в плане потери независимости и возможном возвращении авторитарных моделей.

Трудно не согласиться, что парадигмой развития российской государственности является безоговорочное наследование старых государственных идеологем, принципов и стиля ведения дел, видения своей геополитической роли. Вопрос о переосмыслении имперского наследия, исторической ответственности, необходимости обновления отношений с ближайшими соседями в Москве высшем государственном уровне серьезно даже не возникало. В российской геополитической мысли не существует общественно признанных концепций относительно определения собственных естественных границ, собственных масштабов, в ней преобладают такие категории как «сферы исключительных интересов», «зоны влияния»,

«ареал расселения русскоязычного населения и т.п. Следствием этого стало формирование новой российской нации и специфическое отношение к национальному вопросу как таковому, отсутствие четкой границы применения методов внешней и внутренней политики и наличие проблем в отношениях с любой соседней державой, если она не соглашается на роль сателлита. Понятно, что эти взгляды распространяются и на Украину. Практически всех идеологов российской государственности объединяет требования международного признания исключительности, приоритетности интересов Москвы в Украине. Сейчас есть реальностью то, что РФ не готова к изменению алгоритма в отношениях с соседями, к реальной паритетности и равноправному партнерству, ориентируясь на разного вида экспансионистские схемы в геополитике постсоветского пространства. Видимо, не надо объяснять, что, например, Белоруссия сейчас фактически во многих аспектах своей внутренней и внешней стратегии является марионеточным государством, придатком России. Но российские интересы направлены, конечно, не только на Белоруссию, но и на Украину, да весь постСССР в целом (кстати, в определенных схемах не сбрасывается со счетов и возможность проведения «сателлитарной» стратегии по отношению и к бывшим странам Варшавского договора). К сожалению, приходится констатировать тот факт, что это вызывает необходимость крайне осторожно относиться к любым формам интеграционного сотрудничества и с РФ, и ЕС побуждает в первую очередь сохранения состояния осторожного дистанцирования от России как наиболее четко определенного гегемона экспансионизма в постСССР. Так уж сложилось, что Россия имеет экономические (особенно нефтяные и газовые) рычаги влияния на Украину. К тому же имеет место настоящее засилье российской массовой культуры на территории и в массовом сознании (да и в массовом бессознательном) Украины. Но это еще не так страшно. Если представить себе сейчас, что Россия решит использовать силовые средства, чтобы подтолкнуть Украину назад в лоно империи, то сейчас реально ничего не сможем противодействовать, ведь Украина является фактически беззащитной – во всех аспектах системы национальной безопасности (точнее, следует констатировать ее системное отсутствие). Совокупность таких факторов как отсутствие, энергосамодостаточности, ментального и регионального нациоединства, ядерного оружия и жалкое положение армии производят впечатление полной беззащитности и неспособности к каким-либо мерам качественной защиты.

Так, рядовой украинский гражданин не чувствует той необходимой групповой вовлеченности в социальную, экономическую и политическую жизнь своей страны. Высокий уровень коррупции, стагнационность немодернизированной украинской экономики, значительное влияние олигархии на политическую и экономическую сферы деятельности государства обуславливают низкий уровень гражданского сознания. При отсутствии исторического опыта интеграции в новейшие и прогрессивные образования

вроде ЕС, общественное мнение рядовых украинцев не воспринимает таких потребностей на нынешнем этапе. Для существенных изменений сознания, формирования такого гражданина Украины, который был бы способен жить и работать в ЕС, необходимы изменения в экономическом и политическом спектре. Так, в социальном аспекте развития и процессах экономической интеграции Украины на постсоветском пространстве мы сталкиваемся с целым комплексом проблем, требующих комплексного же и системного решения и принятия решительных мер.

К сожалению, практика показывает, что реализация социальной политики в Украине не обеспечивала возможности для соблюдения государством своих обязательств. Разумеется, при условии системного экономического кризиса социальная политика не может быть полноценной, ведь для реализации социальных программ требуются значительные ресурсы [6, 212]. В этот период функции государства сводятся к обеспечению минимальной социальной защиты наиболее нуждающимся слоям населения. Однако в Украине социальная цена реформ оказалась чрезмерной, а система социальной защиты малоэффективной. При таких условиях жизненно необходимой для достижения национального консенсуса относительно проведения изменений является такая политическая экономия переходных процессов, которая имеет целью и способна обеспечить восстановление промышленно-производственного потенциала, неинфляционного роста, блокировки безработицы и осуществления стратегии справедливого распределения как бремени, так и выгод от системных изменений. Эти вопросы касаются экономики, однако важным для Украины, как для развивающегося государства, является и развитие работающего демократического общества. В годы, когда коммунистическое полновластие было свергнуто, все переходные страны прошли через системно-структурные экономико-социальные и политико-управленческие революции. После этого происходили более или менее успешные, с точки зрения демократических принципов, изменения, в результате которых, как правило, стратегия развития с точки зрения социально-национальной безопасности менялась в качественно лучшую сторону. Поэтому необходимо признать, что, вне всякого сомнения, демократия доказала в переходных странах свое эффективное присутствие и силу развития.

Другая главная проблема – коррупция. Этот «рак общества» может принимать различные формы – от поддержки старых связей и мелких взяток мелким бюрократам и до прямолинейной жесткой преступности государственных верхов. Нельзя недооценивать масштаб коррупции, хотя этот масштаб различен в разных странах постСССР. Коррупцию, которая с определенного момента распространилась и стала обыденной и общепринятой, потом трудно искоренить. Было бы слишком поверхностным предположить, что коррупция исчезнет с устранением несовершенств рынка. Ясно, что согласно учебникам, рыночная экономика дает меньше воз-

возможностей для коррупции и поисков незаконных источников дохода. Но риск в том, что в переходный период коррупция может успеть стать всеобъемлющей, что и приведет не к социально-рыночной экономике, а к дикому и грабительскому олигархизированному рынку. Постсоветский подъем преступности и коррупции частично вызван утратой нравственных и правовых ориентиров.

Однако демократия – это больше, чем структуризация госуправления и выборы. Демократия, как условие социальной национальной безопасности, должна поддерживаться обществом, в котором существует и процветает не только большое количество негосударственных организаций (речь идет об органах самоорганизации и самоуправления населения, церкви и другие религиозные сообщества, профсоюзы, бизнес, фирмы, благотворительные организации, политические партии, людей творческих профессий, издателей, просветительские общества и т.п.), но и их влияние на государство. Чтобы гражданское общество было способно обеспечить основы демократии, в нем должны доминировать культура компромисса, уважение к меньшинствам и этика социальной и персональной порядочности и ответственности [1, 386]. Культура демократии пока робко, но все-таки явно пускает корни в переходных обществах постСССР, которые так долго отрицали ее. Однако из этих корней еще нужно что-то вырастить. Имеются в виду вопросы формирования стратегии эффективной безопасности в контексте стратегии социальной политики и национальной безопасности государства в условиях разновекторных интеграционных процессов с целью их согласования и взаимокооперирования. Вопрос заключается в том, чтобы политическая система и экономическая стратегия могли бы сделать людей способными выражать свои интересы и стремления таким образом, чтобы это позволило эффективно достичь сбалансированных и эффективных изменений. Демократия серьезно пострадала бы, если бы люди охладели к политике, разочаровались бы в ней из-за измен политиканов и трудностей изменений и занялись бы только заботами о повседневной жизни. Если бы такое произошло, политическое пространство стало бы открытым для популистов всевозможных сортов. К счастью, можно констатировать, что это не является главной тенденцией. Наоборот, видим демократическую культуру, которая постоянно растет на постсоветском пространстве. Поэтому главной задачей является: трансформировать политику постсоветских стран в общую систему социальной безопасности государств, как практическое подтверждение того, что государство в своей социальной политике практически реализует интересы общественного большинства, а не отдельной социально-экономической группировки и увеличить роль политического диалога, который включает также и диалог об экономическом выборе.

Несмотря на те преграды, которые ставят обстоятельства и время на пути Украины качественным формам интеграции при развитой системе национальной безопасности, мы имеем перед собой такую перспективу и

необходимый для этого потенциал экономико- и политико-правовых возможностей. Чтобы трансформация была успешной, необходимы незаурядная порядочность, регулярная отчетность и регламентированная система ответственности за последствия своей деятельности в отношении общественного блага в сфере государственного управления. По сути, это задача общественно-политическая, общая для всех постсоветских стран, как условие стабильной модели социально-экономической безопасности в структуре общей системы национальной безопасности и региональной интеграции.

Литература

1. Зінченко, В.В. Громадянське суспільство: шляхи, форми та перспективи (соціально-філософські ідеї і політико-правові тенденції сучасності). МАУП, КАРПУК, 2007. 468 с.
2. Зінченко, В.В. Соціальна політика як фактор громадянського суспільства і національної безпеки України // Вісник Запорізької державної інженерної академії. Збірник наукових праць. – Вип.– 2009. – № 38. – С. 213-221.
3. Зінченко В.В. Суспільна модернізація і громадянська інституалізація як фактор національної безпеки України // Актуальні проблеми зовнішньої політики та економіки України. Матеріали Третьої Всеукраїнської науково-практичної конференції. – Чернівці: Чернівецький національний університет ім. Юрія Федьковича, 2009. – 312 с.
4. Christoph K. Solidarität. Baden-Baden: Nomos, 1979. 223 s.
5. Dannemann R. Das Prinzip Verdinglichung. Wiesbaden: Panorama, 2005. 166 s.
6. Fuchs A. Solidarität der Sozialpolitik. Marburg: Zukunft, 2004. 280 s.
7. Gleitze B. Produktivvermögen ist das Kapital der gewerblichen Unternehmen. Bonn, 2007. 325 s.
8. Siehe W. Die Freiheitsverhalten. Den Klassenkampf zementieren? Fr. a. M.: SurkampVerlag, 2009. 213 s.
9. Sintschenko V. Bilder von der wirtschaft im spätkapitalismus//«Kluczowe aspekty naukowej działalności – 2012». Materiały VIII Międzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji Vol. 9. Ekonomiczne nauki. Przemysł: Nauka i studia. 164 s. S. 50-61.

Глава 4. Трансформации общественной стратификации в контексте социального государства и гражданского общества

Проблема развития на постсоветском пространстве так называемого «среднего класса» уже длительное время является одной из ведущих среди идеологов правых и центристских партий. Средний класс в их идеологии выглядит одной из основ последующего социально-политического развития, но, к сожалению, не проясняются механизмы его влияния на эти процессы; все они уверены, что выращивание «среднего класса» является необходимым для утверждения экономико-политической стабильности, гражданского общества, зрелой государственности. Существует необходимость анализа тех путей, которыми он будет влиять на социально-политические процессы. Поэтому целью данного доклада является попытка осветить механизмы взаимодействия «среднего класса» и институций гражданского общества.

Средний класс, по своему определению, является той прослойкой населения, которая занята в сфере малого и среднего бизнеса, а потому достаточно впечатлительна к социально-экономическим изменениям в государственной политике. Любые изменения в перераспределении ресурсов, льгот или определения «приоритетных отраслей народного хозяйства» угрожают этой прослойке неприятностями во всех полях жизнедеятельности. Поэтому он является заинтересованным в стабильной государственной организации, которая ценила бы его попытку честно вести свой бизнес как одну из составляющих своего нормального развития. Именно понятие «средний» уже предусматривает нахождение между двумя другими имущественно-собственническими слоями населения: более «высоким» – богатыми или же властно-имущественной элитой и более «низкими» – бедными или же люмпенами. Если перевести на обычный язык то это будет означать, что средний класс в отношении к собственности и уровню доходов – это люди, которым есть что терять при изменениях государственного курса (элита много не потеряет, потому что имеет впрок, а бедняку или люмпену и терять-то ничего). Именно поэтому средний класс выступает тем балластом, который принуждает государственный корабль держаться на плаву и удерживать государство от резких изменений курса.

Чем является средний класс в России и Украине? Это, прежде всего, мелкие производители товаров и услуг, миноритарные держатели акций, владельцы мелких магазинов, кафе или ателье, киосков и лотков, базарные торговцы, а, возможно, даже бабушки, которые торгуют на улице и переходах разнообразными товарами, овощами и фруктами с собственного огорода (такие попытки определить, или даже найти в наших странах средний класс не совсем вписываются в классические схемы, где он определяется, прежде всего, через сочетание небольшой собственности на средства производства и собственного труда на этих средствах). Именно

они в настоящий момент оккупировали у нас сферу услуг, именно они наиболее восприимчивы к падению покупательной способности населения. Но то, что их сознание как представителей третьего класса не выходит за пределы настоящего, то, что они не видят перспективы развития своего дела, предприятия, и вызывает их нежелание активно включаться в политическую борьбу, в которой необходимо отстаивать свои права, ведь все равно, мол, все зависит не от нас, а от воли чиновника, кто бы он не был: законодатель, налоговый или иной «проверяющий», постовой милиционер, который может прогнать меня, или и арестовать за торговлю в неполюженном месте, работник ЖЭКа и т.п.

Каким является образ представителя среднего класса? Со времен средневековья в массовом сознании сложился стереотип, где представитель среднего класса – это либо зажиточный крестьянин (в украинско-русской традиции «кулак», в английской – «йомен»), или же горожанин, мещанин (это в нашей традиции; у немцев это звучит как «бюргер», а у французов как «буржуа»). Именно эти слои населения стали основой развития рыночной экономики и институтов гражданского общества (через развитие местного самоуправления и противостояние произволу государственной власти и местных властителей). Также они были той силой, на которую государство могло опереться в случае внешней опасности: йомены составляли основу английской армии (знаменитые стрелки, которые поражали цель на расстоянии 600 метров), фермеры – в армии «янки», т.е. Северных штатов, в Войне за независимость и гражданской войне 1861-1865 гг., мещане входили в военные дружины или финансировали их найм в Украине и России («посад»). Именно представители «третьего состояния» входили в Палату общин в английском парламенте, которая заложила основы современного парламентаризма и демократии, именно они создавали магистраты и отстаивали «магдебургское право», которое является основой местного самоуправления. Представители среднего класса сыграли значительную роль в становлении современных национальных государств: в XV-XVIII вв., когда во многих странах Европы утверждались абсолютные монархии, которые боролись с феодальной раздробленностью, именно они поддержали королевскую власть в ее борьбе с аристократией и местными князьками, чем способствовали тесной интеграции всех регионов и консолидации общества под единственной властью. Это отвечало их интересам, ведь способствовало утверждению единого экономического, политического и культурного пространства, а следовательно и развитию промышленности и торговле [3, 129].

Какими были эти люди? В известной мере зажиточными, но прежде всего, – юридически и политически свободными, т.е. в современной терминологии, наделенными гражданскими правами, а, следовательно, способными влиять на политику государства, владеющими голосом в местном самоуправлении (на заседаниях магистратов или народных вечах), или же

влияющими на налоги и пожертвованиями на территориальные и общегосударственные потребности. Они всегда были готовы оборонять государство от внешней угрозы, поскольку этим они оберегали свои свободы и благосостояние, а также будущее своих детей. Именно они были тем слоем населения, который поддерживал так называемые традиционные ценности, в основании которых лежат семья, религия, патриотизм и т.д., но, в то же время, были открытыми для новых веяний, которые могли изменить в лучшую сторону общества эволюционным путем (революция для них как правило, была неприемлема). Из их среды выросли первые европейские капиталисты, которые сформировали, во многих отношениях лицо современного мира.

В нашей отечественной истории представителями среднего класса были, прежде всего, зажиточные крестьяне и мещане, которые имели в своей собственности средства производства, но при этом работали и сами в своем хозяйстве и на своих предприятиях. В начале XX в. они появляются как владельцы хуторов, и мелких предприятий, революционные события многих из них разорили, но в эпоху НЭПа они достаточно успешно вели свое хозяйство, проявив себя как значительную экономическую силу. Что произошло потом, известно всем: проявив себя, они подписали себе смертный приговор и в тридцатые годы как «чуждый элемент» были расстреляны, депортированы и уничтожены в тюрьмах и лагерях. В результате мы получили псевдобесклассовое общество, которое, в действительности оказалось разделенным на два лагеря: несильных представителей партии и государства (номенклатуры) и общую массу наемных работников – экономически без собственности на средства производства и политически бесправный народ, экономику, в которой никто ни за что не отвечает и не уверен в завтрашнем дне. Лишь с началом «горбачевской» перестройки начали появляться люди, которых можно считать представителями зарождающегося «третьего класса»: первые кооператоры, фермеры, «челноки», которые собственными силами сколотили себе начальный капитал и пытались развивать дальше свое предприятие. Эти люди прекрасно чувствовали потребности рынка и насыщали его товарами, которые имели наибольший спрос, и потому именно на них возлагали наибольшие надежды те, кто ратовал за развитие в нашей стране рыночных отношений. Как оказалось, были они – «слишком ранние предтечи слишком медленной весны» (Д. Мережковский). К сожалению, в самых благоприятных условиях очутились не они, – те, которые зарабатывали деньги своими руками и умом, – а представители прежней партноменклатуры, которые стали бизнесменами и, пользуясь своими связями, приватизированным государственным капиталом и государственной же собственностью добились для своих фирм и предприятий исключительных преференций. И теперь мы «имеем то, что имеем» (как говаривал первый президент Украины Л. Кравчук): экономика находится в руках т.н. олигархов, более мелкие предприятия либо разоре-

ны, или перешли под их «крышу», начинать свой бизнес без сильной «лапы» среди госчиновников не имеет смысл (журналисты давно уже окрестили нашу экономику «номенклатурным капитализмом», поскольку все в ней решают не государство, не общественность и не внесистемные мелкие предприниматели, а прежние партаппаратные «зубры» и ныне олигархические, а когда-то комсомольско-уголовные группы). Госаппарат не заинтересован в развитии новых предприятий, поскольку это создает ему лишь дополнительные трудности в управлении, а поскольку в нем задействованы в основном те, кто работал еще в советское время или их потомки, которые по благу выучились (вернее, получили дипломы) и устроились на госуправленческую работу, то они просто неспособны работать при новых условиях. Для них намного проще и более выгодно отдать экономику на откуп монополиям и олигополистическим «олигархам», которые под государственной опекой постепенно возвращают свои империи, покоряя своей власти целые отрасли или регионы и уничтожая с этой целью любых конкурентов. Поэтому у нас и сложилась ситуация, когда общество расслоено на сверхбогатых (высшие государственные чиновники, их фавориты-олигархи и их прислужники) и бедных, среднего звена не существует. Украинский исследователь Е. Головаха пишет об этом так: «Если не учитывать нуворишей и некоторую часть коррумпированных высокопоставленных чиновников, которые уже сегодня создали закрытую для посторонних наблюдателей прослойку со всеми признаками корпоративной замкнутости и круговой поруки, в Украине почти нет граждан, которые относят себя к категории высокообеспеченных, тогда как группы “бедняков” и “средняков” сохраняются. Субъективная “бедность” и субъективный “средний достаток” в современных условиях развития экономики Украины ничем принципиально не отличаются» [1, 9].

О необходимости образования в наших странах жизнеспособного среднего класса говорят все политики и партии центристского и правого спектра. В их предвыборных платформах и на парламентских, и на президентских выборах задекларированы шаги, которые должны были бы способствовать этому процессу: снижение налогов, равенство перед законом предприятий всех форм собственности, поддержка отечественного товаропроизводителя, устранение произвола контролирующих органов, но эти заявления остаются лишь на бумаге, реально ничего не внедряется даже на уровне повседневной партийной деятельности. Но такая ситуация характерна для всего постсоветского пространства. «Государство не имеет права ни штемпелевать политических убеждений, ни устанавливать условий, при которых этот штемпель может быть наложен. Ни в одной свободной стране не было попыток подобному вмешательству. Только в России... решили установить «легальные политические партии» [4, 527]. Практически во всех программных положениях, в докладах любой партии есть общее понятие «средний класс». И опять общий речевой оборот мы находим везде в

документах большинства партий: мол, «мы партия среднего класса, самостоятельного состояния, которому есть что терять». Действительно, все партийные движения от левоцентристского от правого спектра могут отстаивать интересы среднего класса. Только как сориентироваться избирателям, за кого голосовать, как распознать за декларациями и словами политические нюансы идеологических установок? А честная и последовательная реализация программы развития среднего класса могла бы действительно создать благоприятные условия для малого и среднего бизнеса, что не только сформировало бы в наших странах средний класс, но и обеспечило бы образование новых рабочих мест, пополнения бюджетов всех уровней, т.е. и развития отечественного производства, выплату пенсий, стипендий и зарплаты работникам бюджетной сферы. Эта схема предусматривает постоянный круговорот средств, вкладывания их в развитие предприятий, производств, использования наименее энергоемких технологий (как один из результатов – содействие решению экологических проблем), здоровую открытую конкуренцию, а, следовательно, – политику уменьшения цен на товары, чтобы завоевать новых клиентов.

Утверждение класса мелких и средних владельцев, как мощного фактора экономической жизни России и Украины помогло бы решению многих проблем в других сферах общественной жизни. Владелец «дела», собственник будет не только заботиться о процветании своего предприятия, но и будет пытаться обеспечить нормальное протекание общественных процессов в своем местном обществе: он имеет не только желание, но и возможности влиять на решение проблем образования, здравоохранения, социального обеспечения, благоустройства. Это влияние может быть как в форме финансирования, так и контролю за использованием бюджетных средств со стороны структур общественности, в формировании которых они принимают активное участие.

Также представители среднего класса могли бы активно влиять на политику государства через участие в работе политических партий и общественных организаций. Они должны поддерживать те организации, которые в своих программах декларируют поддержку рыночных отношений и предпринимательства, поскольку это обеспечивало бы им нормальные условия жизнедеятельности и уверенность в завтрашнем дне. Именно эти люди являются наибольшими патриотами своей страны, потому что она обеспечивает им стабильность, благосостояние и будущее их детей, а, следовательно, их патриотизм является активным (деятельным), что один из представителей современного коммуитаризма, Ч. Тейлор, назвал республиканизмом. Характерной чертой такого патриотизма является активная гражданская позиция, которая предусматривает постоянное и активное участие в политических процессах государства, целью чего является недопущение нарушения норм законности и демократии. Постоянный контроль за властными институтами со стороны общественности базируется на

осознании людьми своей причастности к общегосударственным процессам и зависимости собственного благосостояния от благосостояния страны в целом [2, 86].

В отличие от своих предшественников – представителей «третьего сословия», которые помогали королевской власти устанавливать абсолютизм, теперешний средний класс отстаивает ценности либерального демократизма и гражданского общества, помогая ограничивать монополии и реализовать концепцию социального государства. Представители среднего класса в современном мире выступают активнейшими участниками этих процессов, поскольку знают, что любое нарушение демократических норм, которому не было осуществлено достойного отпора со стороны общественности, может привести в результате к свертыванию демократических процессов и построению авторитарного, тоталитарного и олигархического же режима. Они хорошо понимают, что это приведет к негативным последствиям для их бизнеса, собственности, стабильности доходов, а это сразу отобразится на благосостоянии их семей. В отличие от представителей самого бедного слоя населения, представители среднего класса имеют и большую привязанность к демократическим принципам, и больше возможностей их защищать. К тому же они способствуют утверждению общей политической культуры гражданского общества еще и тем, что дают понять своим наемным работникам ее преимущества, отбирая электорат у радикалов, как левых, так и правых.

Поэтому настоятельно необходимой для современных Украины и России является такая концепция партийных идеологий, политической стратегии и развития национальной экономики, которые бы помогли образованию, укреплению и доминированию в гражданском обществе этой прослойки.

Литература

1. Бюллетень Центра исследований проблем гражданского общества. 2009. № 12.
2. Габермас, Ю. Структурні перетворення у сфері відкритості. Дослідження категорії громадське суспільство. – Львів: Літопис, 2000. – С. 506.
3. Habermas J. Legitimationsprobleme im Spätkapitalismus. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1973. 195 s.
4. Острогорский, М. Демократия и политические партии // Политология: хрестоматия [Текст] / М. Острогорский / Сост. проф. М.А. Василек, доц. М.С. Вершинин. – М.: Гардарики, 2000. – 843 с.

Глава 5. Трансформационные и ценностные перспективы социальных ценностей идейно-партийного дискурса в глобализированной современности

История взаимоотношений социал-демократического и коммунистического движений в мире и постсоветских странах напоминает гоголевское произведение «Как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». На самом деле, причины изначальных определяющих распрей давным-давно забыты, четкие идейные разногласия заметны лишь идеологам партийных группировок, а взаимная неприязнь является в основном следствием раздоров между лидерами и политического невежества партийных масс. Как считал М.Я. Острогорский (основатель российской традиции исследования политических партий), партийные вожди любой партии, которая имеет доступ к власти (или ориентирована исключительно на нее) часто являются, по выражению ученого, «фонографами Кокуса» (партийного ядра, озабоченного максимально преференцированной интеграцией в господствующую систему) и, следовательно, не могут иметь независимой позиции, с другой стороны они избавлены от личной ответственности за осуществляемую политику, а дискуссия в ней представляет собой формальность, поскольку все заранее решено в кокусе [3, 79].

Если брать случай Украины и России, то разногласия между ветвями левого лагеря определяются в большинстве случаев отношением к вопросам интеграции (или с ЕС, или Украины и России), языка и оценкой недавнего советского прошлого. Для большинства членов и руководителей социал-демократических объединений Украины и России понятие «коммунист» ассоциируется прежде всего с членами КПУ, КПРФ или еще каких-то якобы марксистских группировок, в основном эксплуатирующих ностальгию по «советскому раю», фантазии об общем славянском доме, православных ценностях (хотя причем здесь коммунизм и марксизм?), предлагая простые и неуклюжие рецепты благосостояния вроде «возродить СССР» или шариковского: «Все поделить!» (хотя это абсолютно не мешает официозным коммунистам блокироваться и вступать в коалиции с олигархическими капиталистами). Еще Маркс в похожей ситуации говаривал: – Если они марксисты, то я тогда уж никак не марксист. И действительно, разве можно считать марксизмом или коммунистической идеей призывы к сплошному огосударствлению (в противоположность учению Маркса об отмирании государства и развитии широкого самоуправления масс), в тоталитарно-диктаторских методах общественного управления (тогда как Маркс указывал, что целью коммунистов должна быть трансформация функции государства из органа государственного гнета в механизм выражения интересов всего общества), к принудительному ограничению сфер частной собственности (хотя марксистская теория четко оговаривает, что не частная собственность как таковая, а частнособственнические отноше-

ния между людьми являются главным антагонистическим и отчуждающим фактором).

Наряду с этим, большинство социал-демократов Украины и России в достаточной мере незнакомы с историей коммунистического движения на Западе, именно которое, несмотря на разнообразные ошибки (а у кого их не бывает?), в основном и стимулировало в свое время кардинальные социально ориентированные политико-экономические и общественно-государственные изменения в странах Западной Европы. Действуя революционными, радикальными методами, коммунисты разрушали эксплуатационный государственный механизм буржуазии, активизировали политическое сознание и деятельность народных масс, тем самым расчищая путь эволюционным реформистам – «ренегатам-примирителям» (по терминологии тогдашних коммунистов) – социал-демократам. По сути, между эсдеками и «комми» мы наблюдаем своеобразный политический симбиоз, вроде довольно часто существующего в природе. Только в отличие от природного, органического симбиоза, эсдековско-коммунистические симбиотики и знать не хотели (и не хотят) о собственной взаимозависимости. И действительно, как только коммунисты-большевики в Советской России решили, что они обойдутся без политической конкуренции своих более умеренных собратьев-«ренегатов» (меньшевиков, эсеров, энесов), как в самой ВКП(б) восторжествовали, по выражению Троцкого, «термидорианцы» – интеллектуально неразвитые, политически невыразительные, властолюбивые приспособленцы, которым, по большому счету, было плевать, кому и чему служить. Таким образом, партия революции уничтожила саму революцию, а, в конце концов, и саму себя.

Возьмем другой случай. В начале 1919 г. в Германии социал-демократическое руководство с помощью милитаристского генералитета (многие из этих генералов через десяток лет вели к власти Гитлера), денег олигархов, буржуазных карательных отрядов уничтожило тысячи рабочих, коммунистов, левых социал-демократов, свергло абсолютно легитимные правительства в Гамбурге, Баварии, Саксонии только за то, что они стремились к превращению Германии в действительно социалистическую и демократическую республику, последовательно исходя в своих действиях из идей тогдашнего социал-демократизма и целей Ноябрьской революции 1918 г. Через несколько лет, потеряв поддержку бывших союзников-монархистов, националистов, олигархов и не в состоянии восстановить ее у значительного количества рабочего, интеллигентского и крестьянского электората, немецкие эсдеки теряют большинство в рейхстаге, не оказывают действенного сопротивления вступлению в должность германского президента консервативного фашизированного фельдмаршала Гинденбурга. Начинается время недолговечных многопартийных коалиций, разрушение общественно-политической и экономической стабильности и, как результат – утверждается мечта масс о покое любой ценой и твердой руке,

которая сможет его обеспечить. Коммунисты, в свою очередь, не забыв обид, однозначно воспринимали «кузенов-ревизионистов» как «социал-фашистов». Что интересно, в истории Германии 20-30-х гг. XX в. почти не было случаев перехода коммунистов и эсдеков друг к другу в партию. Но одновременно достаточно частыми были миграции тех и других в Национал-социалистическую рабочую партию Германии (НСДАП). Воистину, как говорит украинская поговорка: «Пусть уж лучше дьявол, лишь бы не поп» («Нехай вже дідько, аби не піп»).

Социал-демократам необходимо учитывать, что если бы не «перекосы» Ленина (и коммунистов), плутократия большого капитала западных стран никогда не согласилась бы, испугавшись революции и тотальной экспроприации, на распределение части власти и национального богатства в пользу производителей – малоимущего большинства собственных стран. Социал-демократия, в противоположность леворадикальному левому движению больше склонна к толерантности, умиротворению всех социальных групп, «соглашательству», за которое и обличают ее коммунисты. В этом ее сильная и одновременно слабая сторона. Евангельский мотив всепрощения и подставляния под пощечину другой щеки, однако, должен соответствовать целесообразному политико-экономическому моменту, а не рассматриваться в качестве универсального и вневременного фактора. В некоторые моменты истории необходимо проявлять, по выражению русского мыслителя И. Ильина, сопротивление злу силой. Вспомним историю. В 1938 г. социал-демократы Австрии без сопротивления отдают все рычаги власти правым экстремистам и самораспускаются, невольно помогая нацистскому аншлюсу. Социал-демократы Германии в 1933 г. угрюмо молчат, но не возражают, когда антиконституционно громят офисы, редакции коммунистов, когда их коммунистических братьев-депутатов рейхстага по левому лагерю в результате гитлеровской провокации лишают неприкосновенности и с подачи спикера (Г. Геринга) арестовывают (через месяц, нацисты, наигравшись с эсдековскими оппозиционерами-легалистами, отправили их на уже нагретые коммунистами нары). Социалисты Франции в 1938 г. из-за догматических споров с коммунистами разрушили правительство Народного Фронта, раскрыв путь к власти профашистским силам.

Нельзя также однозначно негативно (как недавно – однозначно возвышенно) воспринимать личность и деятельность В.И. Ленина. Каждую личность (и идею), а тем более политического лидера необходимо стараться понять в контексте тех общественно-исторических условий, в которых он жил и действовал. Учтем, что теория Маркса и других теоретиков справедливого общества не указывала четких и последовательных путей к утверждению нового строя. В западноевропейских и отечественных условиях Ленину и Плеханову, Бернштейну и Каутскому, Мартову и Чернову, Либкнехту и Люксембург, Троцкому и Винниченко приходилось прокладывать их в прямом смысле на ощупь, корректируя теорию практикой и

одновременно внося коррективы в практическую политическую деятельность. И неудивительно, что пути социалистов шли несколько по-разному. Но главным является то, что эти люди своими идеями, творчеством и действиями стремились не к личному обогащению, а положили собственную жизнь (и часто, к сожалению, – и жизни многих других) ради мечты о социальной справедливости, общего благосостояния, утверждению того общественного идеала, осуществление которого в конце концов должно привести к полному раскрытию всех человеческих способностей, уничтожит страх и ненависть, предоставит каждому человеку возможность жить и развиваться достойно.

Марксизм выдвинул плодотворную идею о том, что человек для достижения полной индивидуальной свободы должен в соединении с другими людьми регулировать и организовывать социальную и духовную жизнь, руководствуясь принципом всеобщего блага. Марксизм отмечает, что любые общественные изменения являются следствием организованных действий большинства народа, которое до этого времени предварительно должно достичь значительного духовно-культурного развития, одновременно подготовив экономический плацдарм для политических изменений. Согласно Марксу, возникновение социализма возможно лишь в высоко-развитом экономически, культурно и духовно обществе. Так как только при высоком уровне индустриально-технического производства, научной организации труда возникает потребность в интеллектуально и духовно развитом человеке, который сознательно стремится к общественному прогрессу, когда возникают материальные излишки, регулирование по справедливому распределению которых должно брать на себя государство, превращаясь из органа классового господства в механизм осуществления общественной свободы. Реформированный коммунистами марксизм – большевизм – первоначально исходил из утверждения, что установление социально справедливого общества возможно и в индустриально неразвитой стране насильственным путем. Подобное общество оказалось достаточно нефункциональным по своей сути и не разрушило социальную несправедливость, так как при низком уровне производства сохраняется с одной стороны нехватка продукции, ее дефицит, а с другой – формируется большой слой зависимых материально от властных распределителей людей. Это приводит к формированию узкой прослойки привилегированной олигархической номенклатуры, которая концентрирует собственность на средства производства, получает львиную долю продукции, контролируя рычаги распределения и власти, тотально манипулируя массами с помощью доступа к средствам потребления, идеологии и контроля над средствами массовой информации [14, 51]. В результате и сама партия (и в СССР, и на Западе) превращается в оппортунистическую структуру, заинтересованную лишь в укреплении распределительной власти (СССР) и интеграции в господствующую политико-экономическую систему (Запад).

Так называемый «ленинизм», или большевизм, созданный В.И. Лениным в процессе реформирования им учения К. Маркса соответственно специфике российских условий, воспринял, прежде всего, не эволюционную сторону марксизма, а его революционную, в какой-то мере мессианскую составную, допускающую определенный волюнтаризм, выдвигая на первый план насильственную борьбу, управляемую организованным меньшинством в интересах большинства. Если это меньшинство вполне одержимо «титанической идеей», если его революционная воля экзальтирована, если оно хорошо организовано и дисциплинировано, то оно, как считали большевики, может осуществить заданные цели, преодолевая некоторые закономерности общественного развития. В отличие от классического марксизма, который считает, что любые общественные изменения являются следствием организованных действий большинства народа, которое до этого времени должно достичь значительного культурного развития, одновременно подготовив экономический плацдарм политических изменений. Ленин рассматривал состояние диктатуры как временное, он искренне верил в наступление долгожданного царства свободы и справедливости, где не будет гнета и притесняемых, где каждый человек получит все возможности для самореализации. Ленин в понимании государства пытался интегрировать его с концепцией демократии, от которой он никогда не отказывался. Более того, он указывал, что вне демократии нет социализма. Ленин отмечал постоянно присутствующее противоречие между пониманием демократии, как правления/самоуправления всех членов общества и государством, которое представлялось ему исключительно неограниченной господствующей диктатурой одной социальной группы над другими. Ленинизм продемонстрировал и доказал на практике, какова значительна власть идеи над человеческой жизнью, если она тотальна и учитывает интересы масс. Одним из следствий Октябрьской революции (в конце концов, нежелательным и для самого Ленина) стал тоталитарный сталинизм – «марксизм-ленинизм» – полная противоположность видению Марксом развития человеческого общества. Организационной причиной этого было временное средство Ленина, осуществляемое им ради благородной цели – создание сильной недемократично-авторитарной партии, которая представляла собой на уровне общества дисциплинированное меньшинство, опирающееся на цельное, неподвластное критике мировоззрение (хотя вспомним призыв Маркса: «Подвергай все сомнению!») и практику, по отношению к которым допускалось, однако, любая коррекция, отвечающая изменениям в идеологии и тактике правящего внутрипартийного меньшинства. Партия такого типа должна была иметь доктрину, в которой ничего нельзя было изменить свободной и открытой дискуссией. Сама организация партии, крайне централизованная, была уже диктатурой в малых размерах. Каждый член партии был подчинен диктатуре центра. Большевистская партия дала образец для организации государства. Для достиже-

ния заложенной в ней цели было необходимо установить диктатуру над всей полнотой общественно-государственной жизни. И государство действительно было организовано по образцу и подобию партии. Хотя большевистский коммунизм являлся восстанием против дегуманизации, рассматривая человека как высшую цель и ценность, именно человек стал средством для новой общественной организации, а не новая организация общества – для человека. Но путь насилия и угнетения, уничтожение своих классовых и идейных противников, централистский диктат в партии, борьба с критикой и фракционностью, привели к тому, что все революционные мечты и сами искренние революционеры были уничтожены их же собственным партийным механизмом. Как отмечал деятель Великой Французской революции Мирабо: «Революция сожрала своих детей». Ленин чем-то напоминает своего кумира Робеспьера, не взявшего себе ни франка из общественных средств, который, будучи скромным и мечтательным человеком, стремился исключительно к общему благу и общественному благосостоянию. Но для приближения этого блаженного времени с каждым днем ему необходимо было отправлять на гильотину все большее и большее количество врагов, вредителей, апатичных, аполитичных, верующих, атеистов, слишком революционных, общественно пассивных, подозрительных и т.д., и т.п.

Исходя из этого, необходимо понимать опасность идей «простого» решения общественных проблем. В современную эпоху (60-70 годы XX в.) идейно искренняя, гуманная, справедливая молодежь Европы, увлеченная идеями Ленина, Мао и др., попыталась «ускорить» общественные изменения, обострить классовую борьбу, спровоцировать хаос в обществе, разрушив террором государственный механизм, создав революционную ситуацию. Имеются в виду «Красные бригады» (итал. *Brigate Rosse* – BR) в Италии, «Фракция Красной Армии» (нем. *RAF – Rote Armee Fraktion*) в Германии, «Красная армия Японии» (яп. **日本赤軍** – Нихон сэкигун), «Красная Армия действия» (яп. **連合赤軍** – Рэнго сэкигун) в Японии и др., террористические методы которых, неучитывание конкретной общественно-исторической ситуации, наоборот, оттолкнули широкие массы от левой идеи, привели участников к личной трагедии и значительному количеству жертв. В то же время коммунисты и социал-демократы Запада, занятые распрями между собой, упустили целое поколение левой молодежи, не сумев направить ее энергию и стремления в плодотворную сторону. С середины 1970-х гг. вследствие этого начался право-консервативный ренессанс в мировоззрении масс. В хаосе, в революционную эпоху часто побеждают люди крайних принципов, люди, объединенные в стремлении к диктатуре, предоставляющие массам лозунги, отвечающие простейшим инстинктам. Современному украинскому и российскому коммунистическому движению хочется пожелать – чтобы стать жизненной идеей и практикой, необходимо пройти путь от задогматизованной идеологии (в которой к опор-

тунизму прибавился национализм и клерикализм) к аутентичному марксизму и гуманизму. Как говорится – читайте Маркса.

К сожалению, социал-демократы Украины и России в своей деятельности и идейных построениях в основном некритично копируют современные схемы европейских социал-демократов. Они не учитывают того, что нынешние концепции и социально-политическая практика европейских эсдеков является результатом многолетней борьбы за расширение системы социальной справедливости, деклассизации общества [24, 79]. В разные периоды социального развития ими применялись различные экономически-политические методы, соответствующие конкретному общественно-историческому моменту, с обязательным учетом национальной, мировоззренчески-культурной специфики того или иного общества. Украина и Россия по состоянию классового и материального расслоения являются соответствием периоду 20-30-х гг. XX в. существования европейских стран. Поэтому полагаться исключительно на просветительские и морализаторские методы в достижении основ социальной демократии было бы по меньшей мере наивным. Социал-демократы и социалисты Запада и в период между двумя мировыми войнами, и после второй мировой войны применяли в общественно-политической деятельности диалектический подход, используя в зависимости от обстоятельств как радикальные, так и эволюционные методы, сочетая парламентскую и внепарламентскую деятельность. Украина и Россия еще должны пройти тот путь ограничения сугубо классового господства в государстве, охвата социальной заботой всех слоев населения, утверждения гражданского общества и широких прав и свобод человека, которым прошли левые и левоцентристы Запада, создав несколько моделей общества всеобщего благосостояния. Это предполагает основательное изучение и использование теории и практических подходов левого движения и их плодотворное, продуманное применение в соответствующих условиях.

Вместе с тем необходимо учитывать, что исключительно парламентские методы общественного реформирования, без развития политической культуры и политической активности народа могут создать ситуацию вынужденного приспособленчества левых к политике правых партий, привести к потере собственной идентичности, потере электорального поля. Наряду с этим, социал-демократы забывают (или не хотят вспоминать), что демократический социализм (кстати, как и коммунизм) не является каким-то стагнационным результатом общественно-исторического развития, после которого прогресс человечества останавливается. Наоборот, он является постоянным процессом демократизации, социализации всех сфер общественной и индивидуальной жизни, поиском и нахождением новых форм и методов расширения межчеловеческого сотрудничества, раскрытия творческой сущности человека и всеобъемлющей гуманизации [См.: 10; 11; 15; 21; 24].

Поэтому восприятие отечественными эсдеками нынешних форм западной социал-демократии как окончательных, неизменных и безошибочных является наивностью. Ведь сама западная социал-демократия рассматривает современное общественно-государственное состояние лишь как одно из этапных и постоянно ищет и испытывает различные методы для определения новых путей преодоления основного тормозного фактора общественного развития – отношений наемничества в экономической сфере, порождающие эксплуатацию (пусть и в скрытых формах), отчужденность человека от управления своей судьбой, духовную нищету. В мировой левой практике исследуются и внедряются системы самоуправленческих отношений как в общественной, так и в экономических областях в полном соответствии с концепцией Маркса, который указывал, что ситуация, когда народом управляют, должна быть заменена на самоуправление народа [2, 80]. Не следует забывать и о подтвержденном историей марксистском утверждении, что техника, экономическая система сами по себе являются нейтральными и доступными как для капиталистически-эксплуатационного, так и для социалистического применения. Поэтому кроме социально-экономических изменений является необходимым одновременная революция в человеке, создание системы развития внутреннего, духовного мира масс, формирования у них общей и политической культуры с тем, чтобы сознание их избавилось от репрессивного и потребительского типа мышления. Надежда на то, что массы или сами по себе социализируются, подтянутся до уровня понимания социал-демократических целей, или, что хуже всего, невысказываемая «кокусом» уверенность в том, что понятие «масса» является синонимом бессловесного быдла, для которого лучше применять методы пропагандистских манипуляций, являются нереальными и лицемерными.

Левым и левоцентристам России и Украины не надо лицемерно, в духе лучших сталинских традиций не критически принимать или отказываться выборочно от своих предшественников, «отцов» и «дедов» идеи социализма. Это очень бы напоминало действия политических сирот, которые, словно перекасти-поле, катятся туда, куда дует ветер политической конъюнктуры и финансового гешефта. Не признавая значительное влияние ленинских идей (в частности, о необходимости революционных действий в некоторые моменты истории, важность борьбы с идеологическим догматизмом, возможность построения социализма в национально независимом государстве и т.п.) на украинских социал-демократов и социалистов-революционеров, мы бы вынуждены были, чтобы быть последовательными, вычеркнуть из истории украинского социалистического движения идеи о национальном и социальном в революции Винниченко и классика современного западного неомарксизма Роздольского, исследования об интеграции национального и глобального Хвылевого и Шаповала, и многих-многих других. Речь идет о тех, кто благодаря своим коллегам-против-

никам по социалистическому лагерю – большевикам – понял, что акцентирование только лишь на национальном освобождении, без экономической, социальной и правовой эмансипации населения приводит политические силы к самоизоляции и утрате поддержки со стороны народа. К сожалению, это понимание пришло слишком поздно. Одновременно и российским коммунистам следовало бы учесть наработки по развитию кооперации, земельному и крестьянскому вопросу своих «кузенов» эсеров (в первую очередь, В. Чернова), регулированию и паритету интересов собственников и наемных работников в производственном процессе (меньшевики).

Возвращаясь к вопросу о «поиске корней» в украинском левом движении, можно наблюдать тенденцию социал-демократов выделять лишь первооснователей – М. Павлика, И. Франко, Б. Кистяковского (которые, замечу, не отвергали радикальных методов национальной и общественной борьбы) – забывая об их преемниках, – тех же «обольшовиченных» Винниченко, Скрипнике, Шумском, Волобуеве и других, представляющих левые направления Украинской социал-демократической рабочей и Украинской социал-революционной партий, впоследствии принявших названия «Украинской коммунистической партии» и УКП(б) – («боротьбистов»). Они самостоятельно и в рядах КП(б)У делали все возможное для достижения государственного статуса Украины, экономического суверенитета, развития национальной культуры и образования, обязательно сочетая это с утверждением социального освобождения. Именно невнимание к решению социальных вопросов со стороны руководства УСДРП и УПСР заставило «левых» в их рядах внести радикализм в свою деятельность, тем более что это соответствовало устремлениям масс, уставших от исключительно фольклорно-языковых, «шароварно-вышиванских» и геральдических аспектов деятельности некоторых политических лидеров УНР (Украинской народной республики 1917-1921 гг.). Именно общая поддержка народом эсеровских и эсдековских левых, «национал-коммунистов» стала преградой окончательной инкорпорации Украины в новообразованном большевистском Российском государстве, заставила считаться великодержавное руководство большевиков с тем, что Украина и украинцы являются реальностью со своими определенными интересами и игнорирование их национальных интересов приведет к разрушению всей большевистской системы. Разработки «национальных коммунистов», украинских экономистов школы М. Волобуева о методах развития самостоятельной высокоразвитой экономической системы в условиях интеграционных процессов, концепции М. Хвылевого о путях оригинальной национальной культуры в условиях интернационализации и глобализации мира и сегодня актуальны и пригодны к использованию.

Отечественным левым лучше учиться на ошибках предшественников, делая соответствующие выводы, чем впадать в политический склероз, компрометируя себя ошибками собственными (это уже политический ма-

разм). Следует понять, что, несмотря на любые прекрасные лозунги и призывы, не может быть свободным народ, который является рабом собственного желудка. Причем, рабом вынужденным, поскольку большинство населения России и Украины в данных условиях существования заинтересовано в элементарном выживании, а не в сохранении независимости, утверждении того или иного общественно-политического строя, которые являются для него далекими абстракциями. Поскольку нынешние власть имущие добились того, чтобы все, что как-то более превышает вопрос элементарного выживания, воспринималось бы как идеологически-мифическая завеса, скрывающая олигархическую реальность. Смогут современные левые предложить реальные, конкретные дела, заложить настоящие стратегии для формирования устоев благосостояния и социальной эмансипации – большинство народа станет фактическими коммунистами или социал-демократами. Не смогут – вопреки всем прекрасным мечтам и призывам исчезнут, превратившись в мизерные «клубы по интересам». Вместе с тем им необходимо соблюдать между собой толерантность, которой, увы, не хватало и не хватает в отечественной левой политике. Сущностью солидарности, без которой невозможен прогресс общества к свободе и справедливости, является, прежде всего идеи примирения, прощения, поиск того, что объединяет, а не разделяет людей. Именно терпимость к мнениям и идеям другого человека, общее взаимоуважение помогают избежать раздора как в индивидуальных человеческих отношениях, так и в обществе. Не надо «бить своих, чтоб чужие боялись» потому что результатом этого будет то, что последствиями прекрасных идей воспользуются фанатики или негодяи. Левым наших стран необходимо учитывать ошибки и использовать достижения всех своих идейных предшественников. Не надо в современном расколоте, розобщенном ненавистью и противоборством обществе стремиться заменить реалистичные, будничные дела по улучшению благосостояния народа мифологизированным судилищем над теми, кто по выражению поэта были «слишком ранние предтечи слишком медленной весны» (Д. Мережковский). Только вследствие общественного диалога смогут развиваться и утвердиться принципы, согласно которым будут созданы механизмы предотвращения рисков и обеспечения шансов для развития человека и человечества [21, 34].

Левые политические течения могут достичь снятия (в гегелевском смысле) большинства межпартийных противоречий и одновременно приобрести плодovitости в практическом решении общественных проблем при условии достижения научного качественного метода общественного познания для формирования идейных концепций и социальных целей. Современная неомарксистская социально-критическая теория разработала методологию и принципы данного спектра анализа. Согласно ей, не может существовать познавательная ситуация пассивного чистого созерцательно-го исследования и практических действий в статических общественных

структурах и ситуациях. Субъект (носитель познавательных способностей и социально-политической практики) и объект (совокупность фактов) являются взаимодействующими факторами социального познания и деятельности, являясь взаимообуславливающими, взаимопереходящими друг в друга. Средой этого взаимообуславливания и взаимоперехода является тотальность – совокупность всей общественной практики, которая берется на данном этапе ее исторического развития, она является обществом в целом, т.е. субъект-объектом. Данная теория отмечает, что любая специализированная деятельность и, особенно, познавательная не является идейно, экономически и политически независимой и самодостаточной. Она является частью целостной общественно-исторической практики (праксиса), возникающая в ней, развиваясь и снимаясь в ней (видоизменяясь, отрицаясь, представляя место новому [18, 28]. Предметом социального анализа и практики в марксизме является вся сфера человеческой и нечеловеческой природы, с которой взаимодействует человек или зависит от нее, вся система взаимоотношений общества и природы, общества и человека, который охватывается исторической сознательной практикой – праксисом. Познающим, исследующим, действующим субъектом не является внеобщественный представитель чистой науки. Им является человек общественный, который представляет собой тотальность всех социальных определений, входящих в общество и составляющих его индивидов. Для такого тотального субъекта познавательный объект не является чем-то внешним, не им сформированным и положенным, наоборот, последний выступает как продукт его же собственной деятельности. Противоположность субъекта и объекта отражает реальное положение социального мира, который, несмотря на свою внутреннюю единство праксиса, в общественной жизни предстает в виде антагонизма единичного и общего. То есть человеческая активность на уровне общества предстает как конкретная, но слепая, а на уровне каждого действующего индивида – как осознанная, но абстрактная. Вследствие этого каждый сознательно действующий индивид (носитель частичной деятельности) не знает, в какую конкретно совокупность выльется его деятельность, объединившись с деятельностью других частичных деятелей – абстрактных носителей тотального праксиса. Общее, или человечество в ситуации общественного производства, индивидуальный субъект, или конкретный человек предстает в качестве носителя частичной функции этого совокупного производства, которая знает только то, что производятся только в пределах ее специализированной деятельности.

Деятельность человечества как целого одновременно и сознательна в каждом отдельном звене и бессознательна в целом, поскольку это целое подчинено стихийным закономерностям эксплуатационного общества. Разрешение этих противоречий достигается на пути коренного общественного преобразования, которое предусматривает поднятие деятельности на уровень такого же единства и устремленности к цели, такой же планомер-

ности, которым отличается человеческая деятельность в каждой специализированной области. В дальнейшем развитии общества не человеческие отношения потребности должны подчиняться господству хозяйственных и идеологических отношений, а наоборот, общество должно осуществляться разумно, как свободная дело уволенных индивидов. В нем не должно быть необходимых от воли людей независимых общественных отношений [19, 63]. Традиционная теория общества положительно фиксирует наличное, утилитарно стремится усовершенствовать частности, представляет реальность как нечто вечное и неизменное, теряя критичность и самокритичность, вследствие чего не может создать альтернативные модели прогрессивного развития как целого, так и частных. Критическая социальная теория изначально возникает как выражение человеческого критического отношения к миру данного и имеющегося. Согласно ей человеческое общество является неразумным и бесчеловечным, если оно руководствуется стихийными, независимыми от людей тенденциями. Не зависящий от воли людей иррациональный экономический процесс обуславливает иррациональное состояние общества. От такого общественного развития необходимо освободиться, чтобы общество стало разумным и человечным, чтобы оно стало продуктом свободного общественного союза людей и находилось под их сознательным планомерным контролем. Разум не в состоянии познать себя, пока люди действуют как члены неразумного общества. Конструкция хода истории как необходимого продукта экономического механизма имеет в то же время исходящий даже с понятия механизма протест против этого порядка и идею самоопределения человеческого рода, т.е. состояния, когда поступки людей уже возникают не из механизма, а с их решений. Суждения о необходимости в истории при этом предполагает борьбу за ее превращение из слепой в рациональную необходимость [11, 45-46].

Современное германское неомарксистское (точнее, постмарксистское) исследовательское объединение «Кризис», носившее до 1989 г. название «Марксистская критика» создано как «теоретический форум для радикальной критики капиталистического общества» [22, 10]. Его членами являются современные философы, социологи, правоведы, экономисты, в частности, Роберт Курц, Розита Шольц, Норберт Тренкле, Эрнст Лохоф, Ахим Белгарт и Франц Шандл и др. Объединение «Кризис» проводит анализ и критику современного капитализированного общества, основанную на фундаментальном переосмыслении понятий товара, стоимости и денег, проанализированных Марксом в «Капитале». В «Манифесте против труда» группа «Кризис» выступает против утверждения Маркса о классовой борьбе как двигателе истории. Борьба между пролетариатом и буржуазией не является борьбой революционного класса со своим угнетателем, а является борьбой двух противоположных интересов, интегрированных в капитализм. Общественное противоречие между трудом и капиталом – это всего лишь противоречие между разными (хотя обладающими различной силой)

интересами внутрикапиталистической самоцели. Классовая борьба была формой выражения этих противоположных интересов на общей социальной почве системы товарного производства. В обществе, где как самоцель властвует товарное производство, действительным богатством может считаться только то, что представимо в денежной форме. Завоевание средств производства свободными ассоциациями в борьбе против насильственного государственного и юридического управления может означать лишь, что эти средства производства больше не будут работать на анонимные рынки в форме товарного производства. Жизнь должна определяться уже не самоцелью труда и «занятости», а организацией разумного применения общих возможностей, регулируемое не автоматической «невидимой рукой», а сознательным общественным действием [12, 13]. Самоорганизация и самоопределение прямо противоположны государству и политике. Завоевание социально-экономических и культурных пространств свободы осуществляется не на обходном, подчиненном, ложном пути политики, а как строительство контр-общества. Свобода означает: не позволять рынку отчуждать себя, а государству – управлять собой; это значит – организовать общественное целое под своим собственным руководством, без посредничества промежуточных, отчужденных механизмов [6, 127]. В этом смысле противники труда хотят найти новые формы социального движения и завоевать плацдармы для воспроизводства жизни по ту сторону труда. Необходимо соединить формы практики контробщества с наступательным отказом от труда.

Для осуществления социальной революции является необходимым класс-катализатор социальных изменений, но он сможет выполнить свою миссию лишь в том случае, если он освободится от всех репрессивных преформаций. Радикальное превращение социальной системы все еще зависит от того класса, который создает человеческий базис процесса производства. В развитых странах им является индустриальный класс. Изменения в составе этого класса и размер его интеграции в систему изменяют не потенциальную, а актуальную политическую роль рабочего класса [18, 101]. Поскольку он «в себе», но не «для себя» (объективно, но не субъективно) является революционным классом, постольку его радикализация зависит от катализаторов, которые находятся вне его состава. Этим катализатором, согласно концепции неомарксизма являются, прежде всего, средние слои интеллигенции, которые играют основную роль в процессе «пробуждения» интегрированного в систему большинства. Они «катализатор», «авангард», «детонатор», т.е. силы концентрации оппозиции, они владеют относительной самостоятельностью как в идеологическом, так и в политическом планах. В неомарксизме это связано с новым пониманием «пролетариата», под которым имеются в виду социальные группы, которые не заинтересованные в увековечении системы отношений наемничества, а стремятся к ее трансформации. Согласно неомарксизму, «пролетариатом»

является не какой-то определенный класс. Это общественное явление не сконцентрировано в одной социальной группе. Им являются как отдельные индивиды, так и разные общественные группы, сознание и деятельность которых, по выражению Э. Блоха, являются «неодновременными» существующим антагонистичным отношениям, а воображение и мысль направлены в будущее: «Ожидание, надежда, стремление к еще неосуществленной возможности, – это не только основная черта человеческого сознания, но и основное назначение внутри всей объективной действительности» [5, 5]. Эта направленность идет дальше «ревизионистского социал-демократического мелиоризма (стремления к незначительному совершенствованию), фантазии которого не способны к достижению того, чтобы представить себе появление нового иначе, чем через количественное накопление имеющегося» [8, 49].

Критическая социальная теория вырастает из противоречий существующего общества и начинает анализ не с констатации отдельных, частичных недостатков социума, а с критической рефлексии категорий лучшего, полезного, целесообразного и других, показывая, что они имеют социально обусловленный смысл и что полезно существующего настоящего общества вовсе не означает полезного для грядущего будущего. Критическая теория подвергает критическому отрицанию существующее разделение индивида и общества, в силу которого индивиды принимают предоставленные им границы деятельности как естественные и неизменные, она релятивизирует и это разделение, и эти границы. Пределы, обусловленные слепыми, независимыми от индивидов силами – данный тип распределения труда, классовые антагонизмы т.п. – понимаются критической теорией как исторически переменные, как функция совокупной человеческой деятельности, которая может быть подчиненной разумному целеполаганию. Тем самым расколотость общества и расслоение индивидов постигается в своих истинных истоках; неосознанное противоречие осознается, становится источником деятельности по его отрицанию. Неомарксизм обращает внимание на то, что господство классовых сил внутри «развитого общества» при новых формах социального контроля теряет абсолютный политический характер. «Новый класс трудящихся» (по терминологии С. Малле, А. Горца), осознавая свое положение на производстве и в обществе, требует коренной перестройки общественных отношений, широкого участия в управлении производством, создания широкого общественного самоуправления [7; 17]. Общественно-катализаторский класс согласно неомарксизму, чтобы стать исторически движущим пролетариатом в изменяемых общественно-исторических условиях и, соответственно, изменяемых условиях своего социального бытия должен каждый раз заново осознавать свое «новое» бытие, т.е. заново воспроизвести себя как «класс для себя», а тем самым и как «класс для других». Однако между изменением бытия класса и осознанием им этого изменения почти всегда имеет место временной

промежуток – «разрыв», который господствующий, «стабилизационный» класс стремится в идеале увековечить, или, по меньшей мере, сохранить на длительное время, используя и средства экономико-политического, идеологического, массовокоммуникационного давления и манипуляции. Согласно неомарксизму, социальная группа, класс, если он хочет находиться в центре общественной борьбы и быть выразителем интересов всего общества, должен поставить во главе своей борьбы не только собственные узкоэкономические цели, а проблемы всего общества, в частности: бюрократическое (и, особенно, технбюрократическое) господство, этатизм, манипуляция сознанием и поведением масс, эксплуатация, засилье массовой культуры, противоречия между злоупотреблением и разбазариванием производственных сил и всем тем, что создают современная наука, техника и труд, что все больше и больше превращается в общественную силу, в главный антагонизм [4, 129].

С помощью неомарксистской социальной теории представляется возможным выделить группу проблем и вопросов, разработка и решение которых требуют ситуации надпартийного сотрудничества, ущемления узкогрупповых интересов ради всеобщего блага. Во-первых – это вопросы специфики политической структуры и культуры социалистической демократии: конкретные формы выборности, периодичности, обеспечивающих всеобъемлющую демократичность и подотчетность избранников; формы прямой демократии и контроля за профессиональным административным аппаратом, формы контроля над ним; варианты механизмов общественного обсуждения и принятия консенсуальных общественных решений. Во-вторых – модели развитой социалистической экономики в условиях полной демократии производителей и общенародного обсуждения и принятия альтернативных планов; формы частной и общественной собственности; роль рынка; взаимодействие между планированием, новыми потребностями и динамизмом рынка; модели механизма ценообразования; механизм для разрешения конфликтов между центральными и региональными интересами; сочетание прав производителей и прав потребителей; приоритетные отрасли; формы передачи средств производства непосредственным производителям. В-третьих – социально-культурные модели средств преодоления классового, национального и полового неравенства; конкретные изменения в системе образования; распределения труда; система профессиональной ориентации с целью полного раскрытия индивидуальности, склонностей и способностей каждого члена общества. Четвертая группа – это международные отношения между развивающимися неравномерно странами: вопросы отношений между производственными классами богатых и бедных стран; отношения между мировым крестьянством, мировым пролетариатом (совокупностью наемных работников мира) и мировой интеллигенцией; справедливое установление торговых контактов; паритетный экономический рост стран Юга и Севера; эффективный способ рас-

пределения средств и доходов; какие разновидности технологического обмена должны способствовать преодолению поляризации производительных сил; как достичь общего выравнивающего развития [20, 237]

Мир и наши страны переживают опасность сплошной дегуманизации, деформации самой человеческой сущности. Марксизм создал и развивает идеи о процессе всеобъемлющего гуманизма в социальной системе, он является своего рода духовным восстанием против дегуманизации, рассматривая человека как высшую цель и ценность. Неомарксизм и основывающиеся на нем социально-политические объединения исходят из того, что внутренние изменения в человеке, его окультуривания, духовное развитие, освобождение сознания от репрессивного типа мышления является необходимым условием для формирования развитой экономической системы. А прогрессивные экономические сдвиги является условием освобождения человека от духовного нищенства. Факторы прогрессивной экономики и свободного мышления является базисом последующих трансформаций в политической системе, которая является следствием, а не причиной базисных изменений. Понимание специфики современного мира как мира глобальных проблем, осмысление ошибок и недостатков программных установок общественных сил по перестройке условий человеческой жизнедеятельности выдвинули перед теорией неомарксизма, политическими объединениями демократических социалистических левых задачу создания новой стратегии, которая позволила бы более реалистично прогнозировать гуманистические цели и определить средства их достижения, опираясь на основные цели социалистической свободы [13, 30]. Социальная этика онтологической ответственности должна носить универсальный характер, представлять собой систему норм, которые пользуются всеобщей поддержкой; обусловлена глобальными опасностями специфика бытия человека накладывает свой отпечаток на его онтологические характеристики, которые предоставляют возможность морально-ответственного самопонимания и деятельности. Принципиально важным в таком самопонимании человека является то, что соотнесение его бытия только с обществом сужает субъективность к персонально-общинному началу. А это, в свою очередь, приводит к тому, что постижение опасностей через онтологические основы не дает представления о взаимосвязи сообщества и общества как интересубъективных факторов. Человек должен рассматриваться как совокупность мира внутреннего, мира окружающего и мира общественного. Включение в наличное бытие человека разнопорядковых сущностных определений позволяет увидеть их взаимозависимость в комплексной целостности. Онтологическая этика ответственности рассматривает взаимосвязь производственных, природных субстратов человеческой реальности через призму моральной ответственности, опираясь на жизненную единство целостной системы всего общества. Жизненная ценность понимается теперь не просто как реализация моральной общности в социальных отно-

шениях, а как сочетание их с естественными условиями общественного бытия человека, что обеспечивает настоящую жизненную наполненность его общественного и морального достоинства. «Все мы рассматриваем человека как часть природы, как индивидуума и существо общественное. Как частица природы, он может существовать только в естественной среде и вместе с природой. Свою индивидуальность он проявляет только в общении с другими людьми» [16, 7]. Это находит свое выражение в решении центрального для индустриального общества вопроса о роли этики разумного ограничения для выживания. Речь идет о таком осмыслении человеческого бытия, которое позволит трансформировать ограничения узкоэгоистических стремлений в богатство жизнедеятельности, т.е. достичь разумности степени деятельности, которая основывается на реалистичности и гуманности моральной ответственности. Такого рода проблематика не может быть разработана исключительно учеными, а только в диалоге между ответственными членами гражданского общества, среди которых в этом случае не только ученые и политики, но и каждый человек в отдельности с его альтернативными подходами. Ответственность не замыкается ни на науку, ни в обществе, ни в профессиональной политике, но фундируется по взаимоотношениям, которые раскрываются при помощи общественных аргументаций. Социальное единство деятельности как плюралистической и ответственно значимой достигается на пути формирования концепции общественной жизни в процессе дискурса альтернативных точек зрения, повлекшего консенсус. Договорной, или консенсуальный характер трансформации ценностей в общезначимые общественные нормы создает необходимость предпосылок для углубления содержательности диалого-дискуссионной процедуры, в процессе которой осуществляется не только конкретизация общечеловеческих ценностей, но и укрепление межличностного сотрудничества при формировании общественного будущего. Это позволяет поставить под сомнение и преодолеть устаревшие на сегодня нормы, которые несут очевидную опасность для основополагающих интересов человеческого рода, но и выдвинуть проблему обоснования новых норм. Ответственные общественнозначимые знания и ценности конструируются в дискурс-диалоге точек зрения общественных, политических групп, трансформируясь в конкретные нормы, регулирующие совместную жизнь и реализуют смысло-жизненные целеполагания.

Субъектом социального познания и общественно-политического дискурса является человек в конкретной ситуации, наделенный планетарной ответственностью, которая является имманентной его сознанию. Ни владение собственностью, ни государственная принадлежность, ни социально-групповой статус не предоставляют привилегированного доступа к общественному дискурсу. Нормативная политика, которая стремится к широкой поддержке, не может рассчитывать на успех, если конкурирующим системам ценностей заранее отказано в участии в формировании консенсу-

са. Достижение практического действенного консенсуса является следствием общей ответственности и солидарности, предполагая демократизацию, вовлечение граждан в ответственность за соучастие в принятии решений. Общественная дискуссия и в неомарксизме как принцип социальной жизни также должна интегрировать в солидарное целое различные политические силы современного общества на основе ответственнозначимого толерантного баланса интересов, традиций, ценностей, придавая особое значение реалистичности, гуманистичности идейных ориентаций. В основу общественного консенсуса концепция неомарксизма и современная социалистическая левая возлагают политико-онтологическую этику ответственности, положения которой разработаны с учетом ситуации современных обществ, обусловленной глобальной опасностью человечеству и человечности. С помощью принципа ответственности подвергаются критике идейные основы, практика буржуазных конкурентных межчеловеческих отношений, которым является имманентной индивидуалистическая безответственность, порождаемая безграничной погоней за прибылью. Понятие ответственности приобретает явный смысл только в том случае, когда в обществе создан механизм открытой общественной оценки.

Литература

1. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений в 55 томах [Текст] / В.И. Ленин. Т. 23. С. 307-310.
2. Маркс, К. Изменения и дополнения во втором издании брошюры И. Моста «Капитал и труд» (1875) [Текст] / К. Маркс // Вопросы истории КПСС. – 1968. – № 2. – С. 67-80
3. Острогорский, М.Я. Демократия и политические партии [Текст] / М.Я. Острогорский. – М.: Изд-во Центра Конституц. исслед. МОНФ, 1997. – 216 с.
4. Amin S. The Liberal Virus: Permanent War and the Americanization of the World.-Monthly Review Press, 2004. 144 p.
5. Bloch E. Das Prinzip Hoffnung. Bd I. Frankfurt am Main.: Suhrkamp, 1993. 1085 s.
6. Exner A. Die Grenzen des Kapitalismus : wie wir am Wachstum scheitern. Christian Lauk , Konstantin Kulterer. Wien : Ueberreuter, 2008. 223 s.
7. Gorz A. Arbeit zwischen Misere und Utopie. Frankfurt, Suhrkamp 2000. 207 s.
8. Habermas J. Zur Rekonstruktion des Historischen Materialismus. Fr.a.M.: Suhrkamp Verlag KG, 1976. 345 s.
9. Hardt M. and Negri A..Empire. Cambridge: Harvard University Press, 2000. XVII. 478 p
10. Hardt M. and Negri A.Multitude: War and Democracy in the Age of Empire. New York: The Penguin Press, 2004. 450 p.

11. Horkheimer M. Traditionelle und kritische Theorie. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch, 1999.- 230 s.
12. Jappe A. Die Abenteuer der Ware. Münster: UNRAST-Verlag, 2005. 253 s.
13. Kurz R. Kollaps der Modernisierung: vom Zusammenbruch des Kasernensozialismus zur Krise der Weltökonomie. Frankfurt am Main: Eichborn, 2009. 288 s.
14. Kurz R. Schwarzbuch Kapitalismus. Ein Abgesang auf die Marktwirtschaft. München: Ullstein, 2002. 456 s.
15. Lafontaine O. Fortschritt und Solidarität. Bonn: Reinbek Verlag, 2008. 228 s.
16. Meyer Th. Grundwerte und Wissenschaft im demokratischen Sozialismus. Berlin/Bonn: J. H. W. Dietz Verlag, 2008. 246 s.
17. Mallet S. Die neue Arbeiterklasse. Neuwied/Berlin: Luchterhand, 1992.- 267 s.
18. Mandel E. Einführung in den Marxismus. Bonn: Neuer ISP-Verlag, 2008. 238 s.
19. Marcuse H. Versuch über die Befreiung. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1989. 133 s.
20. Mouffe Ch. and Laclau E. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. London: Verso, 2001. 240 p.
21. Rau J. Lust auf Zukunft. Unsere gesammelten Werke. Essen: Klartext, 2006. 316 s.
22. Reichelt H. Neue Marx-Lektüre. Zur Kritik sozialwissenschaftlicher Logik. Hamburg, 2008. 384 s.
23. Sintschenko V.V. Die ideologischen kriegler der globalisierung: feindschaft ideologische front des neoliberalismus gegen gesellschaftliche alternativen // Dny vědy. 2013. Dil 24. Praha: Publishing House «Education and Science». S. 46-51.
24. Sintschenko V.V. Ethik Weltbild, Moderne Wirtschaft und die Aufgabe der Politik // Nauka i Studia. NR 19 (87). 2013. S.76-84.

Глава 6. Формы, тенденции и перспективы институализации самоуправления в демократическом развитии гражданского общества

Социально-экономические модели, претендующие на всеобщий характер, которые предлагает неолиберализм или централизованный бюрократический «социализм», не могут нормально функционировать и не в состоянии обеспечить стабильное общественное развитие. Социально-экономическое разнообразие, подобное тому, которое существует в природе, должно восприниматься как нормальное явление, которое следует всемерно поддерживать. Существуют общие закономерности социального и экономического развития, они были сформулированы, главным образом, в борьбе против неолиберального гегемонизма и централизованного социализма и критическом анализе причин неолиберального социально-экономического краха. Однако, как эти закономерности воплощаются и формулируются в каждом конкретном случае, зависит от ценностей, жизненных темпов и стратегического выбора того или иного общества. Современное транзитивное, постсоветское общество, хотя это относится и ко многим другим социумам, более похоже на общество в изображении Г. Зиммеля: социальные институты – нации, хозяйства, не являются столь важными, насколько важны первичные социальные связи, сети и матрицы этих связей. Происходит колоссальная фрагментация социально-экономического субъекта. И выражается это в совершенно явных формах бегства от институтов. Это процесс глобальный и в пределах западного мира он не связан с качеством самих институтов, он связан с изменениями, происходящими в сугубо человеческой, личностной сфере общественной деятельности [9, 28]. Важнейшее измерение в этих глобальных изменениях – социально-антропологическое. Наиболее общая их характеристика – индивидуализация. Причем наряду с индивидуализацией, отделением индивида от социальных групп, происходит обеднение самих этих социальных групп, формирование их не по принципу заданности социальным статусом, происхождению, а по принципу добровольности, ассоциативности.

Сейчас все мы наблюдаем (и ощущаем) особенность и противоречивость развития гражданского, общественного и местного самоуправления, муниципальных структур в постсоветских странах. Существуют сложности переходных процессов, которые, с одной стороны, – предопределяют укрепление регулирующей роли государства, а с другой – развитие гражданского общества предусматривает разгосударствление общественных институтов, уменьшение государственного влияния на них. Достаточно много необходимо осуществить в этом контексте в сфере местного народовластия и самоуправления.

Чрезвычайно важным является понимание сложности и противоречивости процесса построения гражданского общества на глобальном и на-

циональном уровнях. Общество может действительно стать гражданским, если оно приобретет самостоятельность, будет иметь свое собственное основание и будет проникнуто духом свободы [1, 59]. В современных постсоветских странах болезненно, но все же происходит процесс формирования признаков структур гражданского общества, идет поиск форм влияния граждан на органы самоуправления, механизмов ответственности государственных управленческих органов и лиц. Важно понимать сущность процесса построения гражданского общества. Общество может стать действительно гражданским, если вступит самостоятельности, иметь собственный грунт и проникнется духом свободы и одновременно – ответственности. В этом контексте можно выделить следующие главные позиции: во-первых, невозможность и даже опасность формирования гражданского общества «сверху» по желанию или по плану представителей власти, во-вторых, перед властью стоит задача формировать государство как максимально благоприятный институт для развития гражданского общества. Без партнерских отношений между государством и обществом не может сформироваться ни мощное государство, ни успешное, богатое стабильное общество, здесь нужен диалог равных. Но это партнерство предполагает жесткое «оппонирование власти» и контроль за ней со стороны населения, гражданских институтов [7, 119]. В формировании институтов гражданского общества является необходимым основательное исследование путей по содействию повышению эффективности и функциональности систем местного самоуправления, развития многоуровневых территориальных общин и структур самоорганизации населения, разработка возможных вариантов формирования прозрачности и публичности в деятельности местных органов государственной власти.

Например, в Украине, процесс формирования гражданского общества только начинается. Местное самоуправление – ключевое звено гражданского общества, без которого Украина никогда не сможет стать по-настоящему демократическим государством. Сейчас система местного самоуправления в России и Украине реально все еще находится в стадии формирования. Система государственного управления в Советском Союзе не оставила места для самоорганизации и самодеятельности граждан на административно-территориальном уровне. Независимой Украине досталась в наследство и советская модель местных советов. Напомню, что при полном всевластии партийных органов (горкомов, райкомов, обкомов КПСС) советы были декорацией несуществующего «народовластия». Сейчас всевластие парткомов перешло к исполкомам, государственным администрациям и подчиненных им структур. Сейчас реальная власть, как на уровне областей, так и на уровне районов принадлежит местным государственным администрациям – органам исполнительной власти на местном уровне. Фактический контроль за местными государственными администрациями осуществляется администрацией президента. Именно местные го-

сударственные администрации (в частности, в лице своих финансовых отделов) составляют бюджеты областей и районов, а также бюджеты тех населенных пунктов, находящихся на территории соответствующих областей и районов.

Местным советам и их депутатам фактически отведена формальная эпизодическая функция рассмотрения предоставленных исполкомом или госадминистрацией вопросов в комиссиях и ускоренным обсуждением и голосованием десятков-сотен решений на сессиях советов. Реальный их анализ фактически невозможен в ситуации, когда на сессию совета выносятся десятки и сотни вопросов. Учитывая это можно сделать вывод: необходимо увеличить долю не эпизодических, а постоянных форм деятельности местных советов и депутатов.

Исполкомы местных советов формально созданы для обеспечения качественной реализации решений совета и контроля за их исполнением органами городской исполнительной власти, работы постоянных, временных и контрольных комиссий и депутатов местного совета. Это (формально) – рабочий орган (исполнительный аппарат) совета. Однако, обеспечивают ли эти требования и функции исполкомы по депутатскому корпусу? Нет. В нынешней ситуации депутат фактически рассматривается работниками исполнительных органов советов как нежелательный и надоедливый проситель, от которого можно отмахнуться, сосредоточив всю свою энергию на выполнении повелений и интересов лишь одного человека – местного мэра, председателя (и может, нескольких «избранников», приближенных к нему), который фактически единолично формирует всю управленческую вертикаль. Одновременно, у избирателей создается иллюзия, что именно депутаты обладают возможностью осуществлять и контролировать процесс местного управления.

Итак, несмотря на то, что местному самоуправлению посвящен специальный раздел Конституции, а также Законы о местном самоуправлении, органы местного самоуправления не имеют реальных рычагов влияния на управленческую ситуацию. Нужно расширить полномочия органов местного самоуправления (прежде всего городских, районных, областных, поселковых и сельских советов), особенно в исполнительно-управленческой и финансовой и имущественной сферах.

Бюджеты населенных пунктов (городов, поселков и сел), а также регионов (областей и районов), в части полномочий органов местного самоуправления, должны составляться не местными органами исполнительной власти, а реально (и не в виде формального утверждения проектов исполкома) непосредственно органами местного самоуправления (советами), т.е. представительными органами населенных пунктов и регионов. Расширение налоговой базы органов местного самоуправления и введение эффективной системы местных налогов и сборов оказали бы настоящую финансовую независимость населенным пунктам и регионам. Существует по-

требность в реальном внедрении института коммунальной (муниципальной) собственности.

Местное самоуправление в Украине как объект конституционно-правового регулирования, выступает в качестве:

- во-первых, соответствующей основы конституционного строя Украины;
- во-вторых, специфической формы народовластия;
- в-третьих, права территориальной общины – громады – (жителей «природной» административной единицы), территориальной единицы на самостоятельные решения вопросов местного значения.

При этом Конституция Украины четко разграничивает местное самоуправление и государственную власть (ст. 5, 19, 38, 40), что дает возможность характеризовать местное самоуправление как автономную относительно государства публичную власть территориальной громады. Конституция и Закон Украины «О местном самоуправлении в Украине» предусматривают, что право территориальной громады на местное самоуправление осуществляется обществом как непосредственно с использованием различных форм прямой демократии (местный референдум, местные выборы, общее собрание и т.п.), так и через деятельность выборных и других органов местного самоуправления.

Определяя субъект местного самоуправления, Конституция Украины исходит из концептуальных положений громадской теории местного самоуправления, согласно которой различаются «естественные» и «искусственные», т.е., образованные актами государственной власти, административно-территориальные единицы. Право на местное самоуправление признается лишь за территориальными общинами административно-территориальных единиц, которые возникают естественным путем. К «естественным» административно-территориальным единицам принадлежат поселения – села, поселки, города.

Территориальная община представляет собой совокупность жителей «природной» административно-территориальной единицы – определенного населенного пункта. Соответственно, право территориальной громады на местное самоуправление обеспечивается правом каждого ее члена участвовать в местном самоуправлении. Одновременно членами территориальной общины могут быть как граждане Украины, так и лица без гражданства и иностранцы, в связи с чем возникает вопрос относительно объема и содержания правоспособности различных категорий членов территориальной громады. Конституции и законы разных государств мира по-разному подходят к решению данного вопроса. Так, в одних государствах (например, Дания, Бельгия) все члены территориальной общины, при условии проживания на ее территории в течение определенного времени, фактически наделяются одинаковой правоспособностью на участие в местном самоуправлении, включая возможность участвовать в местных выборах и местных референдумах. Такой подход напрямую связан с призна-

нием различия разных статусов народной власти: государственной, как представителя общества в целом, его политической власти и местного самоуправления – публичной власти территориального общества. В других (например, Россия) – правоспособность членов территориальной общины дифференцируется по их гражданству: участие в осуществлении обеих форм публичной власти – государственной власти и местного самоуправления – берут только граждане данного государства.

Конституция Украины также устанавливает разный объем правоспособности членов территориальной громады, определяет различную степень участия их отдельных категорий в осуществлении местного самоуправления. Так, по Конституции (ст. 38, 40) право избирать и быть избранным в органы местного самоуправления, право участвовать в местных референдумах, право равного доступа к службе в органах местного самоуправления, право направлять индивидуальные или коллективные письменные обращения или лично обращаться в органы и к должностным лицам местного самоуправления гарантируется гражданам Украины.

Согласно ст. 3 Закона «О местном самоуправлении в Украине» свое право на участие в местном самоуправлении по принадлежности к соответствующим территориальным общинам также реализуют только граждане Украины. При этом любые ограничения этого права в зависимости от расы, цвета кожи, политических, религиозных и других убеждений, пола, этнического и социального происхождения, имущественного состояния, срока проживания на соответствующей территории, по языкам или другим признакам запрещаются. Конкретизация форм участия граждан в осуществлении местного самоуправления и определение правового механизма их реализации должны быть осуществлены согласно действующему законодательству и в актах органов местного самоуправления.

Направления и формы реформы органов местного самоуправления для достижения эффективности, подконтрольности и подотчетности их общине города, района, области могли бы быть следующими.

Необходимо максимально углубить возможность местной общины влиять как на принятие решений органами самоуправления, так и максимального влияния и контроля за их выполнением, за самим процессом местного (муниципального) управления, – который сейчас осуществляется администрациями и исполкомами. Кроме того, представляется необходимым уменьшение количества (с одновременным повышением качества) работников исполнительных органов, обеспечение их подконтрольности представителям общины (депутатам). Лучшим средством выполнения этих задач было бы сочетание представительных (депутат) и управленческих (служащий исполнительного органа) функций на уровне избранных общиной человек. Например, каждый избранный депутат должен одновременно работать (или возглавлять) в соответствующем отделе (секторе, управлении, службе и т.п.) исполнительно-управленческой сферы, т.е. быть еще и

муниципальным служащим. Конечно, это должно предусматривать работу на постоянной основе.

Одновременно, за некачественное выполнение своих депутатско-управленческих функций должен быть предусмотрен четкий механизм отзыва данного лица избирателями. Также, в связи с этим, должна существовать обязательная регулярная процедура отчетности депутата-управленца перед обществом вообще и избирателями в частности, с выставлением соответствующих рейтингов оценки за качественное (или наоборот, некачественное) выполнение своих полномочий. Это также позволит уменьшить количество как исполкомовских работников, так и депутатского корпуса, ускорит процедуру принятия решений, которые в нынешней модели являются многоступенчатыми – например, тот или иной вопрос анализируется соответствующим отделом (органом) исполкома (администрации), затем передается профильной депутатской комиссии, далее – (в лучшем случае, если процесс не тормозится) выносится для обсуждения на сессии совета, где оно может быть возвращено, изменено и т.д., и т.п., начав свой путь с предварительного этапа. А еще надо учитывать, что на каждом из этих этапов могут вмешаться чьи-то заинтересованы интересы, потребности и т.д. И это приводит, в конце концов, к медлительности в решении проблем, просьб и потребностей граждан, к непрозрачности и неконтролируемости в принятии решений.

Таким образом, депутатами местного уровня смогут быть только квалифицированные, профессионально подготовленные люди, а не демагоги-говорунуны или любители дерибана общественного имущества. В частности, может и должно происходить объединение представительных и исполнительно-управленческих функций местных избранников. Например, именно избранные общиной депутаты должны формировать исполнительный орган (исполком, муниципалитет или администрацию – его название не суть важно), а не исключительно городской (или иной) глава – как ныне. Исполнительный орган совета (аппарат совета) должно быть рабочим органом (исполнительным аппаратом) совета, который действует на постоянной основе, осуществляет аналитическое, организационное, правовое, информационное, материально-техническое обеспечение деятельности совета, его органов, депутатов и проводит контроль за выполнением решений совета, обеспечивает осуществление советом взаимодействия и связей с территориальной общиной, органами самоорганизации населения. Исполнительный орган совета должен создаваться для обеспечения качественной реализации решений и контроля за их выполнением, работы постоянных, временных и контрольных комиссий и депутатов совета. Основными задачами исполнительно-управленческого органа совета должно являться осуществление аналитического, организационного, правового, технического обеспечения деятельности совета, постоянных и временных комиссий, де-

путатов, осуществление на постоянной основе контроля за исполнением ее решений.

Исполнительный орган совета может состоять из соответствующих постоянных профильных комитетов (или отделов, управлений) депутатов, которые действуют на постоянной основе, временных комиссий совета, количество и функции которых соответствуют количеству, функциям и потребностям совета. Руководители и члены комитетов должны работать на постоянной основе (в штате или по совместительству). Работниками и консультантами соответствующих комитетов на постоянной и временной основе кроме депутатов совета могут быть квалифицированные специалисты соответствующего направления, с наличием профессионального опыта и образования. В случае необходимости, совет должен иметь возможность ликвидировать определенные подразделения исполнительных органов (комитеты, управления, отделы и другие подразделения). В результате – совет превратится в представительско-исполнительный орган местного общества с неограниченной возможностью последнего контролировать и корректировать его деятельность.

Также необходимо и возможно предотвратить конфликты между главой (мэром), т.е. главой города, района, области, поселка с советом соответствующего уровня, что довольно часто же бывает в Украине.

Глава соответствующего уровня должен избираться прямым голосованием не только как сейчас (в Украине и России), – только в городах, поселках и селах, – но и на уровне регионов – районов и областей (в Украине), краев (в России). Глава должен быть координатором, прежде всего, текущей хозяйственной деятельности и одновременно своеобразным «общественным прокурором» по надзору за тем, насколько избранные депутаты в своей исполнительно-управленческой деятельности реализуют потребности общины, территории, региона.

Также, для его качественной деятельности по решению местных нужд, в городах, районах, поселках и селах (и, тем более – в областях) его необходимо лишить бремени проведения сессий соответствующих советов (т.е. необходимости быть в роли председательствующего на сессии, заседании). Функции председательствующего должен выполнять тот депутат-управленец, к компетенции которого относится тема сессии (заседания) совета. Например, собирается сессия-совещание по вопросам образования – пусть на ней председательствует депутат, возглавляющий отдел (управление) образования, по вопросам транспорта – транспортник и т.п. Соответственно, и сессии-заседания будут проводиться чаще, в пределах потребностей неотложной текущей деятельности, а не так как сейчас – в основном раз в месяц, в связи с чем на сессию вносятся десятки (а в основном, более сотни) вопросов в большинстве несвязанных между собой. О каком качестве их рассмотрения и решения можно в нынешней ситуации говорить?

Если обобщить комплексную стратегию реформ местного народовластия и системы самоуправления, становится понятным, что в современных российских и украинских реалиях, к сожалению, быстрого воплощения и расширения возможностей людей качественно управлять своим настоящим и будущим в обществе ожидать не стоит. С чего хотя бы можно было начать, учитывая склонность постсоветской власти к определенному небыстрому «непоспешательству» в процессах модернизации? С расширения и усиления роли прямых форм народовластия и самоуправления. Важной формой участия граждан в местном самоуправлении могут выступить органы самоорганизации населения, под которыми целесообразно понимать выборные органы, создаваемые местной территориальной общиной (общиной микрорайона, улицы, квартала и т.д.) в определенном законе и уставом местной общины порядка для решения вопросов, отнесенных к ведению городского самоуправления, и наделены местным советом частью собственной компетенции, финансов, имущества. В частности, возможно определить четкий статус, управленческие, правовые и организационные формы такого важного элемента системы местного самоуправления, как органы самоорганизации населения. Под органом самоорганизации населения нужно понимать избирательный орган, который создает местная территориальная община (микрорайона, квартала, улицы и т.д.) для решения вопросов, относящихся к ведению местного самоуправления, имеющие значение для соответствующей внутригородской или внутрипоселковой территории, и который местный совет наделил частью собственной компетенции, финансов, имущества.

В действующем законодательстве, нормативных актах органов местного самоуправления порядок реализации права граждан и участие в местном самоуправлении, к сожалению, как правило, детально не регламентируются (за исключением местных выборов). Такая ситуация существенно затрудняет внедрение новых форм в практику территориальных общин и не способствует дальнейшему развитию местной демократии, привлечению граждан к участию в решении вопросов местного значения. Например, в Украине Закон «О местном самоуправлении» фактически ограничивается лишь установлением перечня некоторых форм, относя к ним местный референдум (ст. 7), общее собрание граждан (ст. 8), местные инициативы (ст. 9) и общественные слушания (ст. 13). Этот список является далеко не полным и не включает ряда форм участия граждан в осуществлении местного самоуправления, которые довольно широко практикуются в развитых зарубежных странах и отдельными городскими общинами в Украине.

Правовая регламентация таких вопросов, может быть осуществлена на двух уровнях – законодательном (в рамках законов «О местном самоуправлении», «О референдумах» и других) и локальном – в уставах территориальных общин. Является возможным расширить перечень элементов системы местного самоуправления, внося в нее: общественные формиро-

вания, местные ячейки политических партий, общественные организации, предприятия, учреждения и организации, которые находятся в коммунальной собственности. В частности, предметом устава территориальной общины могут быть вопросы организации местных инициатив, общественных слушаний, общих собраний граждан, индивидуальных и коллективных обращений в органы и к должностным лицам органов местного самоуправления, общественных работ, самообложения, участия в работе органов местного самоуправления и образование ими органов, общественного обсуждения проектов актов органов местного самоуправления.

К ним, например, можно отнести индивидуальные и коллективные обращения в органы и к должностным лицам местного самоуправления (петиции); общественные работы по благоустройству территории населенного пункта, оказанию услуг социально незащищенным жителям города; самообложения; участие в работе органов местного самоуправления и органов, которые ими образуются; участие в проведении общественных экспертиз проектов решений местного совета по вопросам, имеющим существенное значение для территориальной общины, определяющих основные направления социально-экономического и культурного развития соответствующей территории; общественное обсуждение проектов актов органов местного самоуправления, участие в массовых акциях, целью проведения которых является привлечение внимания органов и должностных лиц местного самоуправления к актуальным проблемам общетерриториального, общерегионального значения или проблем социального обеспечения членов территориальной общины, охраны окружающей среды, поддержание общественной безопасности и т.п., которые требуют немедленного решения; оказание материальной и финансовой помощи местному самоуправлению в форме добровольных пожертвований, взносов в фонды, образуемых органами местного самоуправления, взносов в благотворительные фонды, образованные в целях оказания помощи социально незащищенным членам территориальной общины или с целью содействия культурному и духовному развитию, поддержанию в надлежащем состоянии памятников истории, культуры и архитектуры, природных памятников.

Участие в работе органов местного самоуправления и органов представляет собой членство в комиссиях, которые образуются на общественных и делегированных началах при органах и должностных лицах местного самоуправления; участие в работе профессиональных организаций, которые создаются при исполнительных органах соответствующих местных советов и объединяют специалистов, работающих в системе местного самоуправления или деятельность которых связана с предоставлением общественных услуг членам территориальной общины с целью их привлечения к разработке и реализации проектов, предусматривающие повышение качества предоставления таких услуг; участие в работе общественных советов, образующихся при местном совете с целью изучения потребностей

отдельных категорий жителей местности, существующей практики предоставления им социальных услуг в системе местного самоуправления, привлечения их к осуществлению задач и функций местного самоуправления (например, по решению местного совета при ней могут быть образованы советы пенсионеров, инвалидов, иностранцев, беженцев, воинов-интернационалистов, участников ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы, военнослужащих, не обеспеченных жильем и т.д.).

Важной формой участия граждан в местном самоуправлении могут выступить органы самоорганизации населения, под которыми целесообразно понимать выборные органы, которые с разрешения местного совета (муниципалитета) создаются внутригородской территориальной общиной (территориальной общиной улицы, микрорайона, квартала и т.д.) в определенном законом и уставом местной общиной порядке для решения вопросов, отнесенных к ведению местного самоуправления, и наделены местным советом частью собственной компетенции, финансов, имущества. В городах с районным делением принятия решения о создании органов самоорганизации населения может быть (по решению городского совета) отнесено к районным в городе советам.

Если остановиться на вопросе функционирования органов самоорганизации граждан в Украине, то кроме Закона Украины «Об органах самоорганизации населения», в Конституции есть две статьи, 140 и 142, где записано, что такое органы самоорганизации, как они создаются, указано, что они могут наделаться частью полномочий и финансов от местного совета. Однако, чтобы создать органы самоорганизации, нужны компетентные кадры. Если власть будет создавать их не по инициативе людей, они не приживутся. Каким образом возможно подойти к решению вопроса? В Украине существует опыт проведения конференций представителей жителей – по одному человеку от каждого дома микрорайона, улицы и тому подобное. На них утверждают положение об органе самоорганизации. Также выбирают Правление в составе тех депутатов местного совета, от этой территории, плюс жители микрорайона. Среди них, в частности, – создание объединений совладельцев, в компетенцию которых, в частности, входит оперативное управление работой с ЖЭКа. Следует отметить, что органы общественного самоуправления в микрорайонах работают очень эффективно. Дополнительные финансовые источники существования этой структуры можно было бы получать, обращаясь в местный совет для официального соблюдения ряда необходимых полномочий. Не согласен с мнением: если председатель органа самоорганизации получает средства в исполкоме, то это уже есть форма воздействия исполкома на эту структуру. Все вопросы решают непосредственно жители соответствующих микрорайонов, улиц, кварталов. Бывает много спорных вопросов. Однако эти структуры оказывают очень существенную помощь даже исполнительной власти. Снимается напряжение между населением и представителями вла-

стных структур. Все вопросы решаются на местах. Если какой-то вопрос не могут решить, тогда уже обращаются к местному муниципальному главе, к его заместителям, начальникам разных уровней.

Существует модель самоорганизации, которая состоит из двух компонентов: избранные непосредственно во время местных выборов депутаты. Эта часть депутатской группы составляет ядро представительного органа самоорганизации населения в пределах депутатского округа; активисты и общественные организации в пределах этой территории.

Таким образом, складывается настоящий представительский орган. Вместе с тем, понятно, надо, чтобы был хотя бы маленький исполнительный штаб: исполнительный секретарь, сотрудник, который сидел бы в общественной приемной. Люди могли бы обращаться туда, высказывать свои инициативы. Новым в этой форме является то, что происходит «привязка» не только в соответствии с традиционными местными образованиями: дом, улица, квартал и т.д., а еще и к такой причудливой, но вместе с тем достаточно действенной структуре, как депутатский округ. Это важный шаг на пути развития системы органов самоорганизации населения.

Такой подход к определению органа самоорганизации населения дает возможность отделить подобные органы, с одной стороны, от органов местного самоуправления (органы самоорганизации населения не являются органами всей местной общины – это органы жителей города, села, поселка, которые считаются неотъемлемой частью городской общины, т.е. жителей микрорайона, улицы, населенного пункта, находящегося в пределах административных границ города и т.п.; они не имеют собственной компетенции; их деятельность имеет разрешительный характер; работники этих органов не имеют статуса муниципального служащего), с другой – отличаются от органов общественных организаций, других общественных формирований (наличие властных полномочий – соответствующий совет может наделять частью собственной компетенции, финансов, собственности только органы самоорганизации населения).

Внедрение в практику местного самоуправления органов самоорганизации населения будет способствовать более широкому участию граждан в решении вопросов местного значения, позволит освободить органы местного самоуправления, их должностных лиц от ответственности за решение мелких вопросов, которые не имеют общего для всей территориальной общины значение и которые целесообразно передать в ведение местной территориальной общины и ее органа самоорганизации населения, оставив при этом органам местного самоуправления полномочия по контролю за осуществлением этих полномочий.

Построить эффективную систему местного самоуправления возможно лишь путем активного привлечения общественности, преодоление отчуждения населения от органов власти и местного самоуправления. В целях совершенствования организации и функционирования системы местного

самоуправления целесообразно, основываясь на общемировых наработках в этой сфере, осуществить следующие меры правового и организационного характера:

1. Четко определить в законодательстве статус внутригородских и внутрипоселковых, сельских и др. общин, общин районов в городах и поселках, микрорайонов. Такие территориальные общины должны иметь возможность непосредственно или через свои органы самостоятельно решать отдельные вопросы, касающиеся развития соответствующей территории населенного пункта, обеспечивать культурно-бытовые и иные потребности своих членов, участвовать в решении вопросов, имеющих общегородское или внутрипоселковое значение.

2. Предусмотреть возможность формирования объединенной территориальной общины города или поселка; определить ее статус как единого субъекта местного самоуправления и закрепить принцип договорного распределения полномочий между объединенной территориальной общиной и ее составными частями.

3. Конкретизировать формы непосредственного участия граждан в осуществлении местного самоуправления и определить правовой механизм ее реализации – поскольку Закон «О местном самоуправлении» предоставляет лишь перечень этих форм.

4. Регламентировать не упомянутые Законом формы участия граждан в системе местного самоуправления, но которые апробированы зарубежным демократическим опытом: индивидуальные и коллективные обращения в органы и должностных лиц местного самоуправления (петиции), общественные работы, самообложения, общественное обсуждение проектов и актов органов местного самоуправления, участие в работе органов местного самоуправления.

Развитие различных форм прямой демократии. Правовая регламентация этих вопросов в системе местного самоуправления может быть осуществлена на двух уровнях – законодательном (в рамках Законов «О местном самоуправлении», «О референдумах» и других) и локальном (в уставах местных сообществ). Расширить перечень элементов системы местного самоуправления, включив в нее: общественные формирования, местные ячейки политических партий общественных организаций, предприятия, учреждения и организации, которые находятся в коммунальной собственности.

В частности, предметом устава местного сообщества могут быть: общественные слушания; местные инициативы, общие сборы граждан; индивидуальные и коллективные обращения и пр.

Определить статус, правовые и организационные формы такого важного элемента системы местного самоуправления как органы самоорганизации населения. Под органом самоорганизации населения целесообразно понимать выборный орган, с разрешения местного совета создается местной территориальной общиной (микрорайона, квартала, улицы и т.д.) для

решения вопросов, отнесенных к ведению местного самоуправления, которые имеют значение для соответствующей внутригородской или другой территории и наделен местным советом частью собственной компетенции, финансов, имущества.

Также целесообразно позаимствовать зарубежный опыт создания на всех уровнях местного самоуправления совещательных органов – так называемых социально-экономических комитетов. Например, во Франции в них избирают представителей предпринимателей (не менее 35% общего состава), различных общественных организаций (не менее 25%), частных лиц, деятельность которых способствует развитию этой территории (не более 5%). Эти органы служат представительству различных категорий населения; паритетному согласованию их интересов; консультируют и оказывают содействие социально-экономическому развитию территории.

Для достижения этих целей предлагается: провести исследовательскую работу с целью определения существующих проблем в сфере функционирования местного самоуправления и развития территориальных общин (как общегосударственного так и местного типа). Для этого использовать разнообразные методы социологического исследования (опрос, анкетирование и т.д.), экспертные совещания, конференции, научно-практические семинары. Провести тренинги среди должностных лиц и представителей системы местного самоуправления, посвященные поиску оптимальных методов решения проблем реформирования системы местного самоуправления в правовой, коммунальной, самоорганизационной и управленческой сферах. Стоит также организовать правовые управленческие и административно-организационные тренинги среди представителей системы местного самоуправления и самоорганизации населения в целях улучшения процесса принятия решений, повышения профессионально-интеллектуального уровня должностных лиц местного самоуправления. Необходимо разработать на каждом уровне местных территориальных общин систему публичного обсуждения планируемых решений органов местного самоуправления с учетом специфики территориальной общины.

Является необходимым разработать подходы к определению и выделению органа местной самоорганизации населения:

1) отличие от органов местного самоуправления. Органы самоорганизации населения не являются органами городской или поселковой общины – это органы жителей города, поселка, которые считаются неотъемлемой частью городской или поселковой общины, т.е. жителей микрорайона, улицы, населенного пункта, находящегося в пределах административных границ города или поселка;

2) отличие его от органов общественных организаций, других общественных формирований;

3) наличие у него властных полномочий – соответственный совет может наделять частью собственной компетенции, финансов, имущества только органы самоорганизации населения.

Внедрение в практику местного самоуправления органов самоорганизации населения позволяет освободить органы местного самоуправления от решения мелких вопросов, которые не имеют общего значения для всей местной общины и которые целесообразно передать в ведение местной территориальной общины и ее органам самоорганизации населения, оставив при этом в органах местного самоуправления систему контроля за осуществлением этих полномочий.

В целях повышения прозрачности и публичности обсуждаемых тем нужно организовать экспериментальные мини-плебисциты среди различных социальных слоев населения, трудовых коллективов, жителей кварталов, микрорайонов из самых неотложных проблем, которые определяются в ходе социологических и экспертных исследований.

В этой ситуации как минимум, местные советы для того, чтобы по-настоящему стать органами власти, реализовывать волю территориальных обществ, контролировать все процессы в местностях и реально нести ответственность за них должны:

Вернуть содержание местному самоуправлению, реально подчинив совместно муниципалитету (совету) и органам самоорганизации населения исполком и все местные органы исполнительной власти, контролировать все их решения и назначения.

Создать и обнародовать перечень общественно-необходимых функций и обязанностей каждого чиновника местной власти и соответствующий ему перечень административных и уголовных наказаний за ненадлежащее выполнение каждого пункта (своего рода, как в Библии, «10 заповедей» местного чиновника).

Привлекать на конкурсной основе под общественным контролем для работы в органах местного самоуправления и исполнительной власти не знакомых-родственников чиновников – «кумовьев, братьев, сватов», – а профессионалов, для которых интересы людей важнее личных амбиций.

Обеспечить регулярный публичный отчет и неотвратимую ответственность всех исполнительных органов, должностных лиц и учреждений перед общественностью и в средствах массовой информации. Обязательным должно быть публичная ежемесячная отчетность каждого чиновника перед общественностью – согласно списку его функциональных и общественно-необходимых обязанностей.

Внедрить, в качестве одного из главных условий работы работников местных властей, проведение разъяснительно-просветительской работы по профилю своей деятельности среди населения (а то ныне граждане часто вынуждены буквально выпрашивать и вымаливать у чиновников малейшую нужную информацию).

Все процессы, ныне проходящие в мире, приобретают в той или иной степени глобальный характер. Неэффективность, а зачастую и вредность для человечества и окружающей среды современных экономических подходов заставляет все чаще прибегать к поискам разумных альтернатив.

Мир в целом, скорее движется к своего рода модели «нового регионализма», просто один из «новых регионов» носит транснациональный характер и распространил свое влияние на всю планету. Однако этот процесс все же далеко не тождественно реальной универсализации глобальной общности [5, 243]. Другими словами, кроме определенных реалий глобализации, в мире сосуществуют также не менее реальные тенденции регионализации, диссоциации и даже ассоциализации. Индустриальное общество пока еще не имеет механизмов, с помощью которых можно было бы избежать скатывания к конфликтам и тоталитарных режимов по окончании невозобновляемых ресурсов. Выживание глобализированной цивилизации представляется столь сложным, что достижение экономической и социальной стабильности, которая бы сопровождалась уважением к человеку, его правам и свободам, возможно сейчас, к сожалению, лишь в немногих социумах и в исторически очень короткие периоды. Процесс регионализации экономики, на наш взгляд, несколько замедляет процесс широкомасштабной экспансионистской и экстенсивной глобализации, но это неотъемлемая и логичная фаза глобальности именно на этом витке развития, а на следующем уже будет объединение между межрегиональными глобальными группировками. Регион является меньшей моделью мира и именно здесь можно скорее достичь интернационализации, интеграции, либерализации, унификации, не посягая на национальную самобытность, выявить трудности, противоречия, споры, неприемлемые явления и тогда переходить к высшей ступени в глобальном мире, уже сотрудничая с укрупненными мировыми регионами-полисами. Речь идет, конечно, о коммунитарных механизмах и принципах в производственных и валютно-финансовых системах региональных группировок. Такой факт еще раз доказывает, что процесс глобализации не есть нечто авторитарное, а это историческая ступень развития цивилизации, общества – его объективная реальность.

Для Украины и России, их граждан, наступило время действительно больших изменений и возможностей и такое сотрудничество – между властью и обществом – может стать весьма продуктивным, оно необходимо нашим государствам, в-третьих: наша современность, насыщенная динамичными событиями, требует ответственных действий и удачных решений, а также – привлечения новых людей, инициатив, кадров и новых технологий. И потому для наших стран крайне необходима интеллектуальная мобилизация, нужны эффективные модели сотрудничества государственных и гражданских институтов. Процесс становления в Украине и России гражданского общества усложняется насущной необходимостью модернизации государственной системы и проведения комплексной правовой ре-

формы. Именно такая модернизация, как убеждает мировой опыт, может стать способом преодоления социального кризиса в сферах легитимности, участия в принятии решений и регулировании конфликтов.

Кризис легитимности свидетельствует о том, что политическая власть пока не способна убедить общество в необходимости и оптимальном функционировании существующих государственных институтов и властей. Это обусловлено кризисом самого государственного строя, его номенклатурно-теневым характером, несбалансированностью противовесов всех ветвей власти, неверием самих граждан в том, что это государство функционирует именно для них. Подавляющее большинство украинских и российских граждан далеко не убеждены в том, что именно это государство предоставит им наилучшие возможности для автономного самопроявления в различных сферах общественной жизни. Поэтому преодоление всеобщего уныния видится в проведении экономических и политических реформ, которые привели бы к автономному функционированию экономической и политической сфер, доступа к собственности разных общественных групп, в налаживании эффективности действий всех ветвей власти, в цивилизованном диалоге между государством и группами интересов.

Кризис участия связан с ростом, в процессе трансформации общества, специфицированных групп интересов, которые постепенно пытаются получить доступ к принятию политических решений, конкурируя с государственной бюрократией. В сегодняшних условиях, перспектива функционирования устойчивого гражданского общества зависит, как от формирования «рациональной бюрократии, способной содействовать этому процессу», так и от возможностей роста уровня политической культуры населения. Хабермас, в этой связи, справедливо подчеркивает, что «институционализированная правом роль граждан должна быть вписана в контекст свободной политической культуры» [8, 231].

Кроме того гражданское общество должно способствовать децентрализации власти – социальной, экономической, политической, информационной и т.д. Плюрализация власти станет надежным гарантом дееспособного гражданского общества и будет способствовать воспитанию демократической политической культуры. Несомненно, наше общество еще не осознает в полной мере цивилизационную роль гражданского общества [6, 76]. Если на Западе представления о гражданском обществе как пространстве интеракции государства и общества частных собственников устарело, уступив место модели свободных ассоциаций, которые создают центры автономной коммуникации и опираются на совокупность равных граждан, то для Украины и России, как и для остальных постсоветских стран, актуальна именно первая модель.

В украинском и российском обществе еще не сформировались некоторые социальные группы, способные выполнять важные гражданские функции. Инертной и несамостоятельной остается наша интеллектуальная эли-

та. Общество не стало полноценным оппонентом государственной власти. И не только потому, что государственная власть настолько авторитарна, а и из-за неспособности большинства гражданских объединений в полной мере использовать те свободы, которыми они уже располагаем.

Итак, можно отметить, что гражданское общество в Украине и России все еще находится в стадии становления на регионально-территориальном уровне. Идет процесс его формирования, образования отдельных элементов, налаживание взаимодействия между ними. И этот процесс будет длительным и нелегким. А скорость, полнота и глубина этого процесса зависят от целого ряда факторов. Прежде всего, речь идет о позиции государства, готовности власти поделиться своими полномочиями с обществом, с теми элементами гражданского общества, которые только появляются.

Литература

1. Габермас, Ю. Структурні перетворення у сфері відкритості. Дослідження категорії громадське суспільство. – Львів: Літопис, 2000. – 506 с.

2. Зінченко, В.В. Громадянська ідентичність, соціальна стратифікація та націотворення в перспективах державності // Філософський часопис: збірн. наук праць. – К.: Київськ. ун-т імені Бориса Грінченка, 2011. – № 1-2. – 124 с. С. 35-41.

3. Зінченко, В.В. Громадянське суспільство: шляхи, форми та перспективи. – П.: КАРПУК, МАУП, 2007. – 468 с.

4. Зінченко В.В. Інституалізація демократичного самоуправління в контексті розвитку громадянського суспільства в Україні // Віче. Журнал Верховної Ради України. 2009. № 19. С. 34-37.

5. Зинченко, В.В. Дилемма специальных экономических зон в Украине: субсидиарный регионализм или системный дерегулированный трайбализм? [Текст] / В.В. Зинченко // Проблемы современной экономики. Евразийский международный научно-аналитический журнал. – СПб., 2010. – № 4. – С.241-245.

6. Brugger W. Liberalismus, Pluralismus, Kommunitarismus. Studien zur Legitimation des Grundgesetzes. Berlin: Duncker/Humboldt, 2002. 393 s.

7. Exner A. Die Grenzen des Kapitalismus: wie wir am Wachstum scheitern. Christian Lauk, Konstantin Kulterer. Wien: Ueberreuter, 2008. 223 s.

8. Habermas J. Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaat. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 2003. 704 s.

9. Krugman P. The Return of Depression Economics and the Crisis. New York: W. W. Norton; First Edition edition, 2009. 224 p.

10. Rode K. Geschichte der europäischen Rechtsphilosophie. Dusseldorf / Köln: Bachem, 2004. 320 s.

ЧАСТЬ III

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭФФЕКТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ДИСКУРСЕ ЭКОНОМИКИ

Глава 1. Институциональные проблемы развития социально-экономических систем их регионов и «приоритетных территорий»: мировой опыт и перспективы постсоветских стран

Исследования процессов глобальных трансформаций, глобализации, глобализма и глобальной интеграции приводят к логическому выводу, что в современном трансформационном лабиринте каждая страна имеет свою критическую, единоэффективную и конкурентоспособную модель развития, на внедрение которой должна быть направлена соответствующая национальная стратегия. Без этого развитие страны, ее экономики не отвечает критериям безопасности развития и несет в себе огромные угрозы [4, 61].

На постсоветском пространстве регулярно, (а в Украине – начиная с 2010 г.) все упорнее возникают проекты и идеи о создании и развитии (а в Украине – о возрождении существовавших до 2005 г.) свободных (специальных) экономических зон (СЭЗ) и развития т.н. ТПР – территорий приоритетного развития. По мнению некоторых политиков, экономистов и экспертов, эта форма развития промышленности, торговли и сельского хозяйства в свое время была незаслуженно отброшена. Однако, опыт большинства стран, где СЭЗ стали не только нормой, но и приносят ощутимую пользу регионам и государству в целом, уже доказал свою позитивность. За последние десятилетия свободные экономические зоны получили широкое распространение в мировой экономике. Ряд политиков и экспертов считает, что территории приоритетного развития и свободные экономические зоны – это позитив для постсоветской и украинской экономики, они нужны стране и их необходимо отстаивать. Среди плюсов СЭЗ на сегодняшний день одним из наиболее важных видится беспопылинный ввоз в современного производственного оборудования и технологических наработок. Именно в модернизации разных отраслей промышленности и технологических инновациях постсоветские страны в целом нуждаются сегодня как никогда.

В настоящий момент необходимо проанализировать, что можно сделать для того, чтобы избежать подобных проблем в будущем. Вместе с тем, необходимо учитывать, что сам принцип СЭЗ может и должен быть использован в Украине и в экономиках постСССР, т.е. в данном случае нужно «спешить медленно».

Существуют зоны и территории очень успешные, например, в Китае, но также есть масса примеров, когда создание специальных зон не давало никакого эффекта. Главной движущей силой развития экономик и специальных экономических зон «азиатских тигров» (новых индустриальных стран) было беспрецедентное внедрение основных факторов развития. И в самом деле – в каждой из этих стран мы замечаем определенные общие элементы, которые можем, опираясь на доступную информацию, связать с быстрым экономическим развитием. Одним из таких факторов успеха была несравненно более высокая, чем у большинства стран третьего мира, стабильность денежной единицы, которая является следствием твердой финансовой и бюджетной политики. Это способствовало росту сбережений и инвестированию. Вторым элементом был стабилизационный паритет секторов частной и государственной собственности. Третья составляющая – проэкспортная ориентация: стимулы для экспорта были не меньше, чем стимулы для производства товаров для внутреннего рынка. Благодаря такой ориентации отечественные производители должны были непрерывно противостоять иностранной конкуренции, а также могли и должны были пользоваться иностранными образцами. Четвертым фактором успеха было низкое обременение экономики налогами и бюджетными расходами. В рамках в целом невысоких расходов значительная их часть предназначалась на образование и инвестиции в инфраструктуру, а меньшая – на классические социальные цели. Пятую основу составлял эластичный рынок труда и ориентированы на развитие производственные отношения: прибыли предприятий были защищены от избыточных требований относительно заработной платы и служили инвестициям, а те творили новые рабочие места и способствовали повышению производительности труда, что приводило к быстрому росту реальных заработков. Шестой составляющей было то, что преобладали свободные цены при активном регулируемом процессе демонополизации (под контролем государства). И, наконец, в-седьмых, развитие «азиатских тигров» отличалось многолетней политической стабильностью. Она составляла существенный фактор как основание для длительной перестройки основ быстрого развития, а не существовала сама по себе и для себя. Политическая стабильность в сочетании с правильной экономической политикой дает Южную Корею, политическая стабильность в сочетании с плохой экономической политикой – Северную Корею.

Сравнивая «азиатских тигров» с другими странами, которые когда-то имели аналогичный низкий уровень дохода на душу населения, мы замечаем, что ни одна из них не внедрила у себя такого количества основ развития. Поэтому, исключительно широкая сфера действия этих факторов дает нам достаточное объяснение пружин «тигриного прыжка». Отдельные из них еще можно как-то связать с непосредственными причинами быстрого экономического роста: высокие сбережения и инвестиции, а также быстрый рост производительности. Например, за этим первым фактором кроет-

ся в первую очередь стабильность денежной единицы, привлекательное начисление процентов на сбережение, юридические гарантии стабильности частной собственности, сориентированные на развитие производственные отношения, которые предотвращают «проедание» прибыли. За вторым фактором кроются частная собственность, проэкспортная ориентация, рынок и конкуренция. Вместе они создали достаточно мощные стимулы для принятия и осуществления принятых решений.

Можно также показать, что некоторые причины быстрого развития в то же время служили ликвидации убожества и таким образом противодействовали возникновению значительной поляризации доходов. Например, проэкспортная ориентация сначала позволила бедным странам Азии использовать их главный козырь: дешевый труд. Таким образом, развивались преимущественно трудоемкие отрасли, благодаря чему возникло немало рабочих мест. Этому же способствовали ориентированные на развитие производственные отношения. Поэтому, формула быстрого развития, которое постепенно дает все лучшие плоды, простая: изначально в экономической стратегии и тактике должно быть больше всего основ развития.

В настоящее время в мире существует больше 4 тыс. СЭЗ всех видов, через которые проходит до 20% мирового товарооборота, а развитая система оффшорного бизнеса, основу которой составляют оффшорные зоны, обеспечивает до половины международного движения капитала.

Эта идея получила поддержку и в Администрации президента Украины. Начиная с начала 2010 г. идет перманентное реформирование рабочей группы по СЭЗ, в которую вошли и представители нового Кабинета министров Украины и разработка стратегии их развития, в которой сталкиваются различные идеологии и подходы. Следующий шаг – общая отработка проекта закона по СЭЗ. Работа по созданию СЭЗ продолжается. Это лишь один из примеров оживления деятельности в центре и на местах по возрождению свободных экономических зон. Например, уже предоставлены поручения о возобновлении на новом этапе того, что было разрушено в СЭЗ в 2005 г. и что нанесло огромный ущерб экономике. В законодательство собираются внести изменения, которые будут предусматривать, в частности возобновление работы специального режима инвестиционной деятельности на территории экономически перспективных и промышленных регионов и отдельных производственных комплексов. Так что же было разрушено в 2005 г.? Если обратиться к недалекому прошлому, вспомним, что на территории Украины с 1999 по 2004 гг. было создано 11 СЭЗ и в 9 регионах введен специальный режим инвестиционной деятельности.

Первой в Украине была Северо-крымская экспериментальная экономическая зона «Сиваш» (создана в 1995 г., действовала до 2001 г.). Не являлась классической СЭЗ, а только имела некоторые ее элементы. В ней отсутствовали четко сформированные цели ее основания, не определен был ее функциональный тип и отраслевая специализация, не установлен

был четкий перечень приоритетов деятельности и развития. Установленные льготы имели очень ограниченный круг действия и заключались фактически только в снижении арендной платы за землю (до 15%). Ее срок действия и избыточная осторожность при ее образовании повлекли слишком скромные результаты ее деятельности.

СЭЗ «Славутич» (созданная в 1998 г., должна была действовать до 1 января 2010 г.), организована с целью создания новых рабочих мест для работников ЧАЭС, которые высвобождаются в связи с закрытием станции. Предусматривала освобождение от ввозной пошлины и НДС импорта сырья, материалов, технологий и оборудования, которые предназначены для использования на территории СЭЗ (кроме подакцизных товаров); от уплаты взносов в некоторые госфонды (ЧАЭС, инновационного, на обязательное социальное страхование по случаю безработицы), освобождение (или уменьшение) налогообложения прибыли для предприятий, которые отвечают определенным требованиям.

СЭЗ «Донецк» и «Азов» (предусматривалась деятельность сроком на 60 лет). Был введен также специальный режим инвестиционной деятельности сроком на 30 лет на территориях представленных 17 городами Донецкой обл. Предусматривалось освобождение от уплаты въездной пошлины и НДС товаров, ввезенных из-за пределов таможенной территории Украины для использования в пределах СЭЗ; прибыль налогоплательщиков облагалась налогом по ставке 20% независимо от формы собственности; освобождалась от налогообложения репатриация нерезидентами доходов, происшедшим с территории зоны; субъекты предпринимательской деятельности освобождались от уплаты взносов в Государственный инновационный фонд. В сущности, прикрываясь идеями СЭЗ, в Донецке было снижено на 1/3 налоговое давление на действующие предприятия, чего однозначно было недостаточно для эффективной экономической деятельности СЭЗ.

СЭЗ «Закарпатье» и «Полесье» создавали впечатление, что СЭЗ в Украине призваны решать только социальные вопросы.

В итоге является возможным определить основные недостатки создания и функционирования СЭЗ в Украине:

1. Указы Президента, постановления Кабмина относительно СЭЗ содержат решение об основании СЭЗ и поручают соответствующим органам разработать пакет необходимых нормативно-правовых актов, в том числе и технико-экономическое обоснование. То есть решение принимается по мотивам быстрого радикального улучшения социально-экономической или экологической ситуации, а расчеты его финансово-экономической эффективности отходят на второй план.

2. Создается много СЭЗ (и в том числе – несколько зон одного типа), которые охватывают значительную территорию и большое количество субъектов предпринимательства, но не имеют отработанной нормативно-правовой базы.

3. В созданных СЭЗ основное внимание уделяется предоставлению налоговых льгот, а не созданию социально-экономической перспективы долгосрочного развития. Налоговые льготы могут заинтересовать местных предпринимателей, но почти однозначно не являются очень важными для большого международного инвестора.

В марте 2005 г. законом о госбюджете были упразднены льготы по уплате налога на прибыль и НДС для субъектов, которые реализуют инвестиционные и инновационные проекты в СЭЗ и ТПР. Специалисты тогда отмечали, что в украинском варианте эти зоны неэффективны и являются Клондайком нарушений законодательства. Теперь же, после прихода новой власти, скажем так, «своей власти» для многих промышленно развитых регионов, идея возрождения свободных экономических зон становится все более актуальной. Однако, далеко не все так однозначно с одобрением реанимации СЭЗ. Во-первых, против этой идеи категорически выступают коммунисты, которые входят в правящую парламентскую коалицию. Во-вторых, учитывая все плюсы и минусы, которые обнаружили свободные экономические зоны, которые действовали в свое время в Украине, к этой идее осторожно относятся и в команде Виктора Януковича. Экономические идеологи Партии регионов также не имеют общности и однозначности относительно как стратегии развития, так и целесообразности создания СЭЗ и ТПР и по данному вопросу окончательное решение еще не принято. Даже теоретически список регионов, в которых может быть возобновлена работа СЭЗ, пока не рассматривался.

В процессе функционирования СЭЗ в Украине не срабатывал один очень важный момент – не был до конца закрыт предел трайбалистским и местническим интересам кланово-региональных групп, что приводило к разным злоупотреблениям [1, 20]. Те товары, которые должны были идти из СЭЗ на экспорт, попадали на внутренний рынок. Фактически именно это и похоронило идею СЭЗ. Как говорится, хотели, как лучше, а вышло, как всегда. В то же время к позитивным результатам ликвидации СЭЗ в 2006 г. можно отнести детенизацию значительных денежных потоков, что стало возможным после закрытия модели т.н. «донецкого оффшора».

Некоторые из членов новой управленческой команды украинского государства имеют убеждение, что вопрос свободных экономических зон в той постановке, в которой он стоял раньше, вряд ли вообще стоит выносить на рассмотрение в настоящий момент. Считаем, что территории всех регионов должны стать единой свободной и эффективной экономической зоной, без исключений и ограничений, т.е. улучшение инвестиционного климата в Украине – это единственный вариант для обеспечения привлечения инвестиций как внутренних, так и внешних. Прошлый опыт показал, что с точечными СЭЗ связаны огромные коррупционные риски и искривления конкурентной среды. Поэтому нужно быть очень аккуратным и не повторять старые ошибки.

Действительно, вспомним, что СЭЗ в период их расцвета покрывали только около 10% территории Украины. Остальные же 90% были, откровенно говоря, дискриминированными относительно налоговых льгот. И эта диспропорция не только вызывала разговоры о предвзятом отношении власти к тем или иным регионам, но и оставляла большую часть страны, как говорится, на голодном пайке. В эти дни в процессе создания СЭЗ явно чувствуется определенное давление на центральную власть снизу – со стороны руководителей сырьевых и индустриально развитых (в советском, а не общемировом понимании) регионов, которые стремятся развить и преумножить свою экономическую независимость.

В контексте форм и перспектив регионального развития стран постСССР преимуществами существующей централизованной системы управления, основанной на единоначалии, является: возможность концентрации ресурсов и усилий общества для достижения поставленных целей, структурная простота и ясность, возможность оперативного управления людьми, структурами и подразделениями, эффективное использование и распространение знаний и опыта, эффективное использование ресурсов, уменьшение возможности паразитирования исполнителей, которые находятся под эффективным контролем. Централизованное руководство было необходимым условием всех прыжков в развитии человечества. Однако централизованное руководство имеет негативные проявления: ограничение инициативы низовых элементов системы, тенденция к увеличению числа промежуточных степеней в управлении (рост бюрократии), возникновение антагонистических групп, которые стремятся получить доступ к руководству и привилегиям, сложность организации контроля большого числа исполнителей, риск разрушения системы в результате некомпетентности или измены руководства или его неспособности адаптироваться.

Ключевым звеном перехода стран к стабильному прогрессирующему развитию является энергоемкая высокопродуктивная промышленность. Экономики, которые трансформируются, унаследовали сверхиндустриальную промышленную и ресурсно-сырьевую структуру, в которой техника управления производством, финансами и объемом продаж абсолютно не отвечает требованиям рыночной экономики и потребностям общества. В прошлом основным ограничением в деятельности производителей обычно была проблема снабжений, которую они пытались максимизировать, а совсем не проблема сбыта, которая сдерживает их теперь. Нужно существенное инвестиционное усилие, чтобы приспособить, модернизировать и заменить определяющие компоненты производительности, воспитать новые кадры работников и предоставить им соответствующие квалификационные навыки в менеджменте и производстве, создать структуры, где процветали бы инновационные коммерческие поиски и исследования [3, 303].

Украина как единое территориально-государственное целое образовалась фактически в 30-40-х гг. XX в. До той поры, в течение многих сотен и

десятков лет ее регионы находились в составе разных государственных объединений, сфере влияния достаточно-таки противоположных экономико-политических векторов развития. В течение исторического развития украинского народа в ситуации хозяйственного, политико-культурного раздела, иностранного господства, не могла сложиться тесная экономическая, политическая и культурная общность и целостность. При этих условиях функционирование отдельных регионов Украины без тесной производственной кооперации и создания единого целостного внутреннего рынка территориальных субъектов, может привести к значительному (или и окончательного) разрыву внутрорегиональных связей, результатом чего может стать распад государства или вхождение его частей в другие экономико-государственные образования. Стремление к региональной «отдельности» интересов в пределах страны, которая ведет к установлению своих отличных, противоположным общегосударственным заданиям форм экономического уклада и политического управления получило в мировой практике название «трайбализм» и рассматривается в качестве основного препятствия для формирования целостного экономического, политического и правового пространства в пределах единого государства. Самые драматичные его примеры в форме региональных и гражданских конфликтов мы встречаем в новейшей истории почти всех стран Африки, некоторых государств Азии и Европы, где он часто совмещается с сепаратизмом, религиозным фундаментализмом, национализмом и т.п.

Субсидиарность, напротив, допускает, что задания функционирования и развития территорий, регионов должны решаться на возможно более низовом, более отдаленном от центра уровне, на котором их решение возможно и эффективное. Этот принцип исторически реализован, проверенный и крепко укорененный в строительстве и функционировании Европейского союза [7, 53]. В ЕС давно поняли, что ни двенадцатью, ни пятнадцатью, ни тем более всеми странами-членами и их регионами невозможно управлять из одного центра, которым у них является Брюссель. Поэтому полномочия и компетенция в управлении в ЕС разумно распределены по разным уровням власти от низа кверху в вопросах налогов, бюджетирования, распределения доходов, местного самоуправления. И потому невозможно представить себе, чтобы, скажем, немецкий канцлер вдруг обеспокоился проблемой водопровода в Гамбурге – там для этого есть и местные власти, и водопроводчики, и все, что необходимо для решения этой совсем не государственного масштаба проблемы.

В этом собственно и заключается субсидиарность как возможность субъекта государственной территории самоуправленчески и беспрепятственно осуществлять и реализовывать весь объем экономических и политических заданий в объеме реально существующих потребностей и целей, которые не противостоят общегосударственным. Но пока действует жесткая «вертикаль» управления в стране, многие администрации на местах,

принимая то или иное решение, считают лучшим, прежде всего, оглянуться в сторону столичной власти, а не своей территории и своих граждан.

Производительные силы рассматривают в более широком и узком смысле. В широком смысле ими являются не только здания, дороги и машины, но и знания и умения людей, т.е. человеческий капитал. Новые порции производительных сил – инвестиции – необходимо покрывать, т.е. финансировать, из сбережения той части созданных в стране доходов, которая не назначена на потребление. Они также могут происходить из-за границы. В конечном итоге, рост эффективности производительных сил оказывается в том, что поток реальных (очищенных от инфляции) доходов, созданных с помощью этих сил, растет быстрее, чем они сами. Ради этого мы должны сначала внедрить явление фундаментальных факторов развития (коротко: основ), например: права и структура собственности, стабильность денежной единицы, отношения к внешнему миру, перегруженность экономики налогами и бюджетными расходами и тому подобное. Деятельность государства в отрасли экономики заключается в создании и укреплении основ, или в разнообразных специфических регуляциях, скажем, поддержке отдельных отраслей промышленности, содержании заниженной процентной ставки, образовании специальных инвестиционных банков, льготных кредитах [5, 67].

Наиболее существенный момент касается необходимости создания в государстве институций динамического и стабильного развития. Успешная политическая трансформация, высвобождение творческой энергии гражданского общества является обязательным условием прогрессивного экономического развития государства [См.: 2]. Его начальный толчок зависит главным образом от государственной денежной, финансовой и внешнеторговой политики. Следующее продвижение возможно, если в стране, которая развивается, созданы условия для развития правовой, социальной и материальной инфраструктуры рыночной экономики. К тому же, есть определенные обязательства перед ВТО. И это понятно – странам, которые входят в эту организацию, нужны рынки сбыта. А если мы будем иметь льготы для СЭЗ, значит, мы привлекаем туда инвесторов. Хотя, для стран, которые входят к ВТО, это, скорее всего, пожелание, а не запрещенный шлагбаум, который нельзя преодолеть. Ведь много стран являются членами этой организации и при этом имеют территории приоритетного развития. Хотя в мире и существует достаточно большой опыт использования специальных экономических зон в разных форматах, но он является весьма противоречивым.

Многие постсоветские и транзитивные экономико-политические лидеры пока так и не смогли подняться над партийно-корпоративными интересами, не смогли выработать стратегическую позицию, не смогли посмотреть на перспективу развития страны в масштабе хотя бы десятка лет. Современный олигарх в на постсоветском пространстве в целом и в Украине

в частности, – это представитель крупного бизнеса, созданного с помощью административного ресурса, монополизм которого в определенном секторе рынка искусственно поддерживается властью внутри системно организованной коррупции.

Олигополия в этой системе – это всевластие олигархических монополий, которые фактически делят между собой весь торговый рынок как внутри страны, так и за ее пределами. Система олигополии в постСССР сосредоточена не на производстве как таковом, а именно на торговле и перепродаже (в сфере экспорта – сырьевых ресурсов). Олигополия порождает перекосы в экономике, искривленную структуру бюджета. Именно в этом рождаются первопричины сегодняшнего украинского экономического кризиса. Олигополистические торговые секторы экономики – металлургия и химия – являются основными донорами государственного бюджета. И если бы не мировой экономический кризис, который благодаря олигополии имеет в Украине одни из наиболее тяжелых среди постсоветских стран последствия, это все могло бы продолжаться еще очень долго в виде периодических политических кризисов, которые в действительности являются лишь попыткой, через доступ к власти, перераспределить или оставить за имеющимися олигархами целые секторы экономики.

Постсоветская экономика без олигархической олигополии возможна: ее экономика, политика и социальная структура будут эффективнее и легитимными вне системы олигополии. Пример стран восточной Европы это наглядно подтверждает. Кроме того, нужно осуществить структурную экономическую реформу и обстоятельное изменение структуры государственного бюджета. То есть нужно построить новую экономику, где появились бы новые секторы экономики – доноры госбюджета. Цель этих мероприятий – диверсификация структуры доходов бюджета, который должен наполняться не 2-мя секторами экономики, а 4-5-мя секторами (например, плюс сельское хозяйство, машиностроение, интелектуальное производство), также следует сделать так, чтобы внутренние и внешние инвестиции больших размеров отвечали государственной экономической стратегии. Для постсоветских, как и для других транзитивных государств, главным вопросом бытия и развития на нынешнем этапе является вопрос о характере, силе и роли государства и власти.

Мы имеем государство и власть национального общества или глобальных ТНК и зарубежных корпораций? Новая идеология развития для стран постСССР – это следование общенациональным, общерегиональным интересам, стимулирование народного предпринимательства, формирования могучих национальных (государственных и государственно-частных) корпораций для конкурентной, а не административной защиты национальных рынков и выхода на глобальные рынки.

Кроме очевидных преимуществ для национальных экономик, глобализационные процессы сопровождаются и ростом рисков возникновения не-

стабильности рынка, в частности в результате распространения на внутреннюю экономическую систему тенденций развития мировой экономики в целом. Поэтому одним из главных заданий государства в условиях развития мировой глобализации является эффективное использование преимуществ от полномасштабной интеграции к мировой экономике и одновременное ограничение негативных последствий такой интеграции.

На постсоветском пространстве территории приоритетного развития и специализированные экономические зоны могут использоваться только в ограниченном формате, при этом значительно большую роль должны играть мероприятия по улучшению общего инвестиционного климата. Речь может идти об упрощении процедур регистрации и закрытия бизнеса, что очень важно для динамического развития предпринимательства. Также следует сократить количество проверок бизнеса фискальными органами и, конечно, необходимо сократить количество госорганов, с которыми необходимо согласовывать те или иные направления предпринимательской деятельности.

Нужно, чтобы законодательная база сделала невозможными злоупотребления в СЭЗ. Также процесс создания любых форм специализированных региональных зон параллельно обязательно должен совмещаться с планомерным формированием жесткой производственной межрегиональной кооперации, взаимоувязанного внутреннего рынка (товарного, финансового, сырьевого и т.п.), от качества функционирования которого будут зависимы все без исключения территориальные субъекты государства. А СЭЗ могут стать дополнительным фактором для решения каких-то локальных, но, ни в коем случае не общегосударственных заданий. СЭЗ следует использовать, в первую очередь, для реабилитации депрессивных регионов. Если же речь идет о регионе, в котором нормально работает промышленность, а мы вдруг его еще и помещаем в специальную зону, то возникает вопрос – для чего это делается? Остается надеяться, что мировой опыт позволит создать такую базу и стратегию развития, при которой идея развития (или реанимации) свободных экономических зон будет способствовать как общегосударственному экономическому росту, эффективной самоуправляющейся субсидиарности и не будет вызывать подозрений в нечестной трайбалистской игре региональных экономико-политических кланов.

Поиск постсоветской отечественной стратегической и наиболее эффективной модели развития должен базироваться на оценке мировых тенденций и закономерностей развития, в основе которых лежит не только глобализация, но и, что особенно важно, формирование системы глобализма как новой системы миропорядка, где действуют неконтролируемые транснациональные корпорации, невиданные масштабы спекулятивных сделок в сфере глобальных финансов, полный отрыв последних от реальной экономики и производства неминуемо приводят к кризису и краху. Именно в этих новых специфических условиях глобальной окружающей среды лю-

бая транзитивная страна обречена на то, чтобы возродить потерянную ведущую роль государства и, построив эффективную конкурентоспособную систему антикризисного государственного менеджмента, перевести развитие своей экономики из хаотического в организованный интегрированный, синергетический тип развития, которое обеспечит эффект системности.

Интегрированный тип организации экономики, в отличие от дезинтегрированного, является предпосылкой для обеспечения необходимой системной экономической компрессии, цепной экономической реакции развития, экономических толчков и взрывов. Благодаря его внедрению можно достичь системно-синергетического эффекта экономической интеграции в мегасистеме народного хозяйства. Фактически, современная экономика «разогревается» и «заводится», набирает силы внутреннего развития, энергетики и синергетики в соответствии с законами термодинамики. Возникает эффект саморазвития, ускоренного развития, расширенного развития, нового структурного развития, нового качества развития. Ведущую роль в этом играют два важных института: государство и национальные корпорации (большие корпорации и корпоративный малый бизнес) [6, 43].

Литература

1. Зінченко В.В. Ідея відновлювального світового суспільно-економічного розвитку та інституційні тенденції глобалізації // Актуальні проблеми економіки. Науковий журнал. ВНЗ «Національна академія управління», 2012. – №. 1(127). – 500 с. – С. 17-25.

2. Зинченко, В.В. Регионализация, институциональные тенденции глобализации и модель восстановительного общественно-экономического развития [Текст] / В.В. Зинченко // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2012. – № 2. – 269 с. – С. 248-257.

3. Зинченко, В.В. Социально-политическая и экономическая трансформация современных транзитивных обществ Европы [Текст] / В.В. Зинченко // Проблемы современной экономики: Евразийский международный научно-аналитический журнал. – СПб.: Межпарламентская Ассамблея Евразийского экономического сообщества, 2009. – № 4. – С. 299-304.

4. Abel I.& Bonin J. State desertion and convertibility. Dublin, 2008. 270 p.

5. Erhard L. Wohlstand für Alle. Düsseldorf, 2000. 248 s.

6. Exner A. Die Grenzen des Kapitalismus: wie wir am Wachstum scheitern. Wien: Ueberreuter, 2008. 223 s.

7. Sintschenko V. Bilder von der wirtschaf im spätkapitalismus // Kluczowe aspekty naukowej działalności. 2012. Vol. 9. Ekonomiczne nauki. Przemyśl: Nauka i studia. 2012. S. 50-61.

Глава 2. Системы управления, информационное моделирование и эффективность развития децентрализованных организационных структур

На современном этапе развития мирового глобального развития каждое государство, экономика, предприятие и организация является совокупностью социально-экономических процессов, которые объединены в управленческую систему. В постсоветских странах уже два десятка лет происходят трансформационные процессы в экономике, которые связаны с реструктуризацией, изменением отношений собственности, трансформаций моделей управления предприятий. В настоящее время на развитие бизнеса влияют десятки факторов, одним из них является возможность частичной потери управляемости при росте компании.

Системы управления любого уровня являются разновидностью естественных систем и им тоже свойственна самоорганизация. Социальные и управленческие системы могут самоорганизовываться в соответствии с субъективными законами и теми объективными законами, которые становятся наиболее важными для данной системы. Большинство естественных систем характеризуются способностью к самоорганизации и отсутствием руководящего центра. Такие системы стабильны, стойки, способны к постоянному обновлению и адаптации к внешним условиям. Однако они малоэффективны, развиваются медленно, неспособны к постановке целей и анализа альтернатив и результатов [2, 11].

В отличие от природных систем в человеческом обществе и его системах возможно сознательное управление действиями его членов. Управление обеспечивает определение целей и средств развития общества, обмен информацией между его членами, принятие решений и контроль за их выполнением. Центральным вопросом в споре относительно возможности реализации и эффективности самоорганизации является вопрос о балансе между централизованным и децентрализующим управлением.

Преимуществами централизованной системы, основанной на единоначалии, является: возможность концентрации ресурсов и усилий общества для достижения поставленных целей, структурная простота и ясность, возможность оперативного управления людьми и подразделениями, эффективное использование и распространение знаний и опыта, эффективное использование ресурсов, уменьшения возможности паразитирования исполнителей, которые находятся под эффективным контролем. Централизованное руководство было необходимым условием всех прыжков развития человечества и его структур. Однако централизованное руководство имеет негативные проявления: ограничение инициативы низовых элементов системы, тенденция к увеличению числа промежуточных степеней в управлении (рост бюрократии), возникновение антагонистических групп, которые стремятся получить доступ к руководству и привилегиям, сложность организации

контроля большого числа исполнителей, риск разрушения системы в результате некомпетентности, сознательных действий руководства или его неспособности адаптироваться.

Поскольку новые технологии все больше изгоняют живого работника из процесса производства, то автоматизированная «фабрика» с несколькими работниками тем более не может быть центром общественной организации самоуправления. «Фабрики» чаще всего вообще не являются самостоятельными экономическими единицами: они принадлежат другим, часто удаленным от них транснациональным фирмам и предприятиям, зависят в своей производственной деятельности, в сбыте и в снабжениях сырья или комплектующих от централизованных органов, которые руководят ими извне.

С наступлением автоматизации ремесленные умения, знания и инициатива передаются машине. На смену классическому квалифицированному рабочему приходит новый тип наученного и детально специализированного работника. Квалификация больше не имеет смысла. Капиталу удалось с помощью системы Тейлора, научной организации труда и новых технологий все больше ограничить влияние работника на процесс производства. Повышение производительности труда шло рука об руку с уничтожением автономии работника [11, 53]. Производственная деятельность все больше осуществлялась атомизированной рабочей массой, которая не имеет никакой технической мощности. Рабочая сила, которая осталась после сокращений, поддается производственной деквалификации, поскольку знание – это «власть» работника. Распыление и специализация профессиональных знаний привела к тому, что в середине 1990-х гг. существовало 20 тысяч операций в 500 профессиях, тогда как в начале индустриализации 300 лет тому назад было всего 100 профессий. Выброшенные из процесса производства и управления работники обрекаются на все более жалкие условия труда и социальное бесправие на мельчайших и/или недолго существующих предприятиях и во все более сомнительном секторе услуг. При этом зарплата падает, рабочее время растет, а безработица увеличивается.

Таким образом, для повышения эффективности деятельности и поддержания конкурентоспособности предприятия владельцы и управленцы должны надлежащим образом организовать хозяйственные процессы и решить вопрос организации управления производством и человеческими ресурсами. Для интегрирования информации о работе всех подразделений предприятия используются управленческие информационные системы (УИС), которые в отличие от программ бухгалтерского и оперативного учета, предоставляют возможность влияния и корректировки процесса на стадии развития. Повышение оперативности и качества управления связано с развитием компьютерных технологий, современные концепции управления базируются на соответствующих приложениях.

В 80-90 г. XX в. западными учеными создано несколько концепций УИС. Каждая следующая система исправляла недостатки предыдущей, а

также увеличивала собственные функциональные возможности. Для автоматизации планирования необходимого количества сырья и материалов на складах согласно производственным планам была предложена концепция MRP (Material Resource Planning). Основным ее недостатком – это отсутствие планирования загруженности производственных мощностей и трудовых ресурсов. Модификация MRP II (Manufactory Resource Planning) была создана для автоматизированного планирования всех производственных ресурсов (сырье, материалы, оборудование, трудозатраты) и контроля всего производственного цикла от закупки сырья до отгрузки продукции заказчиком. Ее недостаток состоял в отсутствии планирования финансовых ресурсов.

На современном этапе развития информационных технологий для автоматизации и оптимизации внутренних бизнес-процессов предприятия предложена новая концепция управленческой системы – ERP (Enterprise Resource Planning), она объединила планирование материальных и финансовых ресурсов в единую систему. Для управления внешними связями предприятия используется модификация ERP II, которая помимо ERP-системы включает систему учета и управления логистическими каналами поставок (SCM) и систему управления связями и взаимодействием с покупателями (CRM). В системе ERP удачно сочетаются современные концепции управления с компьютерными технологиями. Таким образом, для автоматизации всех ежедневных основных внутренних бизнес-процессов, оптимизации структуры управления, повышения взаимодействия между подразделениями, а также оперативного анализа ситуации и принятия управленческого решения на базе полной, достоверной информации актуальной задачей является выбор и внедрение ERP-системы на предприятии.

Сегодня проблема ускоренного развития экономики рассматривается в контексте развития и внедрения информационных технологий для создания корпоративных информационных систем (КИС), поддерживающих оперативный и управленческий учет на предприятии и предоставляющих информацию для оперативного принятия управленческих решений [13, 28].

Выбор и внедрение ERP-систем является относительно новым направлением для исследований. Значительная часть исследований и публикаций посвящена оценке первых результатов внедрения на промышленных предприятиях [5; 7; 9].

Развитие рыночной среды требует внедрения ERP-систем для оптимизации действий по собиранию, обработке и анализу информации, поступающей из различных источников, а также для оперативного решения задач управления и координации действий в условиях конкурентного ведения бизнеса. Примеры применения современных информационных технологий для автоматизации отдельных направлений деятельности предприятия свидетельствуют об этом [См.: 6; 10]. Полученные результаты требуют определенной систематизации и обобщения возможных причин для

внедрения, а также определение критериев выбора и этапов реализации данного проекта на предприятиях.

Одной из целей данной работы является выполнение анализа существующих ERP-систем, исследовать возможные причины заинтересованности предприятий в реализации данного проекта, предложить общий алгоритм внедрения. Полномасштабная ERP-система – это комплексная информационная среда для автоматизации планирования, учета, контроля и анализа всех основных бизнес-процессов предприятия (планирование производства, управление закупками, запасами и продажами, учет потребности в различных видах ресурсов, взаимодействие с поставщиками и покупателями, управление качеством и трудовыми ресурсами и т.п.), реализованная на базе интегрированного программного обеспечения. Первую разработку ERP-системы «SAP R/3» предложила компания SAP AG (Германия), в настоящее время она является мировым лидером по количеству внедрений на крупных предприятиях.

Созданная система включает компоненты для автоматизации ежедневных операций внутренних бизнес-процессов, систематизации информации, поддержки взаимодействия с бизнес-партнерами, средства поддержки принятия решений для высшего руководства и собственников. Она помогает формировать и реализовывать стратегию предприятия. Информационные потоки построены таким образом, что большинство текущих задач решаются менеджерами среднего звена, а высшее руководство занимается определением стратегии предприятия и контролем ее реализации. Основными преимуществами являются многофункциональность, возможность применения отдельных отраслевых решений (27 различных модулей), использование опыта лидеров мирового бизнеса и постепенное внедрение отдельными модулями в соответствии с темпами развития предприятия. Недостатки заключаются в слишком жесткой регламентации бизнес-процессов на предприятии и длительному сроку реализации проекта (5-7 лет). Одним из основных конкурентов немецкой компании на мировом и местных рынках является Oracle Corporation (США) с системой «Oracle E-Business Suite». Она имеет достаточно сильные позиции в отраслях, где стандарты бизнес-процессов аналогичны во всем мире (телекоммуникации, банки, химическая и металлургическая промышленность), это уменьшает затраты на внедрение и обслуживание системы.

Конкурентные преимущества этой ERP-системы полностью реализуются при внедрении на новых предприятиях, где формируется система управления. Основным недостатком является отсутствие четкой отработанной системы поддержки внедренных ERP-систем. Кроме мировых лидеров есть разработчики ERP-систем, которые имеют многолетний опыт и ориентируются на средние предприятия, например, «MFG/PRO» корпорации QAD (США), «1С: Предприятие. Управление производственным предприятием» компании 1С (Россия) и др. Они позиционируют собствен-

ные разработки, как полноценные системы управления предприятием, в которых сочетаются стандарты ERP II с относительно доступной ценой. Преимуществами являются возможность одновременного внедрения всех модулей и как следствие уменьшение срока и стоимости внедрения, а также возможность доработки системы под конкретные требования предприятия. Недостатком является ограниченный набор функциональных возможностей, поэтому эти системы могут быть рекомендованы как первый этап автоматизации процессов управления на предприятии.

Стоимость внедрения ERP-системы зависит от масштаба проекта, так цена системы, состоящей из 40-50 рабочих мест может составлять от 50 до 1500 тыс. дол. Вместе с тем существует тенденция, связанная с тем, что западные компании предлагают специальные системы для постсоветских стран по меньшей цене, а отечественные и российские разработчики совершенствуя свои системы повышают их стоимость. Объектом автоматизации являются системы управления, построение единого информационного пространства предприятия зависит от управленческой структуры, отраслевой принадлежности, масштаба, профиля деятельности, финансовых возможностей и наличия коммуникационных каналов и сетей.

По данным аналитической компании IDC [1], рынок ERP-систем будет увеличиваться на 20% ежегодно за счет внедрения в финансово-промышленных группах, холдингах, крупных и средних компаниях соответствующих программных решений и отдельных модулей. В идеале ERP-система внедряется одновременно с запуском на предприятии современного оборудования, передовых технологий, тогда все выполняется параллельно. Для предприятия нужно время для перехода на современные информационные технологии планирования и управления ресурсами предприятия.

Перед внедрением необходимо определить существующие проблемы (уменьшение эффективности, потеря доли рынка, рост расходов) или потенциальные проблемы (изменение конъюнктуры рынка или законодательства, появление сильного конкурента). Также причиной может быть необходимость в соответствии западным стандартам для улучшения имиджа, получения инвестиций, прохождения сертификации или повышение контролируемости предприятия для более эффективного управления. Критерием успешного внедрения является успешное решение проблемы.

Определение конкретных проблем позволяет осуществить выбор системы, оптимальной по функциональным характеристикам, которые зависят от отрасли, типа и размеров производства. Затем нужно узнать об имеющихся типовых решениях, количестве внедрений в отрасли, собрать отзывы о внедрении системы и проектную команду. Также в договоре с компанией, которая будет внедрять систему, желательно предусмотреть ответственность за сроки и качество реализации проекта. Преимущества имеют те производители ERP-систем, сочетающих собственные канонические разработки, построенные на лучших западных бизнес-моделях, с гибкой на-

стройкой для отечественных промышленных предприятий. То есть это должна быть интегрированная информационная система, удовлетворяющая требованиям отрасли и обладающая широкими функциональными возможностями для автоматизации управления материально-техническим снабжением, производственными процессами и финансовыми потоками. Система работает более качественно с меньшим количеством доработок и переделок, т.е. максимально используется опыт предыдущих пользователей, который заложен в ERP-систему. Она учитывает возможность доработки до 20% без снижения качества, если больше – нужно разрабатывать новый модуль. Внедрение системы является только инструментом для реализации поставленных задач.

Внедрение ERP системы дает возможность автоматизации управления дебиторской и кредиторской задолженностями, уменьшения складских запасов, калькуляции всех видов продукции, статистической обработки архивных данных, а также оптимизации внутренних бизнес-процессов, увольнении менеджеров от рутинной работы и как следствие, улучшение эффективности деятельности предприятия и повышения конкурентоспособности. В целях экономии материальных ресурсов, повышения эффективности работы транспорта, технологического оборудования и оборудования можно упорядочить загрузженность производственных мощностей, сгладить объемы производства во времени, создать единую базу данных для планирования.

При потребности во внешних инвестициях, приватизации, объединении или поглощении предприятий можно повысить прозрачность финансово-хозяйственной деятельности и контролируемость предприятия для инвесторов или владельцев.

Преимуществом ERP-системы являются не только ускорение выполнения определенных видов работ, например, обработка заказов, расчет финансовых показателей, формирование отчета по прибыли, сведение баланса. Основным эффектом является возможность принятия оперативных управленческих решений на основе полной, достоверной информации благодаря созданной единой базе данных. При этом сокращается время на выполнение рутинных работ и увеличивается соответственно для аналитической работы. Существует возможность сокращения количества работников низкой квалификации и фиксации их действий в системе. Финансовый эффект заключается в качественном управлении закупками сырья и отгрузке готовой продукции, а также в уменьшении производственных запасов в соответствии с реальными потребностями и высвобождении оборотных средств. Процесс внедрения системы состоит из нескольких этапов: анализ и исследование предприятия, определение проблем и потребностей; формализация бизнес-процессов для системы управления; постановка задачи, определение количества необходимого ТС и ПО; формирование системы, внесение данных; подготовка к эксплуатации и обучение пользователей;

запуск и тестовая эксплуатация (1-3 мес.) в реальных условиях работы. Дальнейшее развитие системы заключается в усовершенствовании существующей ERP-системы, т.е. добавлению новых модулей и увеличении функциональности.

ERP-система состоит из нескольких модулей, которые внедряются последовательно. Для крупных промышленных предприятий срок реализации проекта может составлять 3-5 лет. После анализа опыта внедрения можно определить примерный алгоритм внедрения: регистрация всех хозяйственных и финансовых операций в системе с начала квартала (года), формирование квартальной (годовой) бухгалтерской и финансовой отчетности в системе (финансово-учетный модуль); управление материально-техническим снабжением в тестовом режиме (1-2 материалы течение 6-12 мес.) переход на полное управление материально-техническим снабжением, интеграция с финансово-учетной модулем и формализация процедур продажи продукции; внедрение в тестовом режиме контроллинга для отдельного подразделения (списание 1-3 основных материальных ресурсов на производстве в течение 6-12 мес.), запуск на полную мощность модуля контроллинга (цель – выявление объемов незавершенного производства, количества готовой продукции); планирование производства на основе единой базы данных; управление персоналом (контроль за выполнением работниками своих функциональных обязанностей связей); управление качеством (распределение поставщиков на входном контроле зависимости от качества предыдущих поставок, операционный и выходной контроль готовой продукции).

Автоматизация процесса управления связана с необходимостью поиска оптимальных решений сложных задач управления технологическими процессами и финансовыми потоками предприятия. Поэтапное внедрение проекта (2-3 наименований номенклатуры в одном подразделении) позволяет быстро выявить и устранить дефекты, а также существенно уменьшить стоимость проекта. В системе операционного контроля внедряется персональная ответственность, все документы фиксируются в журнале операций и отчеты формируются автоматически на основании первичных документов. Внесение входных данных требует контроля и проверки, ведь ошибки могут повлиять на результат. Создание единого информационного пространства, которое содержит учетную информацию о деятельности предприятия, способствует ускорению бизнес-процессов, улучшению оперативного управления и планирования, улучшению маркетинговых показателей подобное.

При этом управленческие операции, связанные с движением материальных ресурсов, выполняются в режиме, близком к реальному. Все документы после регистрации в системе в течение 1 суток отражаются в Главной книге, а в других модулях системы отображается текущее состояние предприятия, за счет чего минимизируется количество отказов потенци-

альным покупателям за отсутствия продукции или конкретизируются сроки поставок благодаря наличию данных об объемах запасов, непроданную продукцию. Система позволяет автоматически формировать оперативную, управленческую и бухгалтерскую отчетность, а также получить данные для налоговых деклараций. Автоматизация может изменить структуру управления на промышленном предприятии, способствует перераспределению центров ответственности.

Уменьшается длительность производственного цикла благодаря выявлению скрытых резервов для сокращения времени выполнения каждого этапа, повышается уровень согласованности между этапами, осуществляется переход от последовательного к параллельному выполнению отдельных этапов. Внедрение этой системы зависит от готовности предприятия и его руководителей, владельцев к проведению «прозрачной» финансово-хозяйственной деятельности, а также требует полной формализации деятельности предприятия.

Сегодня, например, в Украине насчитывается более 100 предприятий, которые внедрили ERP-систему или находятся на различных этапах реализации проекта, это в основном крупные предприятия металлургической, нефтеперерабатывающей, энергетической, пищевой отраслей, банковские учреждения и телекоммуникационные торговые компании. Предварительные результаты от внедрения ERP-систем заключаются в следующем: сокращение запасов готовой продукции, материалов, незавершенного производства – 15-20%, улучшение взаимодействия с клиентами за счет увеличения своевременной отгрузки продукции – 15-25%, рост производительности труда и фондоотдачи – 12-15%, уменьшение расходов на закупку материалов и компонентов – 7-10%.

Мировые тенденции развития экономики связаны с глобализацией бизнеса [9, 112]. В Украине и России за время независимости внедрены рыночные отношения в экономике, большинство крупных предприятий получили новых владельцев, происходят процессы поглощения и объединения компаний, создания холдингов. Дальнейшее развитие требует внедрения иностранных технологий и привлечения инвестиций в целях интеграции в мировую экономику.

Вступление в ВТО значительно ускорило развитие почти всех отраслей экономики. Для российских и украинских предприятий более оптимальным путем является перестройка своих хозяйственных процессов в соответствии с алгоритмами, предложенных в ERP-системах.

Эти системы достаточно гибки и содержат большое количество наладочных параметров и могут быть удачно внедрены на предприятиях, которые давно работают на рынке, имеют собственную управленческую структуру, но требуют проведения реинжиниринга существующих бизнес-процессов.

В системах менеджмента для всех является очевидным разделение уровней профессионального действия. Есть уровень, на котором принимается (например, заказчиком) принципиальное решение о необходимости того или иного действия в целом, декларировании базовых параметров того, что должно выйти в результате выполнения работы. И есть уровень выполнения, на котором работают профессионалы, – они в рамках данного им заказа (приказа), используя выделенные на выполнение ресурсы, выдерживая установленные сроки, применяют свои специализированные знания, опыт и навыки в ходе выполнения. Самоуправление как общая система самоорганизации в менеджменте выходит с того, что каждый может развивать свои способности управлять. В жестко иерархических и, следовательно, авторитарных системах действительно самоуправляющиеся проекты невозможны.

Системы самоуправления, основанные на коллективной и индивидуальной автономии, не могут просто заимствовать прежние средства производства и технологии с их иерархической структурой. К важнейшим заданиям относится не только преодоление социального и технического разделения труда, но и сознательное превращение технологии. Технология должна учитывать проблемы автономии и свободы личности, а также окружающей среды. Технологии, которые служат исключительно интересам прибыли, становятся лишними; вместо них будут использоваться такие, которым сегодня не дает развиваться нынешняя производственная система. Новые технологии будут сильно децентрализованными, соответствующими человеческим масштабам; их можно будет «окинуть взглядом» и легче контролировать [4, 65]. Вырастает значение альтернативных технологий, которые служат для самообеспечения. Разветвленная сеть мелких и средних предприятий, контролируемых обществом, в котором они расположены, позволит организовать производство, ориентированное на удовлетворение потребностей на месте. Можно будет соединить самопроизводство для самообеспечения общества и производство предметов потребления для всего общества.

Системы менеджмента и общество должно использовать микроэлектронику в неиерархическом духе, который позволит преодолеть социальное и техническое разделение труда и сократить рабочее время. Информатика может обеспечить всем людям доступ к накопленному знанию и к процессам принятия решений в обществе. Без равноправного доступа ко всем сферам общественной жизни – экономике, науке, культуре и так далее – не может быть настоящего самоуправления. Автоматизация привела к потере квалификации, специализация – к профессиональной односторонности, но информатика и автоматизация могут и пойти на пользу делу освобождения, если общественно необходимый труд будет в значительной мере автоматизирован и сможет выполняться всеми. Благодаря общей

профессиональной учебе можно будет освоить разные квалификации и менять виды выполняемого труда.

Следовательно, можно заключить, что в ближайшее время большинство крупных и средних промышленных предприятий будут внедрять передовые западные стандарты управления. Экономической эффективности можно достичь и за счет использования накопленного предшествующего опыта разработчиков ERP-систем, а также внедрение готовых решений, разработанных для других предприятий с минимальными доработками.

Сокращение рабочего времени благодаря новым технологиям и исчезновения многих видов деятельности в непроизводственной сфере прежней бюрократии даст людям возможность пользоваться своим свободным временем для развития новых способностей и расширения социальных связей на основе добровольного взаимодействия, а не экономического принуждения [12, 210]. Центр тяжести в жизни переместится из труда в сферу взаимоотношений между людьми.

Самокоррекция системы управления является отличительной чертой самоорганизующейся системы, что обеспечивает ее выживание и стабильность.

Этому должен способствовать и механизм «информационной власти», которая реализовывает право каждого на получение всей необходимой ему информации и донесении ее к другим. Только при условии осуществления такой возможности система самокоррекции и самоуправления имеет смысл. Нам, тем, кто живет в эпоху бурного прогресса Интернета, очевидно, что сетевые цифровые средства связи и информации именно это и позволяют осуществлять в массовом масштабе. По-видимому, тенденциями в развитии производительных сил, которые смогут помочь впервые в истории цивилизации изменить положение, являются следующие. Во-первых, изменение сущности труда, который становится информационным, творческим, таким, который требует высокой квалификации и умственных способностей, в частности способности управлять сложными системами, в массовом порядке. Во-вторых, тенденция к автоматизации труда низшего порядка – физического и примитивных форм умственного. В-третьих, максимально высокий уровень информационного обеспечения производственных и социальных процессов, легкость хранения, безрасходность копирования и мгновенная скорость передачи информации в любую точку планеты, технологическая доступность для любого человека любой информации для восприятия и возможность записи, сохранения своей информации. Это и является тем фундаментом производительных сил, который породит в будущем соответствующие им производственные отношения и общественную надстройку.

Гарантировать выполнение задания постоянной коррекции системы управления возможно, передав эту функцию самим участникам этого процесса. Преимуществами децентрализованной, саморганизованной системы

менеджмента является: облегченная возможность принятия решений теми, кто ближе всего к проблеме; стимуляция инициативы; активный взаимобмен и кооперация участников; малое число иерархических ступеней в управлении; повышенная ответственность и самоконтроль.

Литература

1. Ангелин Д., Пономарь Т. TERРеливая конкуренція // Бизнес. – 2009. – № 48. – С. 116-119.

2. Зінченко В.В. Деліберативні моделі процесів управління в умовах суспільних та економічних трансформацій // Академічний огляд. Науковий журнал. Дніпропетровський національний університет економіки та права імені Альфреда Нобеля. – 2011. – № 1(34). – 148 с. – С. 11-19.

3. Зінченко В.В. Проблеми суспільного управління в контексті соціально-філософського аналізу концепції інформаційного суспільства // *Studia methodologica*. Науковий альманах. – Вып. 29. – 2009. – С. 194-198.

4. Зинченко, В.В. Социально-политическая и экономическая трансформация современных транзитивных обществ Европы [Текст] / В.В. Зинченко // Менеджмент в России и за рубежом. – 2012. – № 1. – 144 с. – С. 64-71.

5. ERP-система. Як це працює // Контракти. – 2010. – № 1. – С. 32-33.

6. Краївська І.А. Використання інформаційних технологій в управлінні підприємством і бухгалтерії // Коммунальное хозяйство городов: Науч.-техн. сб.– К.: Техніка, 2007. – Вып. 77. – С. 346-350.

7. Николаева, Т. Нечеловеческий бизнес [Текст] / Т. Николаева // Бизнес. – 2006. – № 12. С. – 64-67.

8. Павленко, Л.А. Корпоративні інформаційні системи. – Харків: ВД «ІНЖЕК», 2009. – 260 с.

9. Резниченко, Н. Тихою САПою // Контракти. – 2008. – № 1. – С. 30-31.

10. Теличко, Р.К. Побудова автоматизованої системи фінансового планування на підприємстві // Економіка, фінанси, право. – 2011. – № 8. – С. 11-14.

11. Sintschenko V.V. Bilder von der wirtschaft im spätkapitalismus // *Kluczowe aspekty naukowej działalności*. Vol. 9. *Ekonomiczne nauki*. Przemysł: Nauka i studia, 2012. S. 50-61.

12. Stiglitz J.E. *Freefall: America, Free Markets, and the Sinking of the World Economy*. New York: W. W. Norton & Company, 2010. 443 p.

13. Toffler A. *The Adaptive Corporation*. Aldershot: Gower, 2010. 194 p.

ЧАСТЬ IV

ЛИЧНОСТЬ И ДУХОВНО-ЦЕННОСТНАЯ КОММУНИКАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА

Глава 1. Духовно-ценностная идентичность в интеграции векторов общественного развития и экономических моделей

Индустриальное общество пока еще не имеет механизмов, с помощью которых можно было бы избежать скатывания к конфликтам и тоталитарных режимов по окончании невозобновляемых ресурсов. Выживание глобализированной цивилизации представляется столь сложным, что достижение экономической и социальной стабильности, которая бы сопровождалась уважением к человеку, его правам и свободам, возможно сейчас, к сожалению, лишь в немногих социумах и в исторически очень короткие периоды [6, 81].

Речь идет, конечно, о коммунитарных механизмах и принципах в производственных и валютно-финансовых системах региональных группировок. Такой факт еще раз доказывает, что процесс глобализации не есть нечто авторитарное, а это историческая ступень развития цивилизации, общества – его объективная реальность [3, 39].

Существует некая довольно интересная и значимая закономерность: религия зачастую довольно сильно влияет на экономическую успешность социума и вообще детерминирует все векторы и парадигмы развития той или иной системы общества. Богатые по количеству капитала «верующие» в большинстве своем относятся к религиозно-общественным системам в следующей последовательности (по размеру капитала, уровня доходов и возможностей объема потребления на человека) – иудаизм (на первом месте), христианство, ислам, буддизм. В христианском мире наиболее финансово успешные – протестанты, католики – где-то посередине, а православные страны – в основном несколько более экономически отсталые и имеют больше бедных слоев населения. Феномен этот заметил и опробовал еще Макс Вебер и развил его в работе «Протестантская этика и дух капитализма». Ученого позже много критиковали, однако основа теории жива до сих пор: религия определяет экономическую идеологию общества. Попробуем применить этот тезис к современности.

Европейская Реформация пришла на помощь новому духу капитализма. Протестантизм начал посредством религиозного воспитания формировать социальные качества, которые позволяли людям успешно адаптироваться к новым экономическим условиям. Постепенно складывался такой тип сознания, при котором труд становился абсолютной ценностью. Этика частного бизнеса требовала усердия, тщательности, чувство меры, благоразумия. Протестантские течения баптистов, методистов и др. не ограни-

чивали стремление своих членов-капиталистов к наживе. Ведь предпринимательские успехи брата по секте поднимали ее престиж, а богатство, которое было достигнуто честным путем, свидетельствовало о высоких личных качествах человека, на которого снизошла благодать. Деловые успехи бизнесменов, участвовавших в деятельности сект, способствовали распространению их взглядов и обрядов.

Вебер воспринимал капитализм как триумф рациональности над традиционализмом. Ученый проанализировал экономическую статистику и заметил, что в европейских странах протестантские сообщества обычно богаче, чем католические. Это касается любой страны, где распространен протестантизм. В подавляющем большинстве это направление христианства исповедуют владельцы капитала, предприниматели и квалифицированные рабочие. Причина богатства последователей этого направления – в «духе капитализма», который, по мнению Вебера, базируется на протестантской концепции спасения. Среди протестантов, с их склонностью к «буржуазному» образу жизни, больше людей с техническим образованием. Вебер пытался объяснить этот феномен особым складом психики, который формируется еще на стадии раннего воспитания.

Вместо строгого монашеского аскетизма, который *ex cathedra* пропагандировал католицизм, протестанты делали упор на мирской аскезе, в которой важно самоограничение, а отвержение удовольствия – благо. Нажива становится целью, ее достижение показывает, что человек все делает «как надо» и укрепляет уверенность в собственном спасении. Спасение души выражается во внешнем, «мирском» успехе. Высшая задача в жизни – выполнение профессионального долга, а социальная и экономическая успешность показывает, что человек делает все правильно, Бог с ним и всячески ему помогает. Протестантизм с его рационалистическим мировоззрением способствует эффективной организации труда, в результате увеличивает финансовый успех. Обратная сторона – это потребительское отношение к другим людям, миру и природы.

Сегодня точку зрения Вебера подтверждает анализ протестантов Латинской Америки. Бедные, которые переходят из католицизма в протестантизм, поднимают материальный уровень своей жизни быстрее, чем католики. Правда, эта закономерность не действует на уровне среднего класса.

Духу капитализма и предпринимательства, который формировался в Европе, некоторое время противостояло традиционное мышление. В его представлениях коммерция выглядела как бесчестная игра, к которой относились с презрением. Жажда наживы оценивалась как аморальное свойство. Такие взгляды оказались достаточно устойчивыми. Во многом этому способствовали проявления буржуазного авантюризма, ориентированные на пренебрежение к моральным нормам. «Капиталистические авантюристы» вели себя, как правило, бесстыдно, проявляя определенную решимость и готовность быть колонизаторами, плантаторами, финансировать

морской разбой и военные конфликты, если только это обещало им прибыли [2, 82].

М. Вебер в своей теории не оправдывает темные стороны буржуазного предпринимательства. Вместе с тем, он рассматривает подобные проявления как единичные случаи, не имеющие принципиального значения. В целом Вебер считает «дух капитализма» глубоко положительным, потому что он дает возможность человеку проявить свои лучшие качества и способности. Особенно ярко это проявилось, с его точки зрения, в протестантских странах. Сама религия пришла тут на помощь предпринимательской этике в период формирования рыночной системы и капиталистических отношений. Еще во времена М. Лютера в протестантизме возникло и постепенно утвердилось представление об особой роли профессиональной деятельности человека. Эта деятельность рассматривается, прежде всего, как способ выполнить свой долг перед другими людьми, послужить Богу и таким образом обеспечить спасение своей души. Этот тезис существенно отличает протестантскую религиозно-нравственную систему взглядов от мировоззрения католицизма. То есть, если для католика труд является морально нейтральным, лишь способом поддержать физические силы, то профессиональные занятия протестанта оцениваются как служение Богу. Труд снимает с человека религиозный страх перед потусторонним миром и открывает его душе путь к спасению. Как считал М. Вебер, эта установка имела огромные последствия для развития западной цивилизации в Новое время, и, прежде всего, для протестантских стран.

Для протестанта тяжкий грех – это пустая трата времени. Ведь человеческая жизнь коротка и драгоценное время следует тратить, прежде всего, на производительный труд. Смысл жизни состоит не в бездумных развлечениях и наслаждении радостями существования, а в рационально организованной работе, которая, к тому же, является эффективным средством борьбы со всевозможными соблазнами.

Еще одним существенным подтверждением теории М. Вебера является противопоставление стран, в которых распространены преимущественно авраамические религии (христианство, ислам, иудаизм) и социумов, где распространены индуизм, буддизм или узко-национальные религии. В большинстве из таких стран отношение к миру и к природе совсем другое, лишённое рациональности протестантизма – люди меньше отделяют себя от природы, мира, меньшее значение придают материальному достатку, что, в конечном итоге и выражается в экономической отсталости.

Кстати, тезис о том, что безрелигиозное или атеистическое мировоззрение экономически эффективнее, чем религиозные, статистически не подтверждается: американские ученые посчитали, что люди, которые посещают церковные службы, достигают большего благосостояния, чем те, которые не посещают.

В Украине и России больше половины населения идентифицирует себя с православной верой. Протестантами считает себя четверть всех «верующих». Чего в свете приведенных теорий ожидать украинцам и россиянам? Протестантизм распространяется, хотя и быстро, но недостаточно быстро, чтобы в ближайшие годы сформировать в Украине прослойку экономически активного населения с эффективной профессиональной и накопительной этикой. Но после примера США непонятно, вообще «на благо» такая активность – извращенный рационализм, в который сублимируется подавленная протестантизмом сексуальность, постепенно приводит к вырождению протестантских идеалов. Традиционные М. Веберу протестантские социумы (ученого больше вдохновлял пример США) в новейших условиях легко изменили «аскетическую наживу» на «наживу для удовлетворения» и сделали «дух капитализма» опасным не только для других обществ, но и для самих себя.

Неэффективность, а зачастую и вредность для человечества и окружающей среды многих современных социально-экономических подходов заставляет все чаще прибегать к поискам разумных альтернатив. Они есть, но ими еще активно и глобально не пользуются – прежде всего, потому, что о них мало знают. Одна из таких альтернатив – модель «восстановительной экономики» Эрнста Шумахера, который доказал принципиальную «невыгодность» неконтролируемого масштабного индустриального производства еще в 50 гг. XX в. Шумахер опубликовал свой основной труд «Small is Beautiful: A Study of Economics as if People Mattered» («Красота малого: исследования экономики и ее значение для человека») в 1973 г. Работая экономическим советником премьер-министра Бирмы, Шумахер познакомился с буддизмом и попытался применить ценности и мировоззрение этой религии для создания модели экономики, способной на длительное стабильное развитие. Результаты своих исследований он изложил в эссе «Буддистская экономика» и нескольких других работах. Последователи и разработчики современных идей данного направления объединены, в частности, научно-исследовательскую и опытно-прикладную организацию «Общество Шумахера» (The EF Schumacher Society) и существующий при нем «Новый экономический институт» (New Economics Institute), целью которых является достижение экономически и экологически устойчивого общества. Идеи и прикладные модели представителей этого направления (в частности С. Валлиса, А. Зайонц, Г. Уотсон и пр.) с успехом применяются в странах разного типа и начали активно исследоваться в международных институтах и ООН для выработки новой эффективной стратегии мирового развития.

«Японское экономическое чудо» также прямо или косвенно впитало в себя идеи буддистской экономики, которая явно или неявно повлияла и усовершенствовала японскую трудовую этику, трудолюбие и методы управления. На японскую этику лояльности, занятости в течение всей жиз-

ни, совместного принятия решений, мозговой атаки, «Круга проверки качества» (QCC), «Полного качественного управления» (TQM), медитацию, постоянный самоконтроль и самосовершенствование, безусловно, повлияли дзэн-буддизм, философия Мадхьямика, буддистская философия взаимозависимого возникновения и идентичности (Hua Yen), элементы даосизма и конфуцианства. Шиничи Иноу (Shinichi Inoue) – один из тех оригинальных и уважаемых экономистов мира, которые пытаются объединить идеи буддистской философии с современной экономикой и управлением, основываясь на успешном опыте Японии в экономической модели, которую он сформировал в своей концепции «Буддистской экономики Японии». Его буддистская экономическая философия повлияла на японских экономистов, промышленников, предпринимателей, бизнесменов и корпоративных лидеров. Иноу работал в Токийском Банке, с 1975 г. он назначен президентом Банка «Миядзаки», он также глава «Фонда проповеди буддизма» и член Буддистского экономического научно-исследовательского института при Университете «Komazawa». Ш.Иноу развивает буддистскую идею «зависимого возникновения» (пали: *paticcasamuppada*; санскрит: *pratityasamutpada*) в терминах взаимосвязи людей, экономики и культуры. С этой идеей «Правильного Видения» (*sammaditthi*), он написал книгу по буддистской экономике, под названием «Буддизм в работе: Новый подход к управлению и бизнесу» [5]. Ш. Иноу также выдвинул теорию т.н. «Срединного Пути» буддистской экономики как «идеальной возможности» между капитализмом и социализмом – капитализм подчеркивает уважение к основным правам человека и частную собственность, тогда как социализм отстаивает равное распределение богатства. Сила капитализма – в свободном рынке и соревновании, которые дают реализовать потенциальную возможность предпринимателей. Его явный недостаток и дефект – эксплуатация «сильными и жадными» слабых для личного финансового и материального дохода. Преимущество социализма состоит в том, что правительство или государство контролирует и регулирует, в социальной защите, сборов и распределении богатства. Чрезмерные налогообложения способных предпринимателей и старательных работников в пользу малоспособных и ленивых препятствует индивидуальным инициативам и усердию. Это ограничивает развитие человеческого потенциала.

Экономическая буддистская модель Ш. Иноу стремится преодолеть эти крайности. Согласно Ш. Иноу, высокая польза стратегии развития экономики – это практика Срединного Пути, в которой идеи капитализма и социализма объединены. Такая экономическая модель известна под названием «буддистской смешанной экономики». Например, стратегия малайзийского правительства «Взгляд-на-Восток» заимствовала многие методы управления в японской буддистской экономической модели, идеи трудовой культуры Кореи и Японии, успешно развивая смешанную экономику, поднимая экономическую конкурентоспособность Малайзии и обеспечив ее

экономический рост в многонациональной и поликонфессиональной стране в условиях рисков фундаментализма, национализма и глобализации. Китай также динамично развивает данную смешанную экономику и уже зарекомендовал себя как один из мировых экономических сверхдержав.

Срединный Путь буддистской экономики гарантирует жизнеспособное развитие, не повреждая и не исчерпывая окружающую среду, не причиняя вреда человеческим ресурсам, т.е. механизм свободного рынка, конкуренция должны развиваться, не разрушая ни природы, ни человеческого общества. «Жизнеспособная экономика» должна быть справедливой и экологически безопасной. Буддизм, экономика и экология взаимосвязаны и взаимозависимы. Ш. Иноу определяет буддистскую экономику в терминах трех моделей, которые универсально приемлемы, поскольку они общие для всего мира и безвредные для окружающей среды. Это: 1) экономическая система, которая приносит пользу всем; 2) она защищает универсальные ценности терпимости и мира; 3) такая сохраняющая, сберегательная экономическая модель спасет землю от истощения и разрушения природных ресурсов [7, 109].

Традиционная «западная» экономика в основном оперирует товарами и деньгами, но мало интересуется окружающим миром, человеком и уровнем восстанавливаемости ресурсов. Цель типичного традиционного «западного» экономиста – получить максимум денег, сделав минимальные инвестиции. Традиционный экономист разрабатывает планы и прогнозы на период проекта, правительственной каденции или на время пребывания у власти определенной политической силы. Его не интересует длительное развитие, при котором все участники экономических отношений получают выгоду и удовлетворение потребностей. Экономика существует не сама по себе, а является деривативом от определения цели и смысла жизни, независимо от того, знает об этом конкретный экономист, или нет. С точки зрения современной западной экономической мысли привычнее измерять уровень жизни количеством потребленных за год товаров и услуг, считая, что человек, который потребляет больше, живет лучше, чем тот, кто потребляет меньше. Кроме того, современная экономическая западная наука в основном рассматривает потребление как единственную цель экономической активности, где средствами служат факторы производства: земля, труд и капитал.

Для «буддистской экономики» такой подход неразумен: ведь потребление – это всего лишь средство, а не цель, так что максимальное благополучие при минимальном потреблении и является реальным показателем лучшей жизни. Потребление товаров и владение ими – это всего лишь средства для оптимального развития. Буддистская экономика исследует то, как достичь целей, обладая минимальными средствами. Таким образом, буддистская экономика – это максимальное удовлетворение потребностей через оптимальное потребление, в то время как «западный» экономиче-

ский подход сориентирован на максимальное потребление с помощью оптимального производства. Очевидно, что следует приложить гораздо больше усилий для бесконечной гонки за максимальным потреблением, чем для поддержания нацеленного на оптимальное, не максимальное потребление, образа жизни.

С точки зрения буддизма, наиболее рациональная форма производства – это производство из местных ресурсов для удовлетворения местных потребностей. Цель – самообеспечение, а не производство избытка. «Экономический прогресс» необходим лишь для достижения самообеспечения. Развиваясь сверх этого, он приносит разрушение. Э. Шумахер напоминает, что назначение экономики – служить потребностям людей. Но в «реальной» экономике все наоборот – люди существуют для служения экономике. Производство товаров считается важнее, нежели люди, которые эти товары потребляют. Считается, что человек, который больше потребляет, имеет высший «стандарт жизни», чем тот, который потребляет меньше. Для «буддистского» экономиста такой подход, мягко говоря, «нерациональный»: потребление и потребительство – лишь формы человеческой деятельности (притом далеко не самые важные по сравнению с самореализацией, счастьем, здоровьем и бескорыстным служением другим). С точки зрения буддизма, рациональная цель звучала бы как «достижение максимального благосостояния при условии минимального потребления». Вместо наращивания потребления, Шумахер предлагает идею «полноты» – по его мнению, потребление не нужно стимулировать – наоборот, существующие потребности необходимо удовлетворить, а новых людям навязывать не следует [9,15].

С точки зрения буддизма человеческий труд преследует, как минимум, три цели. Прежде всего – это способ развивать свои способности. Как говорил Р. Хайнлайн, «специализация – удел насекомых»: автоматизация труда, когда работник завода, офиса, супермаркета месяцами и годами ежедневно повторяет одинаковые монотонные действия, все больше превращаясь в зомби-робота – неприемлема, ибо душит в человеке творческое начало. Во-вторых, работа помогает человеку преодолеть собственный эгоизм (одна из основных задач, которые буддизм ставит перед индивидом) через работу с другими над общим проектом. В-третьих, производство необходимых для достойного уровня жизни, качественных товаров и услуг. Если работодатель организует труд, пренебрегая этими целями, таким образом, когда труд теряет смысл, становится скучной или раздражает работников, он совершает едва не преступление. Для буддиста работа – это не то, чего следует избегать любой ценой, а благословение – конечно, если она происходит в условиях обеспечения прав и свобод человека. Работа и труд – не только процесс производства, она еще и имеет психологическую и «духовную» значимость, как отмечает тайский ученый П.А. Пайютто (P.A. Payutto) в книге «Буддистская экономика: Срединный путь для рын-

ка» [7, 11]. Это ясно даже для тех экономистов, которые считают, что экономический рост важнее любых ценностей.

Для «западной» экономики целью экономической активности является потребление. Ресурсами для достижения этой цели является земля, труд и капитал. Таким образом, буддистская экономика пытается максимально удовлетворять потребности путем оптимизации потребления, «западная» ориентируется на максимальное потребление с помощью оптимизации производства. Погоня за максимальным потреблением требует огромных усилий и ресурсов. Поддержание образа жизни, направленного на оптимальное потребление, требует меньших затрат.

Итак, индустриальное или «постиндустриальное» общество, основанное на экстенсивном использовании невозобновляемых ресурсов, не может существовать бесконечно долго. Возврат к локальным экономикам, основанным на местном производстве различного типа и сельском хозяйстве неизбежно. С этим трудно не согласиться теоретически, но пока ситуация не станет критической, большинство людей не воспримет этого мнения. Ныне стало очевидным, что человечеству необходимо прийти к более рациональной экономике, нежели та, которая используется сейчас. Увеличение потребления ведет, в конечном счете, в никуда. Возможно, разумнее увеличивать не потребление, а учиться достигать максимума удовольствия от минимума потребления? И принципиально производить только максимально качественные товары и услуги как на национальном, так и на региональном, континентальном и мировом уровнях производить только максимально качественные товары и услуги как на национальном, так и на региональном, континентальном и мировом уровнях.

Процесс регионализации экономики, на наш взгляд, несколько замедляет процесс широкомасштабной экспансионистской и экстенсивной глобализации, но это неотъемлемая и логичная фаза глобальности именно на этом витке развития, а на следующем уже будет объединение между межрегиональными глобальными группировками. Регион является меньшей моделью мира и именно здесь можно скорее достичь интернационализации, интеграции, либерализации, унификации, не посягая на национальную самобытность, выявить трудности, противоречия, споры, неприемлемые явления и тогда переходить к высшей ступени в глобальном мире, уже сотрудничая с укрупненными мировыми регионами-полисами.

Социальная деятельность любой Церкви осуществляется преимущественно по двум направлениям: благотворительная и образовательно-воспитательная деятельность. Образование и воспитание, в свою очередь, определяются как религиозные и сосредоточиваются в молодежной аудитории: в сфере организации молодежных движений, а также в школе и армии. Практически все религиозные организации создали соответствующие структуры (миссии) для реализации благотворительных проектов. Благотворительная деятельность осуществляется преимущественно в следую-

щих формах: отдых и оздоровление детей, помощь бедным; основания и содержание приютов, детских домов, домов престарелых, детских садов для детей-сирот, социально-реабилитационных центров; благотворительная деятельность в местах лишения свободы; оказания гуманитарной помощи тем, кто пострадал от стихийного бедствия и беженцам.

Кроме описанного прямого воздействия на накопление богатства, религия влияет еще и косвенно – через мотивирование к образованию (протестантизм), фертильность (католицизм, индуизм, ислам), отношение к выполнению женщинами «мужской» работы.

В свете современных достижений по изучению влияния религий на экономическое развитие складывается впечатление, что чем больше общество склонно к традиционализму (а это, прежде всего, определяется религией), тем меньше уровень инноваций, новых идей, и тем больше его устойчивость к изменениям. Среди самых протестантов более традиционалистские сообщества – беднее «мейнстрим». И наоборот, эксперименты в религиозной сфере могут выливаться в неожиданные экономические прорывы. Пример – мормоны, саентологи, в недалеком прошлом – Калифорния, которая, пережив бум «новой религиозности» в шестидесятые-семидесятые, смогла воплотить водоворот новых идей в невиданный технологическое развитие, в результате которого еще несколько лет назад Калифорния входила в десятку самых богатых мировых экономик. Впрочем, такие экономические прорывы не всегда бывают длительными или устойчивыми.

Теория М. Вебера прогнозирует странам, в которых доминирует традиционное православие, не очень привлекательное экономическое будущее. К таким странам относятся Греция, Украина, Россия, Грузия, Болгария, Армения, Сербия. Общества с сильными патриархальными традициями обречены на инфофобию, и, как следствие, на экономическое отставание.

Православие характерно для восточных народов, которые на протяжении многих веков существовали в условиях аграрного хозяйства со слабым промышленным и банковским капитализмом. Сельский труд на лоне природы способствовала оживлению религиозных чувств людей. Она давала возможность человеку чувствовать свою причастность к природно-космическому миру. Собирая плоды своего труда, насыщаясь ими, человек считал, что она строит собственное тело с той же космической материи, которая составляет основу всего существующего. Труд предстал как дело, одобряемое Богом, а предпринимательство – наоборот. Извлечение денег посредством коммерции, организация промышленного производства по капиталистическим типам не способствовали спасению души. Отсюда распространенность в России пожертвований на монастыри, соборы, в церковную казну от купцов и предпринимателей. Эти деньги, в знак раскаяния, должны, наконец, послужить спасению души того, кто вносил пожертвование.

Для православных (особенно в Украине и России, куда православие пришло в варианте аскетического византийского монашества) характерна «негативная» хозяйственная этика. Закрепилась она через неявное пренебрежение к материальному и тенденцию предубеждения к богатству и к труду, как к необходимому злу. Православные церкви об этой проблеме знают. В РПЦ даже придумали контртеорию, согласно которой экономическое отставание православных социумов (по крайней мере, тех, в которых распространен русский вариант православия) – временное. По этой теории, они догонят и обгонят протестантскую Америку на следующем этапе – «постиндустриального социального капитализма» [4]. Впрочем, что это значит и как должно происходить переход в «социальный капитализм» с православной идеологией, авторы теории не сообщают, ограничиваясь туманными общими фразами, подобными риторике построения коммунизма в светлом будущем. Чем лишний раз подтверждают обусловленность традиционалистским мышлением.

Определенное преимущество православия, как одного из факторов формирования экономического мировоззрения, заключается в том, что, тормозя развитие и инновации, оно дает устойчивость и выносливость к внешним воздействиям – как положительных, так и отрицательных. В российской социальной философии исследование, подобное веберовскому, но относительно взаимоотношений православных религиозно-нравственных норм и экономики, осуществил С. Булгаков. С. Булгаков рассматривает человека в двух аспектах – как человека духовное (религиозное) и как человека экономического. В человеческой душе устанавливаются те или иные связи между религиозно-нравственными ценностями и экономической деятельностью. Так возникли три христианские типа экономического человека – католический, протестантский и православный [1,124]. Для православного сознания труд является формой христианского послушания ради спасения души. Она может осуществляться как в монастыре, так и в условиях мирской жизни.

Период становления церковно-государственных отношений в России и Украине практически завершается. Образованы институты, координирующие отношения между Церковью и государством. Отношения между Церковью и государством приобретают характер равноправного диалога. В то же время практика церковно-религиозной жизни свидетельствует и ряд негативных моментов в отношениях между Церковью и государством. Принцип отделения религиозных общественных объединений, Церкви от государства предполагает их взаимное невмешательство в компетенцию друг друга: государства – в вопросы вероучения, культа, внутреннего устройства Церкви, включая решение кадровых вопросов; Церкви – в деятельность государственных структур, в т.ч. в области обеспечения права человека на свободу совести. Приоритет прав человека на свободу совести предполагает их главенство над правами Церкви (как института) на определенную ус-

тавом деятельность. Из этого вытекают три основных принципа взаимодействия Церкви и государства. Во-первых, ни одна Церковь не может претендовать на особое положение, а государство должно соблюдать принцип равенства Церквей. Во-вторых, государство обязано обеспечить возможность осуществления религиозными организациями их мистических функций (решить правовые, имущественные и другие вопросы, входящие в ее компетенции). В-третьих, государство обязано вмешаться, если речь идет о нарушении прав человека в религиозной практике Церкви (обеспечение защиты от деструктивного психологического воздействия, недопущение межрелигиозной вражды или противостояния между верующими и неверующими).

Литература

1. Булгаков, С.Н. Философия хозяйства [Текст] / С.Н. Булгаков. – М.: Наука, 1990. – 412 с.
2. Вебер, М. Избранные произведения [Текст] / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990. 808 с.
3. Зинченко, В.В. Регионализация общественно-экономического развития в современных тенденциях глобализации [Текст] / В.В. Зинченко // Конкурентный потенциал региона: оценка и эффективность использования: сб. ст. – Абакан: Изд-во ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», 2011. – 280 с. – С. 38-41.
4. Холмогоров, Е.Православная этика и дух «социального капитализма» [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.rus-obr.ru/idea/7352>
5. Inoue Sh. Putting Buddhism to Work: A New Approach to Management and Business. Tokyo: Kodansha International (JPN); 1st edition, 1997. 176 p.
6. Kurz R. Kollaps der Modernisierung: vom Zusammenbruch des Kasernensozialismus zur Krise der Weltökonomie. Frankfurt am Main : Eichborn, 2001. 288 s.
7. Payutto P. A. Buddhist Economics: A Middle Way for the Market Place. Badger: Torchlight Publishing, 1996. 99 p.
8. Schumacher E. F. Small is beautiful: a study of economics as if people. London: Vintage, 1993. XI. 259 p.
9. Schumacher E.F. This I Believe, and Other Essays. Hartland: Resurgence Books, an imprint of Green Books; Revised edition, 1998. 224 p.

Глава 2. Религиозные структуры в системе формирования институтов гражданского общества

В развитии институтов гражданского общества и эффективной для большинства населения экономики и соответствующей хозяйственной системы необходимо рассмотрение вопросов качественного обеспечения вопросов ценностной интеграции духовных доктрин и деятельности религиозных организаций и объединений в систему общественного развития. Поэтому в этом контексте нужно проанализировать отношения Церкви (т.е. религиозных структур в целом) с институтами общества, государственными учреждениями, осветить экономические учения, политические и социальные аспекты деятельности Церкви.

Церковь отделена от государства, но не отделена от народа, от общества. Сегодня между государством и Церковью в таких постсоветских странах как Россия и Украина впервые за долгий период времени складываются отношения мирного сосуществования и взаимопонимания, и поэтому надо осознать, что каждое неосторожное слово, сказанное с амвона, с проповеднической кафедры в адрес тех или иных властных структур, может привести к ухудшению этих отношений. Вместе с тем, Церковь не может быть безучастным наблюдателем в ситуации, когда государственная власть преступает определенную черту, например, в случае совершения «грехов, вызывающих к небу о мести», или способствует совершению таких грехов, как в частности, ущемления бедных, вдов, сирот, несвоевременная выплата заработной платы, пенсий. В таком случае Церковь как фактор гражданского правового развития должна стать на защиту униженных, оскорбленных, призывает власти достойно и добросовестно выполнять свои главные обязанности в отношении граждан государства.

Церкви иногда привлекаются к поддержке кандидатов на парламентских и президентских выборах. С другой стороны, Церкви обращаются к власти в поисках поддержки своих позиций в межконфессиональном противостоянии. Можно наблюдать соперничество Церквей за право представительства (участия) в массовых государственных и общественных мероприятиях, официальных событиях, за духовную опеку над учреждениями культуры, образования, военными структурами. «Нормой» отношений между Церквами и властью уже стало взаимное награждение почетными наградами и знаками. Такая практика не всегда одобрительно воспринимается общественностью, что не способствует повышению авторитета Церквей и их лидеров. Непосредственное участие священнослужителей в выборах в качестве кандидатов в президенты или депутатов Советов различных уровней Церковью не должно одобряться, поскольку служение на выборной должности делает невозможным полноценное выполнение ими иерейской, пастырской миссии. Церковь должна быть против участия архиереев и духовенства в работе парламента, местных советов и исполнительной власти всех уровней – от Кабинета Министров до сельских советов. Во-первых, потому, что церковные каноны за-

прещают смешивать, заменять, сочетать светскую и церковную власть. Во-вторых, архиереи и священники не являются профессионалами в области государственного и административного управления.

Церковь не может иметь своих интересов в государственных структурах и пользоваться услугами лобби. Определяющим является другое: депутат – это избранник народа. Он должен служить не политической партии, объединению, движению, какое бы красивое название они не носили. Он обязан служить народу, быть для него слугой. Поэтому Церковь должна принципиально не вмешиваться в политический процесс. Церковь не должна связывать себя ни с каким общественным или государственным строем, ни с какой политической силой. Она – должна быть над «правым» и «левым». Церковь не должна участвовать в политической борьбе, не должна призывать голосовать за ту или иную партию, не отождествлять себя с партийными, т.е. частными интересами. Но это не означает, что в Церкви вообще нет собственной позиции по политическим вопросам, что ей нечего сказать политикам, а православным людям нечего делать в политической жизни.

Попытки втянуть Церковь в политическую борьбу или оперировать лозунгами «защиты» Церкви со стороны отдельных объединений считаем неприемлемым. Нынешнее отношение светской власти к Церкви (религиозным объединениям) во многом остается потребительским. Чиновничий аппарат, прежде всего, интересуют голоса верующих на выборах. Со своей стороны, политики и партии должны действовать в рамках своей компетенции и не стараться замещать Церковь в ее функциях.

Деятельность религиозных организаций (как юридических лиц), межконфессиональные и церковно-государственные правоотношения регулируются Конституцией Украины (ст. 35) и Законом Украины «О свободе совести и религиозных организациях». Отдельные вопросы, связанные с деятельностью религиозных организаций и осуществлением гражданами права на свободу совести, нормируются другими законодательными актами.

Например, действующее законодательство Украины по вопросам обеспечения свободы совести имеет в целом демократический характер и соответствует нормам международного права, в частности Всеобщей декларации прав человека, Международному пакту о гражданских и политических правах, рекомендациям Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 190 (1995) [6, 68].

В то же время практика межцерковных отношений, осуществления гражданами права на свободу совести в условиях распространения новейших религиозных течений свидетельствуют о том, что действующее законодательство не в полной мере учитывает современные реалии церковно-религиозной жизни, противоречия, возникающие в поле межцерковных отношений, а также последствия воздействия на граждан некоторых деструктивных религиозных новообразований.

Непризнание Церквей, имеющих иерархическое строение, в качестве самостоятельных субъектов правоотношений. Это не только противоречит

внутренним предписаниям иерархизированных Церквей, но и усложняет управление общинами со стороны высших церковных органов, делает практически беспрепятственную смену общинами подчинения тому или иному религиозному центру, что вызывает межконфессиональное напряжение. Между тем, при условии признания Церкви целостным и самостоятельным субъектом правоотношений высший орган управления Церковью брал на себя всю полноту ответственности за деятельность составляющих своей структуры. Это позволило бы избежать вмешательства государства во внутренние организационные дела Церкви.

Закон был принят 23 апреля 1991 г. В течение 1992-1995 гг. в него были внесены ряд изменений и дополнений. Удовлетворение религиозных потребностей военнослужащих регулируются Законом Украины «О социальной и правовой защите военнослужащих и членов их семей», выполнение воинского долга верующими некоторых религиозных направлений – Закон Украины «Об альтернативной (невоенной) службе»; характер образования в учебных заведениях, созданных религиозными организациями – Закон Украины «Об образовании» [4, 123].

Согласно действующему украинскому законодательству, юридическими лицами считаются религиозные общины, а также другие структурные подразделения Церквей. Церкви же рассматриваются как объединение религиозных организаций и как таковые – юридическими лицами не признаются. Законодатель не различает религиозные организации, имеющие иерархическое строение – а именно к таким организациям относятся численные Церкви Украины (православные, греко-католическая и католическая) и религиозные образования преимущественно протестантских направлений, в которых каждая община может существовать автономно.

Категорически против предложения о признании иерархизированных Церквей юридическими лицами высказались представители только одной иерархизированной Церкви – УПЦ-КП (Украинской православной церкви - Киевского Патриархата). Вмешательство государства в решение вопросов поочередного использования культовых зданий, законодательно закреплено в 1993 г. дополнением в Закон Украины «О свободе совести и религиозных организациях». Это было сделано ввиду недостаточного обеспечения религиозных общин культовыми зданиями. Закон позволяет фактически принудительное внедрение очередности в использовании культовых сооружений, находящихся в государственной собственности, причем – по решению местных органов власти. Опыт поочередного пользования культовыми зданиями показал его конфликтный характер. Поочередные служения нередко используются как возможность для захвата храма одной из общин, к которой, как правило, благосклонны местные власти. Отказ же от поочередного служения может быть использован для снятия религиозной общины с регистрации – как таковой, что не выполняет законные распоряжения органов власти.

Считаем, что поочередное использование культовых сооружений и имущества следует признать внутренним делом Церкви, оно должно применяться исключительно по обоюдному согласию религиозных организаций без какого-либо вмешательства государственных структур [1, 36].

Действующее законодательство не нормирует массовую пропаганду учений и религиозной практики новейших религиозных движений, которые распространяются в Украине. Несмотря на опыт судебного процесса над руководителями «Белого братства», который признал факт деструктивного влияния на психическое здоровье человека религиозной практики этого новообразования, подобные ситуации не предусмотрены принятым в 1999 г. Законом Украины «О психиатрической помощи», а законопроект о психологической защите граждан от деструктивных воздействий до сих пор не разработан. Остается официально не определенным и характер «массовых исцелений», которые являются элементом религиозной практики некоторых новейших религиозных группировок. Между тем, активные дискуссии по этому поводу в СМИ и противоречивость общественного мнения требующие от государственных структур соответствующей реакции.

По результатам нескольких исследований [5], 59,6% опрошенных негативно относятся к деятельности зарубежных проповедников неорелигиозных направлений; 43,5% – считают такую деятельность мошенничеством, что приносит его организаторам материальную выгоду; 23,2% – убеждены, что пропаганда «массовых исцелений» чрезвычайно вредна, поскольку многим людям внушается надежда на чудо, они не лечатся и тем самым рискуют своим здоровьем, а иногда – и жизнью. Почти 14% опрошенных уверены, что массовые проповеди с демонстрацией исцелений оказывают негативное влияние на психическое здоровье человека. При этом только четверть (25,8%) граждан из этой группы респондентов считают, что деятельность проповедников не следует запрещать, поскольку люди должны иметь право выбора и сами отвечать за его последствия; почти половина считают, что подобная деятельность должна быть запрещена законом. Почти 40% от всех опрошенных уверены, что религиозная пропаганда в электронных СМИ должна быть запрещена, а все религиозные проповеди и обряды должны происходить только в культовых помещениях и не транслироваться на массовую аудиторию.

Для защиты граждан от деструктивного влияния религиозной практики отдельных новейших религиозных течений необходимо разработать законопроект о психологической защите граждан. Целесообразно также создать государственную научно-исследовательскую структуру для изучения влияния новейших религиозных практик на здоровье человека и информирование общественности о возможных угрозах.

Существует тенденция к формированию «регионального законодательства» в отношении религиозных организаций. Некоторые местные органы власти занимают предвзятую позицию и поддерживают определенные конфессии в ущерб другим, например, в вопросах регистрации религиоз-

ных общин или изменения ими подчинения; отвода земельных участков для строительства храмов, предоставление льгот в налогообложении (в части местных налогов). Такие действия власти свидетельствуют о неопределенности отдельных положений действующего законодательства о свободе совести, что допускает их неоднозначное трактование, а также о нарушении закона представителями местной власти.

Затягивается возвращение религиозным организациям культовых зданий и имущества. Известны факты невыполнения распоряжений о возвращении Церкви культовых сооружений, используются не по назначению. Не пришло правового обеспечения вопрос реституции – возвращение Церкви земельных угодий и недвижимого имущества. Остается нерешенным вопрос признания государством богословского образования. Порядок аттестации духовных учебных заведений еще не разработан, поэтому государственные органы фактически не признают документы о высшем и среднем богословском образовании (хотя для светских ВУЗов уже существует лицензированная и аккредитованная государством специальность «Теология»). Это исключает профессиональную работу специалистов-богословов в государственных учреждениях и, как следствие, сужает возможности религиозных организаций в подготовке кадров.

Государство должно обеспечить неуклонное (и беспристрастное) соблюдение действующего законодательства, регулирующего деятельность религиозных организаций, и сделать невозможным нарушение законов органами государственной власти в регионах. Например, в Украине государство ушло отрицательную позицию части православных верующих, когда около 52 тыс. граждан подали заявления об отказе от получения идентификационных налоговых номеров по религиозным мотивам.

Есть отдельные каноны, которые прямо запрещают священнослужителям выполнения определенных общественных полномочий. Однако, есть в новейшей истории пример, когда глава Поместной Православной Церкви, архиепископ Макарий, был некоторое время даже Президентом Республики Кипр. Правда, именно Церковь достаточно критически относится к его опыту. Они реализуют свою личную свободу выбора, защищают на поле политики христианские ценности, не имея монопольного права представлять Церковь.

Уровень компетентности и корректности политических партий христианского спектра слишком разный, чтобы оценивать их в целом. Появление таких партий закономерно. Но осознание ими своего положения относительно Церкви часто заслуживает критики. Некоторые из лидеров таких партий временами бывал не прочь подменить Церковь или решать партийными методами чисто церковные дела (скажем, то же перманентно присутствующее в украинской религиозной и, одновременно, политической жизни, дело объединения Церквей – формирование единой Поместной православной церкви). Не раз роль церкви не прочь были бы свести к декоративной присутствию высшего иерарха на партийном форуме как обычного статиста.

Политическое разделение общества – характерная черта этапа трансформации. На этом этапе стабилизирующую роль может играть Церковь, поскольку она имеет значительный моральный авторитет и высокий уровень общественного доверия [8, 112].

Любая церковь должна реализовывать свою социально-активную деятельность, прежде всего, в следующих сферах:

- отдых и оздоровление детей, в первую очередь детей-сирот, детей из малообеспеченных семей и тех, которые пострадали вследствие аварии на ЧАЭС, для детей из малообеспеченных семей.

- помощь бедным. Во всех областных и большинстве районных центров и крупных населенных пунктах действуют созданные при религиозных организациях благотворительные столовые.

- основание и содержание приютов, детских домов, домов престарелых, инвалидов.

Но, в отличие от посткоммунистических стран, где в период демократизации и «бархатных революций» Церковь играла консолидирующую роль, в Украине политические разделения сопровождались и усиливались церковно-религиозными. Вокруг Церкви группировались политические и общественные структуры, которые имели различные позиции относительно того, какой должна быть независимая Украина. В основе деления лежали два вопроса: национальный характер государства (Украина должна быть государством титульной или политической нации?) И ее геополитические приоритеты (ориентация на Запад или же на тесные связи со странами СНГ?). Сторонники национального государства, ориентированные на Запад, активно поддерживали восстановление УГКЦ (Украинской грекокатолической церкви), УАПЦ (Украинской автокефальной православной церкви), позже – образование УПЦ КП. Поэтому эти Церкви пользуются поддержкой большинства национально-либеральных, патриотических, национально-либеральных, правых, праворадикальных и некоторых правоцентристских партий. В поддержку УПЦ КП ориентированы и аналогичного типа общественно-церковные организации, например, объединение «В защиту украинского православия».

Как, а) патриоты-государственники и, одновременно, либералы классического европейского типа и европоцентричного вектора (например, новоизбранные Президент Украины П. Порошенко и городской голова Киева В. Кличко), так и б) оппоненты идеи национального государства и/или прозападного курса Украины, сплотились в основном вокруг УПЦ (Московского Патриархата). Однако, в этой церкви существует аналогичные противоположные геополитические течения, что и объясняет группирование вокруг нее столь различных политических сил (с конца 2013 – начала 2014 гг. стала весомо доминировать патриотично-проукраинская группа, имеющая большинство в Синоде, поддерживаемая предстоятелем, митрополитом Владимиром и назначившая на период его болезни четкого пат-

риотичного государственника – митрополита Онуфрия, который занял крайне негативную позицию по отношению к руководству РФ в период нынешнего кризиса российско-украинских отношений и тех иерархов Московской патриархии РПЦ, которые прямо или опосредованно поддерживали фактический переход контроля над Крымом от Украины к РФ или вмешательство во внутреннеукраинские события).

Несмотря на довольно тесные связи церквей с определенными политическими силами и властью, влияние Церкви в целом на политику и на политические ориентации граждан является весьма ограниченным. Об этом свидетельствуют, в частности, результаты избирательных кампаний. В выборах на постсоветском пространстве неоднократно участвовали партии и блоки, которые декларировали в своих названиях приверженность к определенной религии, а в своих программах – обязательство осуществлять государственную политику на ее принципах. Однако вместе эти структуры не набирали даже необходимых процентов голосов избирателей. В общем, противостояние Церквей с привлечением политических факторов не влечет существенных политических возмущений, поскольку в целом влияние Церкви на политические убеждения населения незначительно [3, 41].

Баллотирование представителей Церкви в высшие и местные органы власти считаем недопустимым, ведь это – проявление теократии. В случае избрания он должен оставить свое служение, сан, снять священнические ризы и ни в коем случае не выступать от имени Церкви. «Двум господам служить нельзя», – говорится в Библии: не к лицу также Церкви и ее руководству поддерживать на выборах какую-либо политическую партию, или же отдельных представителей, которые выставляют свою принадлежность к ней. Кандидаты же в Президенты вообще должны быть беспартийными, чтобы быть одинаково доступными и приемлемыми для всех людей.

Находясь вне власти и вне политики, архиереи и духовенство ни в коем случае не должны участвовать в агитационных кампаниях за те или иные политические партии, за тех или иных кандидатов в парламент, в местные советы и на пост Президента, а также не должны давать рекомендаций, как отвечать на вопросы референдумов [9, 65]. Но это лишь одна сторона медали. Другая сторона медали следует из того, что Церковь во всех ее структурах действует на территории определенного государства, и все ее части – от предстоятеля к мирянину – являются членами общества, следовательно, электоратом. И здесь Церковь как совокупность граждан «вправе иметь право» на свое мнение: какие политики и политические группировки выступают за добро, а какие – против добра.

Основополагающими конституционными принципами государственно-церковных отношений в цивилизованных странах, а также в транзитивных России и Украине является отделение Церкви, религиозных организаций от государства и приоритет прав человека. Обеспечение права граждан на свободу совести приводит сотрудничество государства и Церкви в области религиозного образования (государственное признание религиозного обра-

зования как профессиональной, обеспечение условий для религиозного образования и воспитания). Учитывая конституционное закрепление принципа отделения Церкви от государства, сотрудничество государства и Церкви в области благотворительности и морально-нравственного воспитания населения может осуществляться исключительно на принципах доброй воли, соблюдения законодательства и общественной поддержке.

Литература

1. Зінченко В.В. Інституалізація демократичного самоуправління в контексті розвитку громадянського суспільства в Україні // Віче. Журнал Верховної Ради України. 2009. № 19. С. 34-37.

2. Зинченко, В.В. Институциональные трансформации мирового глобализма и альтернатива общественно-экономического развития в модели демархического делиберативного менеджмента [Текст] / В.В. Зинченко // Социальные проблемы общества в свете научного и религиозного знания: сб. ст. – Заокский: ЗДА, 2012. 183 с. С. 122-126.

3. Зінченко В.В. Мировоззренческая и религиозная идентичность в векторах развития социально-экономических моделей // Актуальні питання філософсько-релігієзнавчих наук: реалії та тенденції в умовах міжкультурного діалогу. – К.: Міленіум, 2014. – 114 с. – С. 33-43.

4. Оніщенко Н.М. Правова система: Проблеми теорії і методології. – К.: НАН України. Ін-т держави і права ім. В.М. Корецького, 2002. – 352 с. – С. 123.

5. См.: Участь громадян у прийнятті державних рішень. Партнерська взаємодія влади і громадських інститутів в Україні: загальна методологія запровадження, міжнародний досвід / Український незалежний центр політичних досліджень: За заг. ред. І. Попова. К., 2006. 32 с.; Терзи Е.А. Интеграционное право как результат правообразовательно-правотворческой деятельности // Європейські студії і право. Електронне наукове видання. № 2. 2011. [Електронний ресурс] / Е.А. Терзи. режим доступу: http://archive.nbuv.gov.ua/e-journals/esp/2011_2/txts/11teappa; Розробка регіональних цільових програм сприяння розвитку громадянського суспільства / Укр. незалеж. центр політ. дослідж.: А.О. Красносільська, М.В. Лациба. К.: Агентство «Україна», 2012. 88 с.

6. Brugger W. Liberalismus, Pluralismus, Kommunitarismus. Studien zur Legitimation des Grundgesetzes. Berlin: Duncker / Humblot, 2011. 393 s. S. 68.

7. Foerster H. von. Das Konstruieren einer Wirklichkeit // Die erfundene Wirklichkeit. München: Piper, 2004. 140 s.

8. Miller S. Das Problem der Freiheit im Rechtsstaat. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1994. 250 s.

9. Vaassen B. Die narrative Gestalt(ung) der Wirklichkeit. Grundlinien einer postmodern orientierten Epistemologie der Sozialwissenschaften. Braunschweig. Wiesbaden: Vieweg, 1996. S. 63-69.

Глава 3. Идеино-ценностные и философско-педагогические основы духовно-физического развития личности

Стоит ли напоминать, что достижения в обществе определяются духовными качествами человека? В связи с этим любая профессиональная подготовка и особенно подготовка учителя требует высокого уровня духовности, активного усвоения норм и ценностей культуры, а это возможно главным образом в процессе общения, духовного контакта, субъективно-объективного взаимодействия. Решению такой задачи как раз и способствует специфика преподавания философии, ведь философия является не просто системой знаний, а особым родом знания, что предполагает, прежде всего, общение, духовное сопереживание, восприятие и осмысление чужого опыта. Она требует не так работы с учебником, как обработки первоисточников, их осмысления и обсуждения, что ведет к развитию рефлексии, критического мышления, способности к отбору идеалов и ценностей, которые помогают личности строить и реализовывать свою жизнь.

Философия открывает человеку бесконечный путь к самопознанию, развивает творческое мышление, умение полемизировать и давать глубокий анализ культурно-историческим явлениям, способность к взаимопониманию и общению с другими людьми.

Поэтому в подготовке будущего гражданина, преподавателя, педагога, формировании его профессиональной компетентности, наряду с профильными дисциплинами, не менее важную роль играют и дисциплины философского направления. Изучение философии дает возможность будущему специалисту связать свои знания с общими представлениями о мире и месте человека в нем, осознать человеческий смысл его профессиональной деятельности [3].

Изменения, происходящие в современном обществе, актуализируют поиск создания и упрочения образцов духовности, что в свою очередь предопределяет создание новой концепции развития системы образования. В этом контексте присоединения стран к Болонскому процессу является одним из направлений реформирования отечественного образования, что делает не только вхождение ее в европейское культурно-образовательное пространство, но и расширяет поле для заимствования и распространения достижений теории и практики деятельности и развития образовательной сферы стран Западной Европы. Было бы преувеличением говорить о полном осмыслении и внедрении принципов Европейской кредитно-модульной системы, но некоторый опыт уже накоплен и есть возможность поделиться размышлениями и о процессах и их вероятных последствиях для стран и обществ транзитивного (переходного) типа.

Практическая реализация социального заказа общества на подготовку специалистов предусматривает наличие информации об условиях формирования у студентов высших учебных заведений основ профессионального

мастерства, общих и специальных знаний, умений, профессионально-значимых качеств и оптимального состояния здоровья. В этом аспекте процесс подготовки педагога-предметника к работе со студентами нужно рассматривать не только как педагогический инструмент для определения путей совершенствования профессионального становления будущих специалистов, но и как улучшение общего состояния комплексной физической духовной культуры подрастающего поколения [1]. Однако для серьезных изменений мало провозгласить новый лозунг, следует взвешенно подойти к данной проблеме, проанализировать промахи и иллюзии. Реформа системы образования будет иметь позитивные последствия, если исходить из реального положения дел и потребностей общества в целом и в образовательной сфере в частности, учитывать национальные и мировые процессы, а также принимать во внимание духовно-ментальные основы бытия собственного народа. Вспоминая слова Великого Кобзаря – Т.Г. Шевченко – «чужому научайтесь и своего не забывайте», следует понимать, что Болонский процесс не является панацеей от болезней украинского образования, равно как и то, что механическое подражание чужих образцов никогда не давало плодотворных результатов. В этом контексте привлекает внимание такой факт: с одной стороны присоединения Украины к Болонскому процессу унифицирует международные нормы, в целом соответствует потребностям человечества.

Современный молодой человек, заинтересованный в том, чтобы получить высокопрофессиональное образование, которое давало бы ему возможность конкурировать на мировом рынке труда. Но с другой стороны, такая унификация нивелирует духовные основы, поддерживающие социокультурную целостность, свою идентичность, принадлежность к определенным культурным корням.

Не секрет, что на современном этапе Запад является образцом обеспечения условий и удобств жизни, но в поисках смысла жизни он нередко обращается к Востоку. Учитывая это реформирование и развитие отечественного образования, вхождение в Зону европейского высшего образования должно осуществляться с учетом сохранности и распространения ценностных измерений украинской культуры, что в свою очередь формирует новую генерацию специалистов социально-гуманитарной сферы.

Педагогическая культура является частью общечеловеческой культуры. В ней воплощены духовные ценности образования и воспитания (педагогические знания, теории, концепции, накопленный педагогический опыт, профессиональные этические нормы) и материальные (средства обучения и воспитания), а также способы творческой педагогической деятельности, которые служат социализации личности в конкретных исторических условиях.

Педагогическая культура преподавателя является системным образованием. Ее главными структурными компонентами являются: педагогические ценности, творческие способы педагогической деятельности, опыт

создания преподавателем образцов педагогической практики с позиций гуманизма. Показателями высокого уровня сформированности педагогической культуры следует считать:

- гуманистическую направленность личности педагога;
- психолого-педагогическую компетентность и развитое педагогическое мышление;
- образованность в области предмета, который преподается, и владение педагогическими технологиями;
- опыт творческой деятельности, умение обосновать собственную педагогическую деятельность как систему (дидактическую, воспитательную, методическую);
- культуру профессионального поведения (педагогического общения, языка, внешнего вида).

Стоит отметить, что существует только общее определение педагогической культуры, как качества личности, вобравшая в себя часть общечеловеческой культуры. Главная роль в ней принадлежит таким показателям общей культуры, как умение устанавливать контакты с людьми, знание эстетических норм поведения, культура речи [5, 3]. В структуре культуры будущего специалиста особое место должна занимать культура общения. Низкий уровень культуры педагогического общения нередко становится причиной конфликтных ситуаций, падение дисциплины, снижение успеваемости. Общение – процесс взаимодействия общественных субъектов: социальных групп или лиц, в котором происходит обмен информацией, опытом, способностями и результатами деятельности. Специфика делового общения обусловлена тем, что оно возникает на основе и по поводу определенного вида деятельности и не является самоцелью, а служит средством для достижения каких-либо других целей.

Культура поведения выражает моральные требования общества, закрепленные в нормах, принципах, идеалах закона. И хотя наше время постоянно направляется в сторону упрощения манер и правил поведения, однако до сих пор большое значение имеет овладение «кодексом вежливости». Ведь через свою учтивость мы ничего не теряем, наоборот, люди к нам относятся с уважением и почетом. Манеры педагога – это внешняя форма его поведения в социуме: ученических, студенческих, научных и преподавательских коллективах. Чем совершеннее эти манеры, тем больше сила их воспитательного воздействия.

Во все времена существования человечества вопрос о том, что такое здоровье (неразрывно – и духовное, и физическое), был одним из краеугольных. Об этом свидетельствует хотя бы такой факт: поговорок и пословиц о ценности здоровья в языках всех народов мира множество и практически все они по своей сути одинаковы, хотя и раскрывают различные его признаки. Научных определений здоровья тоже уже существует достаточно много, и, наверное, их количество будет увеличиваться. Все

это можно объяснить тем, что очень сложное это понятие – здоровье, да и сам человек как феномен чрезвычайно сложен, многомерен и до конца не познан. Поэтому и здоровье – одна из основных характеристик человека – тоже многогранно. Каждый человек понимает его по-своему. Как понять себя, найти свое место в окружающем мире, не притесняя, не подавляя в нем ближних своих, сохранить и укрепить свое здоровье, чтобы жить долго, радостно и счастливо, да еще и сделать так, чтобы и потомки вспоминали добрым словом? На многие из этих и других вопросов и дает ответ валеология. Слово «валеология» происходит от латинского слова «vale» – «быть здоровым» и греческого «logos» – «наука, учение» [2, 3].

Изучали здоровье человека раньше? Конечно. Издавна оно ценилось как самое дорогое сокровище, поэтому и почиталось. Тысячелетний народный опыт – первые собрания валеологической мудрости. Специальное изучение здоровья человека начали еще философы древности, а затем медики, которые в то время на первое место в своей деятельности ставили именно сохранение здоровья, а уже на второе – лечение больного человека. Великий мыслитель и врач Древней Греции Гиппократ, которого называют «отцом медицины», наставлял своих пациентов: «Если вы заболели, измените питание. Если это не помогло, измените образ жизни. Когда и это не помогло, тогда обращайтесь к врачу. «Он учил, что когда человек живет и развивается в гармонии с природой, он будет здоровым, а нарушение законов природы приводит к болезням. Подобные мнения высказывали и гениальный врач и философ Авиценна, который утверждал: «Главным сокровищем жизни является не земли, что ты завоевал, не богатство, что у тебя в сундуках ... Главным сокровищем жизни является здоровье, и чтобы его сохранить, нужно многое знать».

С развитием различных отраслей знаний, особенно научных, стало много известно о природе человека, строении и функции его организма, пределы его возможностей, влияние на здоровье человека различных факторов окружающей среды. Многие отрасли знаний таких, как биология, генетика, экология, философия, антропология и особенно медицина, получили и систематизировали отдельные знания о здоровье человека.

Но все современные науки имеют свой определенное специфическое направление поисков. Поэтому здоровье человека для всех отраслей знаний побочный, так сказать, «продукт производства». Надо согласиться с тем, что организация учебного процесса при кредитно-модульной системе обучения имеет большие перспективы, но требует глубокого изучения ее возможностей для рационального внедрения в педагогический процесс, чтобы излишне не загружать как студентов, так и преподавателей, оставляя им определенное свободное время для семьи и отдыха, культурного роста, собственных увлечений. Ориентируясь в основах валеологии, мы сможем помочь молодежи и самим себе успешно овладеть знаниями, а, следовательно, – сохранить и укрепить здоровье.

Не останавливаясь на значении различных аспектов модернизации образования в учебных заведениях III-IV уровня аккредитации после признания принципов Болонской декларации и внедрение кредитно-модульной системы организации учебного процесса (повышение мобильности студентов в различные высшие учебные заведения Европы и обеспечения конкурентоспособности выпускников, учет достижения студента в научной деятельности, предметных олимпиадах и др.). Переход с информативной на индивидуально ориентированную форму обучения, конечно, является велением времени. Овладение современной информацией любого предмета невозможно без реорганизации учебного процесса и, кроме человеческого фактора, компетентности объекта и субъектов успешность этого процесса зависит от составляющих технического обеспечения, качества интерактивного методического комплекса дисциплины, комплексной компетенции и комбинации традиционной информационной с поисковой научно-исследовательской нестандартной формы обучения и контроля. И это в условиях значительного увеличения времени самостоятельной работы студентов! Между тем в современной школе этим процессам не уделяется необходимого внимания и, получая статус студента, остальные просто не понимают перехода от школьника к студенчеству.

В этих условиях особое значение имеет научно-экспериментальное направление образования, воспитания и обучения. Еще одним важным видом самосовершенствования, углубления знаний и приобретения практических умений являются индивидуальные учебно-исследовательские задачи (ИУИЗ).

Как ни прискорбно, но приходится констатировать, что современный студент предпочитает восприятию материала в упрощенной и схематизированной форме, а не работе над анализом отдельных работ, которая требует гораздо больше времени и усилий. Значительное количество студентов отмечается невысоким уровнем познавательной активности, пассивно-созерцательным типом восприятия информации и реальной действительности, отсутствием интереса к гуманитарным наукам. Это, конечно, негативно отражается на мотивации, поведении, общении, кругу интересов и потребностей. Понятно, что такой специалист характеризуется инертностью мышления, отсутствием активности, инициативы, неспособностью самостоятельно принимать решения в критической ситуации. Для преодоления такого явления должны проанализировать причины, которые его определяют. Одной из таких является результат школьной подготовки, недоразвитость в школьные годы любознательности, интереса к учебе, настойчивости и т.д., что указывает на своеобразный порочный круг: учитель, который выполняет свою работу кое-как, воспитает в основном подобного себе ученика, который впоследствии станет студентом. С другой стороны, серьезной причиной такой ситуации является характер общественных процессов, происходящих слишком противоречиво, создают атмосферу нестабильности и недовольства. Отрицательной в этом аспекте является и такая черта нашего времени, как утилитаризм, согласно которой

полезным становится, все то, что дает конкретный результат, имеет практическое применение, в том числе и знания.

Это обуславливает тенденцию отношения к науке и образованию, воспитанию и учебе как к средству достижения целей, вызванных личными потребностями, и оттеснение на задний план духовно-культурных запросов человека, потребностей в знаниях, подводит к осознанию идей Истины, Добра, Красоты, Справедливости, Блага и предопределяет высокую культуру живой целостной личности.

Требуют изменений и формы организации учебно-педагогического процесса, прежде обучения, в основе которого лежит субъектно-объектная модель построения педагогического взаимодействия, ориентирующий студента на пользование формами готового знания и в конечном итоге не способствует его личностному саморазвитию, раскрытию его творческих способностей. Поэтому неудивительно, что в результате такой организации обучения студент афористично подытоживает свои знания по определенной дисциплине: «зазубрил, сдал и забыл». Суть перехода к субъектно-объектной модели построения педагогического взаимодействия, предусматривающий живое и оживленное общение, диалог, на основе которого становится улучшение у студента собственного видения и интерпретации проблем, развитие его ценностно-творческого, чувственно-духовного самоопределения. Конечно, такой подход требует высокого уровня знаний и умений преподавателя, его духовных качеств, активности. С другой стороны, живое общение требует большего количества времени, однако учебными планами это не только предполагается, а, наоборот, из года в год в вузах сокращается количество учебных часов на философские и другие гуманитарные дисциплины. К сожалению, Болонский процесс не обещает нам улучшение ситуации.

Понятно, что унификация отечественного образования с европейскими стандартами не снимет всех проблем нашего образования. Они должны быть решены самостоятельно. Существенную роль в этом призвана сыграть гуманитарная, в том числе и философская, подготовка будущих специалистов. Это требует переосмысления подхода к дисциплинам гуманитарного направления, усиление их роли и места в высшей школе.

Литература

1. <http://www.mon.gov.ua> Підвищення ефективності вищої освіти - визначальний чинник зростання соціально-економічного потенціалу держави. Матеріали до доповіді Міністра освіти і науки на підсумковій колегії Міністерства освіти і науки України (23 лютого 2006 року, м. Київ).

2. Булич Е.Г., Муравов І.В. Валеологія. Теоретичні основи валеології. – К.: ІЗМН, 1997. – 224 с.

3. Кремень В. Освіта і наука України: шляхи модернізації (Факти, роздуми, перспективи). – К.: Грамота, 2003. – 216 с.

4. Неперервна професійна освіта: теорія і практика: Збірник наукових праць / За ред. І.А. Зязюна та Н.Г. Ничкало. У двох частинах. Ч. 1. – К., 2001. – 392 с.

Глава 4. Трансформационные тенденции постсоветской системы образования: перспективы и проблемы

Определив национальные образовательные приоритеты и присоединиться к работе над созданием модернизированной модели высшего образования европейского образца, многие страны бывшего СССР присоединились к Болонскому процессу (в том числе и Украина, в мае 2005 г.). Стоит заметить, что к «болонизации» системы национального высшего образования отношение неоднозначное: от восторга до уничтожающей критики, от умеренной взвешенности и прагматизма к неприятию ее принципов вообще.

Предысторией Болонского процесса является подписание представителями стран Европы Лиссабонской конвенции (1997 г.) о признании квалификаций для системы высшего образования европейского региона, принятие «Великой хартии университетов» (1998 г.) в Болонье и подписание 25 мая 1998 г. правительства Франции, Италии, Великобритании, Германии «Совместной декларации о гармонизации архитектуры европейской системы высшего образования» – Сорбоннской декларации. Ключевым в этой декларации было провозглашение идеи превращения Европы в «Европу знаний» и создание такой общей системы образования, которая была бы направлена на облегчение мобильности студентов, а также на расширение их трудоустройства. [1, 135]. Сам Болонский процесс на уровне государств был начат 19 июня 1999 г. в Болонье подписанием 29 министрами образования европейских стран декларации, в которой изложены принципы создания «Зоны европейского высшего образования» и провозглашено шесть целей, которые страны-участники планировали достичь к 2010 г.: 1) утверждение системы прозрачных и сопоставимых ученых степеней, в частности посредством «Приложения к диплому»; 2) введение системы, состоящей из двух основных циклов высшего образования, 3) внедрение системы кредитов, схожей с Европейской кредитно-трансферной системой (European Community Course Credit Transfer System – ECTS); 4) содействие мобильности студентов, преподавателей, исследователей и административного персонала; 5) содействие европейскому сотрудничеству в обеспечении качества образования; 6) содействие развитию сотрудничества между европейскими учреждениями высшего образования, особенно по разработке учебных планов, схем мобильности и интегрированных программ обучения и исследований. Болонской декларации страны-участницы согласовали общие требования, критерии и стандарты национальных систем высшего образования и договорились о создании единого Европейского образовательного и научного пространства до 2010 г. В рамках созданного Европейского пространства высшего образования (European Higher Education Area – EHEA) должны действовать единые требования для признания дипломов об образовании, трудоустройства и мобильности граждан, что существенно повысит конкурентоспособность европейского рын-

ка труда и образовательных услуг [1, 136-139; 10]. Итак, Болонская декларация стала фундаментом консолидации европейских стран вокруг идеи создания «зоны европейского высшего образования», определив основные принципы, на которых должно основываться структурирование национальных систем высшего образования, что дало бы возможность гармонизировать архитектуру системы высшего образования в Европе.

Следующие этапы – применение принципов Болонского процесса. В коммюнике Пражского саммита, состоявшегося в мае 2001 г. с участием представителей 33 стран Европы, отмечена необходимость в дальнейшем развитии еще трех аспектов европейского пространства высшего образования, а именно: 1) осуществление постоянного обучения на протяжении всей жизни; 2) повышение роли высших учебных заведений в процессе мотивированного привлечения студентов к обучению в контексте целей Болонского процесса; 3) содействие повышению привлекательности и конкурентоспособности европейского пространства высшего образования для других регионов мира (в частности, актуализация транснационального образования) [1, 143].

Период до 2002 г. исследователи считают латентным вхождением Украины и России в европейское образовательное пространство [3; 7, 487]. В это время происходили определенные трансформационные сдвиги в национальных системах высшего образования, приближенные к принципам Болонского процесса. Важным мероприятием по реализации Украиной принципов, заложенных в Болонской декларации, стала ратификация Верховной Радой 3 декабря 1999 г. Лиссабонской конвенции «О признании квалификаций высшего образования в Европейском регионе». В принятом 17 января 2002 г. Законе Украины «О высшем образовании» были закреплены образовательно-квалификационные уровни «младший специалист», «бакалавр», «специалист», «магистр», содержательное наполнение которых в большей степени соответствует целям и принципам Болонского процесса.

Третий этап Болонского процесса состоялся в Берлине 18-19 сентября 2003 г., где было подписано соответствующее коммюнике. Принципиально новым решением Берлинского саммита было распространение общеевропейских требований и стандартов уж и на докторские степени. Отмечалось, что в странах-участницах Болонского процесса должна быть одна докторская степень – «доктор философии» в соответствующих сферах знаний (естественные науки, социогуманитарные, экономические и т.п.). Было предложено формулу трехступенчатой образования, согласно которой не менее трех лет отведено для получения степени «бакалавр», не менее пяти – степени «магистр» и не менее 8 – ученой степени «доктор философии». Важно, что образовательно-квалификационные уровни и ученую степень рассматривают как составляющие целостной системы образования человека. Особое внимание было уделено необходимости контроля за соблюдением европейских стандартов качества образования на всем образователь-

ном пространстве. Эти стандарты в Европе разрабатывает и поддерживает известная международная организация «Европейская сеть по обеспечению качества» (European Network Quality Assurance - ENQA). В Берлинском коммюнике отмечалось также важную роль, которую должны играть высшие учебные заведения в процессе реализации программы обучения в течение всей жизни. В документе отмечалось, что европейское пространство высшего образования и европейское пространство исследовательской деятельности – две взаимосвязанные части сообщества знаний. Эта проблема – десятый аспект Болонского процесса [1, 147].

Четвертый саммит Болонского процесса состоялся 19-20 мая 2005 г. в Бергене. Для национальной системы высшего образования Бергенский саммит является знаковым, так как на нем 19 мая 2005 г. Украина официально присоединилась к Болонскому процессу. В коммюнике Бергенского саммита отмечено, что ключевое место в Болонском процессе принадлежит учреждениям высшего образования, их сотрудникам и студентам. В документе отмечалось, что высшим учебным заведениям следует «... приложить усилия для повышения качества их деятельности через системное внедрение внутренних механизмов контроля качества и их прямой взаимосвязи с внешними системами обеспечения качества». Приоритетным направлением Бергенского коммюнике определена социальная направленность реформ и обеспечение доступности высшего образования [14].

Логичным является вопрос: что получают постсоветские страны, в том числе, Украина и Россия, присоединившись к Болонскому процессу, и какие перспективы открываются перед образовательным сообществом обществом? Из положительных моментов выделялись следующие.

Во-первых, социально-экономические и политические сдвиги в постсоветском вообще и украинском обществе в частности, на фоне глобализационных вызовов времени детерминируют необходимость своевременной модернизации системы высшего образования. Евроинтеграционные стремления Украины обуславливают необходимость глубинного реформирования национальной образовательной системы для ее распознавания в европейском пространстве.

Во-вторых, Болонский процесс открывает возможности развития инновационной модели высшего образования, которая была бы способна не только адекватно реагировать на вызовы времени, но и работать на перспективу, закладывая основы для социального прогресса. Вхождение Украины в европейское образовательное пространство ускоряет переход от образовательной модели индустриального общества к модели образования общества информационного.

В-третьих, принятие удобной и понятной градации дипломов, степеней и квалификаций, введение двухступенчатой структуры высшего образования, использование единой системы кредитных единиц (ECTS) расширяют

возможности выпускников вузов самореализоваться в профессиональной области в любой из европейских стран.

В-четвертых, важно качественное превосходство добавления в европейское образовательное пространство – активное академическое взаимодействие людей, высших учебных заведений и государств, что обеспечивает мобильность студентов, преподавателей, исследователей и административного персонала.

В-пятых, «болонизация» учебного процесса в украинских вузах должна способствовать студенческому самовыражению, что в основном обеспечивается золотой триадой – мобильностью, привлекательностью, трудоустройством. Трудоустройство выпускников – это главный вопрос для высших заведений во всей Европе; это стратегическая цель и индикатор успехов Болонского процесса в целом.

В-шестых, конкурентоспособность специалиста на рынке труда могут обеспечить только высокое качество полученного образования, постоянное самосовершенствование человека и обучения на протяжении всей жизни. Украина, присоединившись к Болонскому процессу, проводит соответствующую работу ради поддержки и развития европейских стандартов качества с применением сравнительных критериев, механизмов и методов их оценки в соответствии с требованиями ENQA.

В-седьмых, актуальной задачей европейского образования является обязательное тесное взаимодействие учебного процесса и науки в высших учебных заведениях, необходимость привлечения талантливой студенческой молодежи к научно-исследовательской деятельности, формирование научного потенциала, «культурного генофонда» в университетской среде. Украина, которая имеет значительные наработки в этой области в предыдущие годы, должен активизировать эту деятельность ради восстановления лучших исследовательских традиций и создание новых научных школ.

Однако было бы ошибкой замалчивать или преуменьшать сложность процесса интеграции в европейское образовательное пространство. Не следует идеализировать и Болонский процесс, который имеет неравномерный и противоречивый характер и достаточно гипотетические цели. И присоединение к этому процессу, и неприсоединения имеют свои преимущества и риски. Так, интеграция в Европу означает рост открытости национального образования и экономики и мощной конкуренции со стороны высших учебных заведений, просветительных учреждений, организаций и предприятий Европейского Союза. Что мы получим в конечном итоге за несколько лет, сказать довольно сложно. В этой связи уместно привести слова из одной из публикаций бывшего министра образования Украины В. Кременя: «Вряд ли кто сегодня сможет спрогнозировать все конечные результаты для европейского образования от реализации идей Болонской декларации. Но понятно одно: медлить, выжидать и таким образом отдаляться от Европы недопустимо. Тем более что большинство

достижений и традиций в образовании каждой страны все равно будут сохранены» [4].

Проблемой, требующей неотложного решения, является диспропорция между степенью подготовленности системы высшего образования Украины к неформальному переходу на принципы Болонского процесса и требованиям, на которых он основывается. Именно такой подход при рассмотрении процесса вхождения Украины в европейское образовательное среды считаем конструктивным, чем объяснение всех сложностей модернизационного прогресса простым нежеланием или инертностью профессорско-преподавательского состава (хотя и они в определенной мере также есть).

Как в России во время социологического опроса ответили на вопрос «Какие последствия вхождения России в Болонский процесс вас больше всего беспокоят?» – из более 3300 человек, ответивших на вопросы анкеты, размещенной на сайте Московского государственного института международных отношений в ноябре 2007 г., лишь 23% не волнуются за последствия присоединения к Болонскому процессу, около 20% опасаются за возможности «утечки мозгов», а 24% выразили сомнение, что возможные последствия присоединения недостаточно исследованы. Кроме указанных, есть и другие опасения: часть респондентов считают, что ослабнет государственный контроль над высшим образованием, некоторые предполагают сокращение финансирования вузов и считают, что внедрение модульного принципа приведет к сокращению преподавательского состава. Среди вероятных проблем названы возможность снижения качества фундаментальной (естественной) образования, ухудшение условий проведения научно-исследовательской работы, вытеснение национальной системы образования на периферию рынка образовательных услуг и т.д. [7, 494; 9].

Привлекает внимание опасения массового оттока высококвалифицированных профессионалов – «утечки мозгов», хотя в последнее время в Украине прослеживается тенденция не только толерантно рассматривать эту проблему, но и интерпретировать ее как «естественный» процесс. На нынешнем этапе интеграция Украины в европейское образовательное пространство лишь ускорит эмиграционные процессы, поскольку определенная часть украинских студентов связывают свою будущую профессиональную деятельность не с Украиной, а с европейскими странами или США. При прочих равных неблагоприятных условиях развития современного общества и в Европе, и в Украине, европейские страны будут выполнять стратегическую задачу конкурентоспособности в мире за счет иммиграции специалистов. Поэтому в материалах международных образовательных организаций неоднократно подчеркивалась необходимость сдерживать «утечка мозгов», поскольку он лишает страны, переживших переходный период, высококвалифицированных специалистов, которые нужны для ускорения их социально-экономического развития.

Должны заметить, что проблема отъезда за границу актуальна не только для постсоветских стран, но и для развитых европейских, в частности для Германии. Так, по данным М. Кампа, ежегодно в поисках лучших для профессиональной деятельности условий из Германии выезжает около 120 тыс. высококвалифицированных специалистов продуктивного возраста [12, 25]. Одновременно в Германии благодаря целенаправленной деятельности в рамках кампании «Международный маркетинг высшего образования и научно-исследовательской работы в Германии» было создано более тысячи учебных программ, успешное завершение которых гарантирует немецким и иностранным студентам получение степени бакалавра или магистра международного уровня. Об эффективности государственной образовательной политики Германии свидетельствует то, что она занимает сегодня третье место после США и Великобритании по привлекательности обучения для иностранных студентов.

Подготовка в системе высшего образования конкурентоспособного на рынке труда специалиста является стратегической целью Болонского процесса, реализация которой предусматривает академическую и трудовую мобильность студенчества для расширения возможностей обучения (или повышения образовательного уровня) в разных европейских вузах. Учитывая нынешние реалии глобального экономического кризиса, при которой насущной проблемой является необходимость расширения спектра профессиональных компетенций будущих специалистов, возникает ряд логичных, но, к сожалению, риторических вопросов о реальной, а не декларативной ее реализации на украинской территории. В частности, какая часть украинского студенчества (и с каких специальностей) испытывает потребность совершенствовать свою профессию за границей; способна ли финансово эта часть студентов реализовать возможность обучения в европейских вузов; готова ли нынешняя Европа принять на обучение украинских студентов и на каких условиях; насколько вероятна академическая мобильность украинского студенчества в пределах родного Отечества?

В Украине целевого финансирования болонских реформ не было. Специалисты указывают, что «на финансирование болонских реформ в переходный период странами-участницами Болонского процесса, как правило, используется до 60% бюджета национальных министерств образования и отдельных вузов» [2, 103].

Проблемы, связанные с нехваткой финансирования образовательной отрасли и реформационных мероприятий в ее системе, довольно типичны и для европейских стран. В 2003 г. в одной из статей журнала «Экономист» отмечалось, что «британские университеты переполнены, запущены и деморализованы, существуют они за счет финансовых и интеллектуальных инвестиций предыдущих лет. Академические зарплаты низкие, уровень преподавания примитивен. Подобная ситуация – следствие недостатка финансирования университетов. Количество студентов значительно

возросла, а уровень финансирования как со стороны государства, так и со стороны частного сектора остался на прежнем уровне» [11, 15]. Специалисты Ассоциации европейских университетов на основании обследования 62 университетов в различных странах Европы пришли к выводу, что «большинство расходов, связанных с Болонским процессом, учебные заведения несут самостоятельно», которая была воспроизведена в докладе ассоциации в мае 2005 г. на Бергенского саммите [8, 26].

Ахиллесовой пятой отечественного образования остаются устаревшая материально-техническая база, нехватка современных технических средств и новейших технологий в большинстве вузов. Не решен до сих пор вопрос массовой компьютеризации обучения.

Одна из проблем реализации принципов и идей Болонского процесса – несогласованность новой структуры учебного процесса, которая предусматривает увеличение самостоятельной работы студента, и реальной нагрузки преподавателей. Новая система учебного процесса, за которым формально уменьшается количество аудиторных часов, имеет целью постоянный контроль за уровнем подготовки студентов, готовность преподавателя выступать в роли тьютора, нацеленность на «консультационное присутствие». Учитывая увеличение реальной нагрузки на профессорско-преподавательский состав возникает насущная необходимость пересмотра соотношения количества преподавателей и студентов в вузах III-IV уровня аккредитации. В лучших университетах мира оно составляет: 1 преподаватель на 2-4 студента (в Московском и Санкт-Петербургском государственных университетах – 1:4, Колумбийском университете – 1:2, Стэнфордском университете – 2:1). «Экономия на преподавателях – путь к кадровому обвалу в вузах и их интеллектуальной нищеты, что, в свою очередь, предопределяет прекращение преемственности, ухудшению качества подготовки специалистов, снижение концентрации знаний во всем обществе» [5, 22].

Одной из важнейших составляющих, определяющих успех Болонского процесса, является обеспечение соответствия новых квалификаций потребностям и интересам рынка труда. В современных украинских условиях система бакалавриата и магистратуры остается еще недостаточно востребованной, что можно объяснить некоторой поспешностью распространения системы бакалавриата на всю систему высшего образования, и инженерные, технологические, педагогические вузы. Настораживает и то, что даже в Европе, где Болонский процесс действует с 1999 г. и имеет надлежащее социально-экономическую подоплеку, продвижение на рынке труда обладателей новых степеней является достаточно проблематичным. К этому привлекли внимание Международной организации образования, которая в своем политическом заявлении по Болонскому процессу в феврале 2005 г. подчеркнула: «поскольку новые квалификации еще не полностью приняты частным и общественным сектором работодателей, профсоюзы

призывают к продолжению работы над внедрением программы на получение степени бакалавра и магистра» [13].

В последние годы в системе образования проявляются тенденции, и отечественные, и общемировые, в определенной степени противоречат евроинтеграционному курсу. Во-первых, это резкий рост региональной неоднородности образования в Украине и ярко очерченная регионализация в целом. Во-вторых, новая парадигма высшего образования, которая сориентирована не на квалификацию специалиста, а на его компетентность, что усложняет согласованность прагматической направленности европейского образования с курсом на сокращение сроков обучения.

В качестве «примирения» между разными «за» и «против» приобщения к Болонскому процессу можно считать положение о необходимости умеренного и взвешенного внедрения международных, а по сути, западных образовательных стандартов и сохранения традиций отечественной системы образования в целом. Учитывая изложенное, мы разделяем точку зрения многих специалистов на то, что в деле реализации идей Болонского процесса должна доминировать идея гармонизации, сближения, а не унификации [4, 6]. Важно избежать ситуации, о которой в свое время говорил В. Ключевский: «Великая идея в дурной среде извращается в ряд нелепость».

Понимая, что принципы Болонского процесса только направляют на общие изменения в образовательной сфере, мы должны стремиться к эффективной модернизации национальной системы высшего образования в свете евроинтеграционных стремлений.

В свое время Мераб Мамардашвили отмечал: чтобы быть частью действительности, надо проявлять к ней реальный интерес. А мы сейчас только на пути к этой действительности (экономически, политически, ментально). И хотя мы уже научились пользоваться «общим языком», однако «постсоветская действительность» (в частности, образовательная и воспитательная) пока нетождественны «европейской действительности», что является объективной реальностью и препятствием, которым нельзя пренебрегать в процессе вхождения системы высшего образования в развитое мировое образовательное пространство.

Литература

1. Болонський процес: головні принципи входження в європейський простір вищої освіти / В.С. Журавський, М.З. Згуровський. – К.: ІВЦ «Видво «Політехніка», 2002. – 200 с.

2. Бражник, Е.И. Перспективы развития высшего образования в европейских странах и в России в контексте Болонского процесса [Текст] / Е.И. Бражник // Философский век. Альманах. История университетского образования в России и международные традиции просвещения / Отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. – СПб., 2005. – Т. 2. – Вып. 29. – С. 100-113.

3. Корсак К. Міфи про Болонський процес // Дзеркало тижня. 2005. № 39(567). <http://www.dt.ua/3000/3300/51424/>
4. Кремень В.Г. Болонський процес: зближення, а не уніфікація // Дзеркало тижня. 2003. № 48(473). С. 15. <http://www.dt.ua/3000/3300/44521/>
5. Плаксий, С. Сверхэксплуатация преподавателей – главная угроза высшей школе и развитию России в XXI в. // Вестник высшей школы. – 2004. – № 3. – С. 16–22.
6. Поляков М. Болонський процес: зближення, а не уніфікація // Вища освіта України. 2004. № 2. С. 47–50.
7. Поляков, Н.В. Классический университет: от идей античности к идеям Болонского процесса [Текст] / Н.В. Поляков, В.С. Савчук. – Д.: Изд-во ДНУ, 2007. – 596 с.
8. Четвертый доклад о тенденциях развития Болонского процесса // Alma mater. 2005. № 6. С. 26.
9. http://bologna.mgimo.ru/votes.php?vote_id=1.
10. Bologna Declaration. Joint Declaration of the European Ministers of Education Convened in Bologna on the 19th of June 1999. http://www.bologna-berlin2003.de/pdf/bologna_declaration.pdf
11. Drowning spires // Economist. L. 2003. Vol. 369. № 8352. P. 15–16 // Социальные и гуманитарные науки. 2004. № 3. С. 138–140.
12. Kamp M. Nichts wie weg! / M. Kamp, S. Wettach // Wirtschaftswoche. Dusseldorf, 2002. № 22. S. 24-29.
13. Policy Statement on the Bologna Process in the «Bergen Round» // Conference «From Bologna to Bergen: A mid-term review from the Academics' point of view». 11-12 February 2005, Brussel. Brussel, 2005. 10 p. <http://ec.europa.eu/education/policies/educ/bologna/bologna.pdf>.
14. The European Higher Education Area-Achieving the Goals Communiqué of the Conference of European Ministers Responsible for Higher Education, Bergen, 19-20 May 2005. http://www.bologna-bergen2005.no/Docs/00-Main_doc/050520_Bergen_Communique.pdf.

Глава 5. Формы и роль процессов социализации в современных теоретико-практических моделях и системе дискурса общественного развития и коммуникации

В системе соотношения социализации и воспитания воспитание представляет собой часть процесса социализации и рассматривается как целенаправленная и сознательно контролируемая социализация (семейное, религиозное, школьное воспитание). Воспитание выступает своеобразным механизмом ускорения процесса социализации. С помощью воспитания преодолеваются или ослабляются отрицательные последствия социализации, ей придается гуманистическая ориентация.

Существует целый ряд механизмов, способствующих усвоению ребенком и человеком вообще социальных норм. Одним из значимых механизмов социализации является подавление. Его суть сводится к исключению из сферы сознания мыслей, чувств, желаний и влечений, причиняющих стыд, чувство вины или душевную боль. Этот механизм объясняет многие случаи забывания человеком выполнения каких-либо обязанностей, которые по разным причинам оказываются для него неприятными [1, 14]. Подавление чаще всего осуществляется произвольно. Однако в целом ряде случаев человек прилагает специальные усилия, чтобы предать забвению те или иные впечатления путем переноса внимания на другие действия. Механизм произвольного подавления получил название вытеснения. Во многих случаях человек может испытывать чувство вины, переживать внутренний конфликт вследствие того, что имеет социально неприемлемые желания. Это чувство может быть как осознаваемым, так и неосознаваемым. Механизмом подавления такого чувства и разрешения противоречия между желаниями и присвоенной социальной нормой является реакция на противоположную установку.

Механизм изоляции связан с тем, что человек вытесняет эмоциональные компоненты каких-то неприятных, травмирующих впечатлений. В случае действия этого механизма идея (мысль, впечатление) осознается как нейтральная и безобидная для человека. Изоляция наблюдается при разрешении людьми ролевых конфликтов. Такой конфликт возникает тогда, когда в одной и той же ситуации человек вынужден играть две несовместимые роли. Для его разрешения на психологическом уровне как раз и используется механизм изоляции.

Важную роль в процессах социализации играет механизм самоограничения. Если человеку кажется, что его достижения менее значительны, чем достижения других людей, то он начинает страдать, его самоуважение понижается. Некоторые в такой ситуации прекращают свою деятельность. Это своеобразный уход – отступление перед трудностями, ограничение своего «Я». Данный механизм действует на всем протяжении развития личности. Использование механизма самоограничения во многих жизнен-

ных ситуациях оправданно, поскольку обеспечивает адаптацию к сложившейся ситуации. Однако он может приводить и к отрицательным последствиям в личностном развитии. Наблюдения показывают, что если ребенок часто отказывается от игр, учебных занятий, то у него могут сформироваться робость, стыдливость, которые в своей основе имеют низкую самооценку, а иногда комплекс неполноценности. Первые попытки человека в любой области не могут быть совершенными. Нередко, не зная своего потенциала, после первых же неудач человек бросает дальнейшие попытки и выбирает дело попроще. Этому способствуют нетактичность, а иногда и явно издевательские замечания окружающих, особенно значимых людей (родителей, учителей и др.). Многие потенциально талантливые люди так и не смогли раскрыться в силу нетерпимого отношения окружающих к их первым неудачным пробам.

Приписывание собственных нежелательных черт другим составляет сущность механизма проекции, который защищает чело века от осознания этих же черт в себе. Отрицательные эмоции, которые были бы направлены против себя, обращены на других. Таким образом, человек сохраняет самоуважение. Подозрительный человек склонен других считать тоже подозрительными, эгоистичный и раздражительный обнаруживает эти же недостатки у окружающих. Экспериментальными исследованиями установлено, что люди с высоким уровнем самооценки, но с невысоким мнением о других проецируют на них собственные недостатки. Эта тенденция в большей степени присуща тем, кто имеет комплекс неполноценности или характеризуется авторитарностью [9, 23].

В целом ряде случаев человек отождествляет себя с другим субъектом, группой, образцом. Этот процесс получил название механизма идентификации и является одним из главных механизмов социализации. В процессе идентификации человек осуществляет, в основном подсознательно, психическое уподобление себя другому человеку. Идентификация приводит к подражанию действиям и переживаниям других людей, присвоению их ценностей и установок. Идентификация характерна для всех возрастных групп. Ее объектами могут стать родители, другие близкие люди, значимые лица, не только реальные, но и воображаемые (например, герои художественных произведений). Идентификация может быть полной или частичной, сознательной и неосознаваемой. Ее иногда отождествляют с научением как имитацией (подражанием). Однако при идентификации человек не только подражает действиям другого, но и становится похожим на него. С идентификацией тесно связан такой механизм, как интроекция. При интроекции качества и установки другого как бы «встраиваются» в структуру личности субъекта без специальной переработки, в неизменном виде. Механизм интроекции – это путь построения собственной личности, а не просто приобретения знаний. Часто этот механизм действует

подсознательно, но при самоанализе результаты интроекции становятся осознанными.

Следующий механизм социализации – эмпатия, т.е. сопереживание эмоциональному состоянию другого человека, проникновение в его переживания.

В ситуациях, когда человек переживает страх и тревогу, «включается» и механизм интеллектуализации. Вместо реальных действий по разрешению ситуации человек начинает абстрактно рассуждать о ней. Этот механизм обычно включается в тех случаях, когда человек сталкивается с жизненно важными проблемами (болезнь, отсутствие работы и др.). Интенсивная интеллектуализация наблюдается в периоды подросткового и юношеского развития, когда возникают сильные сексуальные желания и сопровождающие их эмоции. Чрезмерно интеллектуализирующие люди лишаются полноценной эмоциональной жизни и производят впечатление холодных и равнодушных.

Одним из самых распространенных механизмов социализации является рационализация. Ее суть состоит в том, что человек изобретает на первый взгляд логичные суждения и умозаключения для ложного объяснения своих фрустраций – психических состояний, характеризующихся наличием потребности, не нашедшей своего удовлетворения. Такое состояние сопровождается различными отрицательными переживаниями: разочарованием, раздражением, тревогой, отчаянием и др. Фрустрации часто возникают в ситуациях конфликта, когда удовлетворение потребности наталкивается на непреодолимые или труднопреодолимые преграды. У детей фрустрации возникают в виде переживаемого «чувства крушения». Причиной фрустрации может служить неудача в овладении предметом, неожиданный запрет со стороны взрослого и др. Частые фрустрации ведут к формированию отрицательных качеств личности (агрессивности, раздражительности и др.). Рационализация может проявляться в нескольких видах. Наиболее изученными являются дискредитация цели, самодискредитация и самообман.

Дискредитация цели используется людьми непроизвольно в ситуациях, связанных с недостижимостью целей. Аргументация при этом такова: «То, что недоступно мне, не может обладать высокими качествами». Самодискредитация как способ рационализации имеет место в тех случаях, когда человек, имея высокий уровень притязаний и стремясь к труднодоступным целям, терпит и переживает неудачу. Боясь вторичных фрустраций, связанных с понижением его оценки в глазах референтных людей и групп, он объявляет, что переоценил свои возможности и поэтому его неудача естественна. Такая предвосхищающая рационализация предотвращает возможную критику со стороны других и новую фрустрацию. Самообман чаще всего встречается в тех ситуациях, когда человек совершает выбор между двумя целями, альтернативными линиями поведения. При этом отвергнутый вариант сохраняет для него ценность, и он утверждает, что будто бы

не имел подлинной возможности свободного выбора. Для предотвращения или ослабления какой-либо неприемлемой мысли, чувства, действия используется механизм аннулирования действия. Обычно это повторяющиеся и ритуальные приемы, совершаемые в связи с верой в сверхъестественное и имеющие свои корни в детском возрасте. Например, то, что ребенок просит прощения и принимает наказание, означает, что его поступок как бы аннулируется и он может продолжать действовать с чистой совестью. Механизм сублимации впервые был описан З. Фрейдом. Под сублимацией понимают перевод любого инстинктивного влечения, а также потребности и мотива, удовлетворение которых блокировано условиями ситуации, в возвышенное стремление и социально приемлемую деятельность. Сублимационные формы деятельности, как правило, являются творческими (научными, художественными и др.), лежащими в основе инновационных достижений [3, 48].

Социализация осуществляется в результате взаимодействия множества обстоятельств. Именно совокупное влияние этих обстоятельств на человека требует от него определенного поведения и активности. Факторами социализации называют обстоятельства, условия, побуждающие человека к активности, к действию. В отечественной и западной науке имеются различные классификации факторов социализации. Однако мы считаем наиболее логичной и продуктивной для педагогики ту, которую предложил П. Орбан [6, 19]. Он выделил основные факторы социализации, объединив их в три группы: макрофакторы, влияющие на социализацию всех жителей планеты или очень больших групп людей, живущих в определенных странах (космос, планета, мир, страна, общество, государство); мезофакторы – условия социализации больших групп людей, выделяемых по национальному признаку (этнос); по месту и типу поселения (регион, село, город, поселок), по принадлежности к аудитории тех или иных средств массовой коммуникации (радио, телевидение, кино и др.); микрофакторы – социальные группы, оказывающие непосредственное влияние на конкретных людей (семья, группы сверстников, микросоциум, организации, в которых осуществляется социальное воспитание, – учебные, профессиональные, общественные и др.).

В последние годы все большее значение ученые придают макрофакторам социализации, в том числе и природно-географическим условиям, поскольку установлено, что они как прямым, так и косвенным путем оказывают влияние на становление личности. Знание макрофакторов социализации позволяет понять специфику проявления общих законов развития индивида как представителя *Homo sapiens* (рода человеческого), убедиться в могуществе воспитания. На развитие человека оказывает влияние географический фактор, или природная среда. В течение длительного времени влияние природно-географической среды не выявлялось. Однако экологические изменения биосферы, загрязнение окружающей среды, нарушение

экологического равновесия в биосфере, вызванные антропогенной деятельностью, заставили человечество отнестись к этой проблеме с достаточной серьезностью. Созданные человеком силы стали угрожать самому существованию человека. Усилилось отрицательное влияние природных факторов на здоровье и деятельность человека. В 30-е гг. XX в. В.И. Вернадский отмечал начало нового этапа развития природы как биосферы. На первом, завершившемся этапе изменения в биосфере таковы, что она в состоянии заглушить их и продолжить свое функционирование и воспроизводство в динамическом равновесии. На этом этапе влияние биосферы (т.е. человека) безвредно и приятно.

Второй, только начавшийся этап характеризуется тем, что изменения в биосфере становятся настолько грандиозными и масштабными, что она не в состоянии с ними справиться. В результате происходят изменения в динамическом равновесии, опасные для существования всего живого на Земле, включая и человека. Этот этап получил название современного экологического кризиса. В настоящее время констатируется факт превращения экологического кризиса в глобальный и общепланетарный.

Сегодня прогнозируется наступление следующего – третьего этапа, который может пойти по двум противоположным путям: либо человечество активизирует свое взаимодействие с природой и сможет преодолеть экологический кризис, либо не сумеет это осуществить и тогда погибнет. Экологическая катастрофа, становясь реальностью, заставляет принимать меры, активизирующие взаимодействие общества и природы. Чтобы выйти из экологического кризиса, необходимо изменить отношение каждого человека к окружающей среде. Современный мир изобилует такими проблемами, которые имеют глобальный, планетарный характер, так как они затрагивают жизненные интересы всего человечества или, во всяком случае, его большинства. Таким образом, общественное сознание все более четко фиксирует систему качественно новых проблем, которые и получили название глобальных проблем. Несомненно, что эти проблемы появились не вдруг. Они в той или иной мере сопутствовали процессу становления и развития цивилизации. Вырастая из локальных, национальных проблем, общечеловеческие проблемы требуют для своего решения совместных действий мирового сообщества.

Глобальные проблемы человечества не могут не отразиться в индивидуальном сознании. Вот почему проблемы глобалистики стали реальностью социализирующейся психики человека, который должен осознавать, что они угрожают деградацией и гибелью всему человечеству, нуждаются в позитивном решении, требуют общей координации и совместных усилий всех народов мира. Каждый человек должен осознать свою индивидуальную ответственность за увеличение числа и масштабов происходящих глобальных катаклизмов, остроту этих преобразований и их угрожающих размеров.

Рассматриваемая проблема связана также с вопросом взаимосвязи природы и этноса, т.к. у каждого народа существует своя географическая среда обитания, оказывающая специфическое влияние на национальное самосознание, демографическую структуру, межличностные отношения, образ жизни, обычаи, привычки. Специфика географической среды формирует структуру этнической общности, региональную специфику, культуру, физический тип людей, расовые признаки (цвет кожи, глаз, форма и цвет волос, форма черепа, рост и др.). В каждом этническом объединении складываются свои виды деятельности, межэтнические отношения, различный семейный быт, брачные обычаи и обряды. Этнические традиции дают о себе знать в способах защиты от воздействий природной среды, в создаваемых культурных ценностях (образах художественного и научного творчества). В каждой этнической группе складывается свое представление о личности, ее поведении и менталитете. Проектирование экологического пространства становится реальной задачей образовательных институтов.

Общество всегда обеспокоено тем, чтобы темпы социализации подрастающего поколения не отставали от темпов и уровня развития самого общества. При рассогласовании этих темпов начинается торможение общественно значимых процессов. Общество осуществляет социализацию через различные институты социализации – общепринятые социальные нормы, традиции, обычаи, семья, а также государственные и общественные учреждения и организации. Ведущая роль в этом процессе принадлежит образовательным учреждениям – детским садам, школам, средним и высшим учебным заведениям. Все вместе они образуют систему образовательных учреждений, которая подробнее будет рассмотрена позднее.

Влияние институтов социализации противостоит стихийным социальным взаимодействиям, которые можно «просчитать», спрогнозировать, направить по какому-то определенному пути. Стихийные и управляемые процессы взаимодействуют, влияя на результаты друг друга. В рамках функционирования того или иного института социализации имеют место оба процесса [2, 33]. Воспитывающее, целенаправленное воздействие может не привести ни к каким результатам или даже обуславливать отрицательные, незапланированные «воспитывающие» результаты, если деятельности социальных институтов непостоянны. Изменения, происходящие в обществе, меняют характеристики идеальных типов личности, характеризующихся набором многочисленных показателей и свойств. В этом плане всегда можно говорить о социальном заказе общества институтам социализации. В соответствии с заказом институты социализации меняют концептуальные (теоретические) модели. Изменения происходят соответственно переменам в государственной политике, в том числе и в образовательной. Вероятно, именно этим можно объяснить происходящую сегодня повальную концептуализацию всех образовательных звеньев «задающих» основные требования к личностно-развивающей среде, личностному про-

странству, образу жизни, ценностным ориентациям, поведению и другим параметрам, вплоть до требований к внешнему облику субъектов образовательного процесса. Следовательно, социализация на деле оказывается государственной и образовательной политикой в действии.

Этническая или национальная принадлежность человека, как установлено, определяется, прежде всего, языком, который он считает родным, и культурой, стоящей за этим языком. В различных странах этнос можно рассматривать как фактор социализации разного уровня. В национальных государствах, где подавляющее большинство жителей принадлежит к одному этносу, он – макрофактор. В том случае, когда какой-либо этнос представляет собой интенсивно общающееся национальное меньшинство в том или ином поселении, он – микрофактор (Гарлем в Нью-Йорке). В России и Украине этнос – мезофактор, так как даже многочисленные этносы, имеющие собственную государственность (автономные республики), не могли не испытать на себе влияния других этносов и не воспроизвести в своей жизнедеятельности характерные для них свойства и признаки.

Известно, что современное человечество многообразно по своему составу. Оно имеет две-три тысячи этнических общностей. Существующие сегодня на Земле государства (их около двухсот) полиэтничны. Это заставляет смотреть на этнические проблемы как на наиболее приоритетные в политике любого государства. Каждый этнос имеет специфические особенности, совокупность которых образует его национальный характер или психический склад, которые проявляются в национальной культуре. Этнопсихологи выделяют такие различия, например, в характере и традициях труда людей, в особенностях быта, представлениях о семейных взаимоотношениях и взаимоотношениях с другими людьми, о добре и зле, красивом и некрасивом и т.п. Нужно иметь в виду, что этнические особенности характеризуют не отдельного человека, а многочисленные группы - нации. Формируются они в течение веков и даже тысячелетий под влиянием природно-географической среды, экономических, социальных, религиозных и других обстоятельств, в которых проживает тот или иной этнос. Наиболее очевидно этнические особенности проявляются на уровне обыденного сознания. Например, пунктуальность как черта личности, имеющая высокую оценку у немцев, малозначима для испанцев и еще меньше для жителей Латинской Америки. Этнос как фактор социализации подрастающих поколений нельзя игнорировать, но не следует и абсолютизировать его влияние. Так, при сравнительном изучении воспитания в многочисленных, не похожих друг на друга культурах обнаружилось, что во всех них стремились воспитывать одни и те же черты у детей каждого пола. У мальчиков основное внимание уделялось развитию самостоятельности и стремления к успеху, у девочек - чувства долга, заботливости и покорности. Но существуют общества, в которых шаблоны воспитания иные, и в них мужчины и женщины ведут себя иначе [5, 124].

Все народы стремятся воспитывать своих детей трудолюбивыми, смелыми, честными. Различия состоят в том, каким образом решаются эти задачи. Этнические особенности, связанные со способами социализации, подразделяются на витальные (жизненно важные, биофизические) и ментальные (духовные). Под витальными особенностями этноса понимаются способы физического развития детей (вскармливание ребенка, характер питания, спортивные занятия, охрана здоровья детей и др.). На социализацию подрастающего поколения большое влияние оказывают и ментальные особенности – духовный склад этноса, который рядом ученых обозначается как менталитет и формируется в специфических социокультурных условиях жизни того или иного народа.

В мире существует значительное количество этносов. Поэтому часто успех процесса социализации зависит от влияния на человека культуры двух или более этносов. И здесь огромное значение имеют последствия межкультурных контактов. Витальные, и в особенности ментальные, проявления этноса затрудняют вхождение людей в новую этническую группу. Специальными исследованиями установлено, что вхождение в новую этническую группу, в новую культуру сопровождается неприятными чувствами дискомфорта, отверженности, потерей статуса, друзей, снижением уверенности в себе, депрессией, тревожностью, раздражительностью, психосоматическими расстройствами.

Наряду с негативными имеют место и позитивные следствия перехода в новую этническую группу – принятие новых ценностей, новых социальных установок, новых моделей поведения, которые в совокупности могут обеспечить условия для личностного роста. Время адаптации в новой этнической группе и степень выраженности «культурного шока» зависят от многих показателей, в том числе и от индивидуальных особенностей (личностных и демографических); от готовности к переменам и знания языка, культуры, условий жизни; индивидуального опыта пребывания в инокультурной среде; степени сходства и различия между культурами и др. Школа, принявшая беженцев, переселенцев, должна быть готова к встрече с невротическими и психосоматическими расстройствами, отклоняющимся и даже преступным поведением. Успешное приспособление «чужака», его благополучие и душевное здоровье зависят от умения снять «шок перехода» в новую культурную среду. Выделяют различные типы межкультурных контактов: «Перебежчик» – человек, отбрасывающий собственную культуру в пользу чужой. «Шовинист» – приверженец собственной культуры. «Маргинал» – колеблется между двумя культурами, испытывая внутриличностный конфликт, путается в идентичности и в итоге не удовлетворяется требованиями ни одной из культур. «Посредник» синтезирует обе культуры, являясь их связующим звеном.

У индивидов и групп обычно имеет место один из следующих выборов: ассимиляция, сепаратизм, маргинализация, интеграция. Продуктив-

ным выбором является интеграция, которую называют «конструктивной маргинальностью», «межкультурной компетентностью», а индивида, сделавшего такой выбор, «человеком мультикультуры». Таким образом, успешная адаптация не всегда представляет собой ассимиляцию с чужой культурой и приспособление к новой среде. Индивид, хорошо приспособленный к жизни в новом обществе, вместе с тем может сохранять особенности своей этнической или культурной группы. Он может овладеть богатствами еще одной культуры без ущерба для ценности собственной. Представители разных народов и культур по-разному интерпретируют причины поведения и результаты деятельности. Задача педагога – помочь им понять причины поведения друг друга, освоить характерные черты взаимодействующих культур. Для этого целесообразно использовать тренинги и иные виды коммуникационных механизмов, направленных на решение задачи объяснения поведения представителей другой культуры. В этом случае дети не отказываются от собственной культуры, чтобы стать похожими на представителей другой культуры, а учатся видеть ситуации с точки зрения ряда этнических групп, понимать диапазон видения мира членами разных этносов.

Чтобы обучить взаимодействию представителей различных этнических групп, необходимы специальные программы. Они называются «культурными ассимиляторами». Первые «культурные ассимиляторы» были разработаны американскими психологами в начале 60-х гг. и были предназначены для американцев, взаимодействующих с арабами, греками-тайцами и др. Авторы программ ставили своей целью за короткое время дать обучающимся как можно больше информации о различиях между двумя культурами. К настоящему времени создано много «культурных ассимиляторов», но пока ими пользуется узкий круг лиц, к тому же нет ассимиляторов, в которых были бы учтены многонациональные субъекты взаимодействия, что особенно актуально. В то же время во многих регионах работают учителя, не имеющие опыта межкультурного общения, четких представлений об этнических различиях между народами и уж тем более о моделях подготовки к межкультурному взаимодействию и программах типа «культурного ассимилятора».

Социальный статус семьи как института социализации определен давно и однозначно: быть базовым фактором социализации. Наиболее принятым определением семьи является характеристика ее как общности, основанной на общесемейной деятельности, связанной узами супружества-родительства-родства, осуществляющей воспроизводство населения и преемственность семейных поколений, социализацию детей и поддержку существования членов семьи. Существование семьи как социальной общности и как места рождения и социализации детей основано на массовой потребности людей в семейном образе жизни. Семья на протяжении длительной истории человечества остается основной формой организации

воспроизводства обществ. Именно семья остается главной, исторически сложившейся формой личностного удовлетворения социальной потребности в воспроизводстве населения. Однако в последнее время достаточно четко намечается тенденция уменьшения потребности семьи в детях, что сказывается на демографической ситуации, сложившейся в ряде стран. Основными мотивирующими факторами образования семьи выступают: стремление избежать одиночества, желание иметь детей, реализация потребности в эмоциональном контакте, в пони мании, создание психологической «ниши», поиск способов и механизмов психологической защиты.

Диапазон индивидуальных моделей семьи достаточно велик. Также разнообразны феномены, в которых реализуются типы семейных отношений, от страстно-любовных до неприязненно-враждебных: любовь, дружба, аттракция, симпатии и другие виды эмпатийных переживаний. Считается неправомерным деление функций семьи на главные и второстепенные. Более принятой является классификация функций семьи на специфические и неспецифические. Специфические функции семьи определяются ее сущностью, ее социальной природой. Неспецифические функции институт семьи был вынужден освоить под давлением складывающихся социально-исторических условий. К специфическим функциям семьи относятся репродуктивная (рождение детей); социализирующая (обеспечивающая воспитание детей); охранительная (ответственность за защиту членов семьи).

Социологи считают, что в XX в. произошел «перехват» семейных функций, т.е. семья присвоила себе ряд функций других социальных институтов (образовательных, правовых, обслуживающих, досуговых и др.) [9, 40]. Так, неспецифическими функциями семьи являются: накопление и передача собственности и статуса, организация производства и потребления, ведение домашнего хозяйства; организация досуга, связанного с заботой о здоровье и благополучии членов семьи, микроклимате, способствующем снятию напряжений, развитию каждого члена семьи. Неспецифические функции семьи могут резко изменяться на разных исторических этапах, сужаясь, расширяясь, модифицируясь или даже исчезая. Семья как институт социализации претерпевала и продолжает претерпевать существенные изменения. Поэтому при характеристике семьи указывают, какой модели она соответствует – традиционной или же современной. Традиционные семьи имеют родственно-семейный тип организации, а современные – ценностям рода предпочитают экономические и личностные интересы.

Основными трансляторами социальных и культурных ценностей, главными «фигурами», влияющими на решение задач воспитания и социализации, были и остаются родители ребенка. Это не значит, что старшие члены семьи (бабушки, дедушки, тети, дяди) или старшие дети в многодетных семьях не могут быть реальными и равноправными участниками этих процессов. Однако реальная ценность производимых ими воздействий находится в прямой зависимости от социальной, гражданской позиции и вклю-

ченности в жизнедеятельность не только семьи, но других социальных групп. Следовательно, в каждой семье складываются неповторимая психологическая структура семейных отношений, специфическая система воздействий. Культивирование в каждой семье ценностного отношения к каждому ее члену, его индивидуальным проявлениям, соблюдение прав и свобод, создание условий для творческой самореализации, формирование личной ответственности за все происходящее в семье могут превратить ее в личностно-развивающее пространство.

Наиболее традиционным в философии образования, педагогике и социологии воспитания также является изучение явления социализации. В самом общем виде под воспитательно-образовательной социализацией понимается процесс передачи человеку социальной информации, опыта, культуры, накопленных в обществе. Понятие «социализация» используется в этих науках и их направлениях шире, чем какое-либо другое. По мере его разработки оформились два основных подхода к интерпретации социализации как явления. Внутри процесса социализации предложено учитывать два вектора развития, каждый из которых может стать объектом преимущественного внимания в той или иной концепции: направление информации от общества, активность общества и трансформация общества в связи с включением в социальное целое новой «единицы», а также круг проблем, связанный со «встраиванием» обществом предложенной информации, включением норм существования общества в структуру мировоззрения личности. Своеобразные подходы к роли общества и личности ведут к формированию расходящихся концепций социализации.

Сторонники так называемой «жесткой социализации» (П. Орбан) и, представители школы структурного функционализма (Т. Парсонс и его школа) определяют этот процесс как полную интеграцию личности в социальную систему. Здесь анализ социализации опирается на понятия «адаптация», «конформность», «равновесие». Их оппоненты, – в частности, сторонники «нового гуманизма» (П. Хёрст, Дж. Вильсон, Р. Питерс, М. Уорнок, Л. Кольберг, А. Харрис и др.), «позитивного экзистенциализма» (Ф. Бильнов и др.) социализацию рассматривают как деятельность личности по развитию своих способностей и потенций на основе критического разбора предлагаемых обществом стереотипов. Соответственно, здесь успех социализации означает преодоление личностью тех элементов среды, которые мешают ее самореализации, «самоутверждению». Однако если, например, у Парсонса или в теории эмансипирующей социализации (Theorie emanzipatorischer Sozialisation) Орбана речь идет об определенном образом сориентированном воздействии среды, то в таких концепциях, как «критическая теория социализации» представителя Франкфуртской научно-исследовательской школы Ю. Хабермаса – происходит полная подмена понятий. Из системы воспитания делается попытка практически исключить социализацию, заменить ее самовоспитанием.

Разумеется, негуманно подчинять сугубо общественным интересам весь внутренний мир личности. Но, так или иначе, общество воздействует на человека, и это влияние нельзя не учитывать. Социализация и есть воздействие на личность среды, общества. Причем воздействие это хотя и недостаточно, но абсолютно необходимо для становления личности. Однако, отражаясь в гуманистической, или понимающей, социологии, процесс социализации меняет субъекта, практически устраняется общество, оно «лишается права» участвовать в воспитании человека. Выход из данного тупика обозначается при отказе от расширительной трактовки понятия «социализация», которая предполагала поглощение всех формирующих личность влияний.

Общество играет огромную роль в воспитании личности, однако оно не является универсальным воспитателем, социализация не более атрибут системы воспитания, чем самовоспитание. Соответственно целый ряд идей, развитых под «вывеской» проблемы социализации, находит свое место в социологии воспитания в качестве подсистемы – теории самовоспитания. В эту подсистему, например, переходят такие теории, в которых анализируются внутренние механизмы усвоения человеком той или иной информации, роли, прежде традиционно рассматривавшиеся как часть теории социализации (теория самоидентификации, теория половой типизации, теория самокатегоризации и др.). Среда оказывает социализирующее влияние через воздействие на человека многих социальных явлений, функций, субъектов, которые чаще всего представлены группами – семья, этнос на той или иной стадии развития, класс или сословие, поколение. Одна из важнейших функций социализации – «одевание личности в ролевые одежды», без которых она осталась бы неопознанной, одинокой в обществе. Общение дифференцировано и в каждой социальной группе насыщено своеобразными символами. Желая быть понятым, человек овладевает этими символами. Полноценная социализация предполагает как результат свободное владение личностью языками тех групп, общение в которых представляет для нее интерес.

Здесь социология воспитания вновь оказывается в центре конфликта между культурой и цивилизацией. Нет никаких сомнений, что социализация предполагает овладение личностью ролями, основанными на «безличной, внешней индивиду нормативности» (Р. Дарендорф). Однако социально значимые роли личности способны подавить, поглотить ее индивидуальность, «запереть» в клетке норм неповторимое, никем прежде не воспроизводимое своеобразие социокультурных проявлений личности. Поэтому как негуманная социализация рассматривается такое воздействие среды на человека, при котором неоправданно подавляется его активность, общественные функции навязываются вопреки склонностям, стремлениям индивида. При совершенствовании воспитания роль среды заключается в том, чтобы передавая, проводя общественные требования к индивиду, спо-

собствовать одновременно его самораскрытию, «вытягивать» его потенциальные возможности на уровень актуальных способностей.

Среда, как считает Орбан, может быть более или менее плотной, может уплотняться или разрежаться [7, 52]. В соответствии с этим в каждом обществе складываются как общие, так и специфические элементы процесса социализации, вырабатывается определенный механизм оптимизации этого процесса. В одном обществе в целях совершенствования социализации ставится задача преодолеть «дистанцию», избыточно выраженное отчуждение общества от личности, в другом – наоборот, увеличить «свободную зону», отстраниться, не мешать человеку осознать собственную индивидуальность. Социализация, согласно Орбану – процесс внутренне противоречивый уже в силу того, что объективно отражает противоречивость жизни общества [8, 32]. Но, признавая это, необходимо выявить приемлемый уровень противоречивости, который позволяет говорить о гуманной социализации. Оптимизация воспитания предполагает развитие в качестве субъекта социализации гражданского общества, в котором формируется механизм саморегуляции общения. Именно поэтому у гражданского общества складываются непростые отношения с системой внешнего регулирования, с системой власти, с политическими структурами.

В то же время сам субъект социализации в силу своей дифференцированности внутренне противоречив. В интересах оптимизации воздействия среды на личность необходимо, с одной стороны, не абсолютизировать возможность регулирования этой сложной, многообразной системы общений, а с другой, – не полагаться полностью на спонтанность, саморегуляцию процесса социализации. Общество формируется постепенно, так же как гражданская самостоятельность его членов. Попытки полностью упразднить политический механизм регулирования могут вести лишь к разрушению существующих основ общения, к дезинтеграции среды как субъекта социализации.

В «Теории эмансипирующей социализации» считается, что, не отказываясь от услуг государственных структур в оптимизации общественного прогресса и развития личности, важно учитывать их конкретную роль, формы влияния на человека, анализировать и фиксировать изменения сущности государственного управления, не допускать бесконтрольного манипулирования сознанием формирующейся личности вне учета общественных ценностей и стратегий [5, 27]. Манипуляция может осуществляться разными способами: могут быть «упразднены» те или иные факторы среды, социальные субъекты, может быть осуществлен отсев информации, поступающей от общества личности, – главным образом с помощью средств массовой коммуникации. Последний способ легален и наиболее употребим в современном мире, с его помощью реальный облик общества может быть изменен как в лучшую, так и в худшую сторону и в таком виде подан личности. Среда, воспринимаемая личностью в обработанном про-

пагандой виде, может вызвать ассоциации с мечтой или кошмаром. Пропаганда видоизменяет среду в глазах человека, как бы ставит фильтр между обществом и отражающей его личностью. Поскольку пропаганда является целенаправленным переформированием среды, ее влияние на социализацию допустимо лишь в ограниченной степени. Оно предусматривает частичную «корректировку поведения» среды в отношении индивида.

Орбан рассматривает воспитание как деятельность по приобщению человека к социальному опыту во всех его формах и проявлениях, а также по развитию специфических общественно ориентированных индивидуальных способностей личности [8, 102]. Это наиболее широкое понятие, включающее процесс социализации (воздействие общества, среды на личность: оно может быть нецеленаправленным и целенаправленным) и процесс самовоспитания. Анализ соотношения процессов социализации и самовоспитания внутри целостной системы воспитания является центральным в этой социологии воспитания. Эта социоцентристская модель считает – личность существует и имеет значение, прежде всего, как элемент, частичка общества, значимость которой – в степени ее вклада в общество. Акцент делается на общественно значимые цели и ценности.

Система воспитания и образование, как один из центральных при воспроизводстве социокультурного процесса видов деятельности, предполагает учет интересов общества (сохранение стабильности, общих цивилизационных норм существования) и специфических интересов индивидуальности (оставить неповторимый след в культуре, обновить социокультурное пространство). Анализ путей совершенствования системы воспитания и образования предполагает использование дискурсивно-коммуникативного метода. Здесь исследуются в первую очередь динамика, моменты роста, перехода, изменения качества. В соответствии с данным представлением вырабатывается модель разрешения противоречий между обществом и личностью, которая становится основой функционирования системы воспитания. Акцент на общественной сущности человека ведет к доминированию социализации в системе воспитания. При этом сохранение общества становится наиболее значимой целью воспитательной деятельности. Если же признается необходимым и неизбежным доминирование в человеке его сугубо индивидуальных интересов, целей и ценностей, тогда главной целью педагога становится такое изменение влияния на личность социальной среды, общества, которое не нарушило бы наиболее ценный в рамках данной воспитательной модели процесс – интеграцию общественного воспитания и самовоспитания.

Как социально значимые, так и индивидуально значимые цели и ценности личности могут быть разными, по-разному проявляться – от поверхностного конфликта до самых зрелых форм взаимодействия с социумом, распространяемых и на себя как его часть, как часть культуры. Продуманное, ответственное отношение» к себе возникает на основе осознанной, це-

ленаправленной деятельности по самовоспитанию. Порожденная общественными потребностями, система воспитания и образования обретает относительную независимость от тех требований, которые не отвечают критерию общественной ценности и социальной интеграции, идут вразрез с актуальными или потенциальными потребностями не только личности, но и социума. Философия воспитания и образования непосредственно и глубоко связана с социализацией и самовоспитанием, но не является ни тем, ни другим. Ее главная функция – соблюсти меру влияния на становление личности стремления человека к самостоятельности, с одной стороны, и социального заказа – с другой.

Литература

1. Chesler M.A., Cave W.M. A sociology of education: Access to power a privilege. New York: Macmillan, 2003. 380 p.
2. Horkheimer M. Bemerkungen über Wissenschaft und Krise. Hamburg: Hirschfeld, 1989. 464 s.
3. Kohlhammer W. Sozialisation und Emanzipation von Peter Orban. Frankfurt:Athenaum Verlag, 1992. 160 s.
4. Kohlberg L. Education for a just society. (Moral Development, Moral Education. Ethics and Educational Policy). Birmingham: Munsey, 2000. 496 p.
5. Orban P. Die Reise des Helden. Die Seele auf der Suche nach sich selbst. Kösel, 1995. 205 s.
6. Orban P. Menschwerdung – Über den Prozeß der Sozialisation Geist und Psyche. Frankfurt: als Taschenbuch Fischer 1986. 238 s.
7. Orban P. Sozialisation: Grundlinien Einer Theorie Emanzipatorischer Sozialisation. Frankfurt:Athenaum Verlag,1993. 184 s.
8. Orban P. Sozialisation und Emanzipation des Volkes. Kritik der erzieherischen Erkenntnis. Berlin: Argument-Verlag 2003. 312 s.
9. Strumpel B., Noelle-Neumann E. Macht Arbeit Krank? Macht Arbeit Glücklich: Eine Aktuelle Kontroverse. München: Piper Verlag, 2005. 296 s.
10. Willis P. L'ecole des ouvriers // Actes de la recherche en sciences sociales. Paris, 2008. № 28. P. 50-62.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследования процессов глобальных трансформаций, глобализации, глобализма и глобальной интеграции приводят к логическому выводу, что в современном трансформационном лабиринте каждая страна имеет свою критическую, единоэффективную и конкурентоспособную модель развития, на внедрение которой должна быть направлена соответствующая национальная стратегия. Без этого развитие стран, народов, их экономик не отвечает критериям безопасности развития и несет в себе огромные угрозы.

В постсоветских странах уже два десятка лет происходят трансформационные процессы в экономике, которые связаны с реструктуризацией, изменением отношений собственности, трансформаций моделей управления.

Для постсоветских, как и для других транзитивных государств, главным вопросом бытия и развития на нынешнем этапе является вопрос о характере, силе и роли государства и власти.

Для Украины и России, их граждан, наступило время действительно больших изменений и возможностей и такое сотрудничество – между властью и обществом – может стать весьма продуктивным, оно необходимо нашим государствам, в-третьих: наша современность, насыщенная динамичными событиями, требует ответственных действий и удачных решений, а также – привлечения новых людей, инициатив, кадров и новых технологий. И потому для наших стран крайне необходима интеллектуальная мобилизация, нужны эффективные модели сотрудничества государственных и гражданских институтов. Процесс становления в Украине и России гражданского общества усложняется насущной необходимостью модернизации государственной системы и проведения комплексной правовой реформы. Именно такая модернизация, как убеждает мировой опыт, может стать способом преодоления социального кризиса в сферах легитимности, участия в принятии решений и регулировании конфликтов.

Кроме того, гражданское общество должно способствовать децентрализации власти – социальной, экономической, политической, информационной и т.д. Плюрализация власти станет надежным гарантом дееспособного гражданского общества и будет способствовать воспитанию демократической политической культуры. Несомненно, наше общество еще не осознает в полной мере цивилизационную роль гражданского общества. Если на Западе представления о гражданском обществе как пространстве интеракции государства и общества частных собственников устарело, уступив место модели свободных ассоциаций, которые создают центры автономной коммуникации и опираются на совокупность равных граждан, то для Украины и России, как и для остальных постсоветских стран, актуальна именно первая модель.

Итак, можно отметить, что гражданское общество в Украине и России все еще находится в стадии становления на регионально-территориальном уровне. Идет процесс его формирования, образования отдельных элемен-

тов, налаживание взаимодействия между ними. И этот процесс будет длительным и нелегким. А скорость, полнота и глубина этого процесса зависят от целого ряда факторов. Прежде всего, речь идет о позиции государства, готовности власти поделиться своими полномочиями с обществом, с теми элементами гражданского общества, которые только появляются.

Ключевым звеном перехода стран к стабильному прогрессирующему развитию является энергоемкая высокопродуктивная промышленность. Страны и экономики, которые трансформируются, унаследовали сверхиндустриальную промышленную и ресурсно-сырьевую структуру, в которой техника управления производством, финансами и объемом продаж абсолютно не отвечает требованиям рыночной экономики и потребностям общества. В прошлом основным ограничением в деятельности производителей обычно была проблема снабжений, которую они пытались максимизировать, а совсем не проблема сбыта, которая сдерживает их теперь. Нужно существенное инвестиционное усилие, чтобы приспособить, модернизировать и заменить определяющие компоненты производительности, воспитать новые кадры работников и предоставить им соответствующие квалификационные навыки в менеджменте и производстве, создать структуры, где процветали бы инновационные коммерческие поиски и исследования.

Новая идеология развития для стран постСССР – это следование общенациональным, общерегиональным интересам, стимулирование народного предпринимательства, формирования могучих национальных (государственных и государственно-частных) корпораций для конкурентной, а не административной защиты национальных рынков и выхода на глобальные рынки.

Интегрированный тип организации экономики, в отличие от дезинтегрированного, является предпосылкой для обеспечения необходимой системной экономической компрессии, цепной экономической реакции развития, экономических толчков и взрывов. Благодаря его внедрению можно достичь системно-синергетического эффекта экономической интеграции в мегасистеме народного хозяйства. Фактически, современная экономика «разогревается» и «заводится», набирает силы внутреннего развития, энергетики и синергетики в соответствии с законами термодинамики. Возникает эффект саморазвития, ускоренного развития, расширенного развития, нового структурного развития, нового качества развития. Ведущую роль в этом играют два важных института: государство и национальные корпорации (большие корпорации и корпоративный малый бизнес).

Остается надеяться, что мировой опыт позволит создать такую базу и стратегию развития, при которой идея развития (или реанимации) свободных экономических зон будет способствовать как общегосударственному экономическому росту, эффективной самоуправляющейся субсидиарности и не будет вызывать подозрений в нечестной трайбалистской игре региональных экономико-политических кланов.

Современное общество пока еще не имеет идеальных механизмов, с помощью которых можно было бы полностью избежать скатывания к кон-

фликтам и тоталитарным режимам, к деформациям личностно-общественной и международной коммуникации, деструкции дискурса. Выживание глобализированной цивилизации представляется столь сложным, что достижение экономической и социальной стабильности, которая бы сопровождалась уважением к человеку, его правам и свободам, возможно сейчас, к сожалению, лишь в немногих социумах и в исторически очень короткие периоды.

Речь идет, конечно, о коммунитарных механизмах и принципах в производственных и валютно-финансовых системах региональных группировок. Такой факт еще раз доказывает, что процесс глобализации не есть нечто авторитарное, а это историческая ступень развития цивилизации, общества – его объективная реальность.

Представители разных народов и культур по-разному интерпретируют причины поведения и результаты деятельности. Задача дискурса и коммуникации – помочь им понять причины поведения друг друга, освоить характерные черты взаимодействующих культур.

В теориях демократического гражданского общества значительное внимание уделяется исследованию феноменов гражданского общественного самоуправления и социального управления. Социальное гражданское общество понимается как воплощение идеалов свободы, справедливости и солидарности посредством демократизации общества, социальных и экономических реформ. Этически определенному демократическому гражданскому обществу предоставляется статус концепции, которая дает возможность научно-технических решений как глобальных, так и житейских проблем с позиции реального гуманизма.

Учение об истории и институты гражданского общества являются базовыми для политической институализации, формирования идей социальной справедливости и правовой свободы, являются определенной моральной необходимостью, базируются на самосознания сменяющихся конкретные жизненные обстоятельства людей принципах всеобъемлющей демократизации, темпы и формы которой зависят от развития сознания и опыта общественного большинства.

Своеобразные подходы к пониманию роли общества и личности, коммуникации и дискурса ведут к формированию различных концепций феномена социализации. Поэтому и наиболее важным и, одновременно, традиционным в философии образования, педагогике, психологии и социологии воспитания также является изучение явления социализации. В самом общем виде под воспитательно-образовательной социализацией понимается процесс передачи человеку социальной информации, опыта, культуры, накопленных в обществе. Понятие «социализация» используется в этих науках и их направлениях шире, чем какое-либо другое.

Сторонники т.н. «жесткой социализации» и представители школы структурного функционализма определяют этот процесс как полную интеграцию личности в социальную систему. Здесь анализ социализации опирается на понятия «адаптация», «конформность», «равновесие». Их оппо-

ненты, – в частности, сторонники «нового гуманизма», «позитивного экзистенциализма» социализацию рассматривают как деятельность личности по развитию своих способностей и потенций на основе критического разбора предлагаемых обществом стереотипов.

Влияние институтов общества и социализации противостоит стихийным социальным взаимодействиям, которые можно «просчитать», спрогнозировать, направить по какому-то определенному пути. Стихийные и управляемые процессы взаимодействуют, влияя на результаты друг друга. В рамках функционирования того или иного института социализации имеют место оба процесса. Воспитывающее, целенаправленное воздействие может не привести ни к каким результатам или даже обуславливать отрицательные, незапланированные «воспитывающие» результаты. ели деятельности социальных институтов непостоянны. Изменения, происходящие в обществе, меняют характеристики идеальных типов личности, характеризующихся набором многочисленных показателей и свойств. В этом плане всегда можно говорить о социальном заказе общества институтам социализации. В соответствии с заказом институты социализации меняют концептуальные (теоретические) модели. Изменения происходят соответственно переменам в государственной политике, в том числе и в образовательной. Вероятно, именно этим можно объяснить происходящую сегодня повальную концептуализацию всех образовательных звеньев «задающих» основные требования к личностно-развивающей среде, личностному пространству, образу жизни, ценностным ориентациям, поведению и другим параметрам, вплоть до требований к внешнему облику субъектов образовательного процесса. Следовательно, социализация на деле оказывается государственной и образовательной политикой в действии.

Разумеется, негуманно подчинять сугубо общественным интересам весь внутренний мир личности. Социализация и есть воздействие на личность среды, общества. Причем воздействие это абсолютно необходимо для становления личности и является предпосылкой для развития межличностной (в дальнейшем – межгрупповой, международной и др.) коммуникации, всех разновидностей общественного дискурса.

Система воспитания и образование, как один из центральных при воспроизводстве социокультурного процесса видов деятельности, предполагает учет интересов общества (сохранение стабильности, общих цивилизационных норм существования) и специфических интересов индивидуальности (оставить неповторимый след в культуре, обновить социокультурное пространство). Анализ путей совершенствования системы воспитания и образования предполагает использование дискурсивно-коммуникативного метода. В соответствии с данным представлением вырабатывается модель разрешения противоречий между обществом и личностью, которая становится основой функционирования системы воспитания.

Стоит ли напоминать, что достижения в обществе определяются духовными качествами человека? В связи с этим любая профессиональная под-

готовка и особенно подготовка учителя требует высокого уровня духовности, активного усвоения норм и ценностей культуры, а это возможно главным образом в процессе общения, духовного контакта, субъективно-объективного взаимодействия, что ведет к развитию рефлексии, критического мышления, способности к отбору идеалов и ценностей, которые помогают личности строить и реализовывать свою жизнь.

Изменения, происходящие в современном обществе, актуализируют поиск создания и упрочения образцов духовности, что в свою очередь предопределяет создание новой концепции развития системы образования.

Образовательно-воспитательная культура является частью общечеловеческой культуры. В ней воплощены духовные ценности образования и воспитания (педагогические знания, теории, концепции, накопленный педагогический опыт, профессиональные этические нормы) и материальные (средства обучения и воспитания), а также способы творческой педагогической деятельности, которые служат социализации личности в конкретных исторических условиях.

Стремление заботиться о благе других, руководствоваться принципом справедливости и гуманности свойственно людям в любом обществе. Основная цель морального воспитания и заключается в том, чтобы добиться реализации этого стремления, этой закономерности.

Это обуславливает тенденцию отношения к науке и образованию, воспитанию и учебе как к средству достижения целей, вызванных личными потребностями, и оттеснение на задний план духовно-культурных запросов человека, потребностей в знаниях, подводит к осознанию идей Истины, Добра, Красоты, Справедливости, Блага и предопределяет высокую культуру живой целостной личности.

Социальный опыт лишь «подстегивает» мыслительную деятельность личности, способствует поиску соответствующей познавательной структуры. Решающая же роль в моральном развитии личности в рамках ее взаимодействия со средой отводится познавательно-организующей структуре личности, ее способности быстро реагировать на требования среды, способности к самоконструированию своего поведения. Взаимодействие среды и познавательной способности человека помогает установлению гармонии, справедливости как в самой социальной системе, так и в поведении личности. Соответственно, моральное воспитание призвано стимулировать присущую человеку способность конструирования своего морального опыта и совершенствования организационной структуры среды.

Суть перехода к субъект-объектной модели построения коммуникативного взаимодействия во всех сферах и на всех уровнях общества, предусматривающий живое и оживленное общение, диалог, на основе которого становится улучшение у человека собственного видения и интерпретации проблем, развитие его ценностно-творческого, чувственно-духовного самоопределения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАИЙ СПИСОК

1. Amin S. The Liberal Virus: Permanent War and the Americanization of the World.-Monthly Review Press, 2004. 144 p.
2. Beckett S. Watt. P.: Olympia Press, 1991. 254 p.
3. Bloch E. Das Prinzip Hoffnung. Bd I. Frankfurt am Main.: Suhrkamp, 1993. 1085 s.
4. Brugger W. Liberalismus, Pluralismus, Kommunitarismus. Studien zur Legitimation des Grundgesetzes. Berlin: Duncker/Humblot, 2009. 393 s.
5. Brugger W. Liberalismus, Pluralismus, Kommunitarismus. Studien zur Legitimation des Grundgesetzes. Berlin: Duncker / Humblot, 2011. 393 s.
6. Brugger W. Menschenwürde, Menschenrechte, Grundrechte. Baden-Baden: Nomos, 1997. 389 s.
7. Chesler M.A., Cave W.M. A sociology of education: Access to power a privilege. New York: Macmillan, 2003. 380 p.
8. Christoph K. Solidarität. Baden-Baden: Nomos, 1979. 223 s.
9. Dannemann R. Das Prinzip Verdinglichung. Wiesbaden: Panorama, 2005. 166 s.
10. Erhard L. Wohlstand für Alle. Düsseldorf, 2000. 248 s.
11. Exner A. Die Grenzen des Kapitalismus : wie wir am Wachstum scheitern. Christian Lauk, Konstantin Kulterer. Wien: Ueberreuter, 2008. 223 s.
12. Exner A. Die Grenzen des Kapitalismus. Munster: UNRAST-Verlag, 2008. 220 s.
13. Exner A. Die Grenzen des Kapitalismus: wie wir am Wachstum scheitern. Christian Lauk, Konstantin Kulterer. Wien: Ueberreuter, 2008. 223 s.
14. Exner A. Die Grenzen des Kapitalismus: wie wir am Wachstum scheitern. Wien: Ueberreuter, 2008. 223 s.
15. Fuchs A. Solidarität der Sozialpolitik. Marburg: Zukunft, 2004. 280 s.
16. Gleitze B. Produktivvermögen ist das Kapital der gewerblichen Unternehmen. Bonn, 2007. 325 s.
17. Gorz A. Arbeit zwischen Misere und Utopie. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2000. 207 s.
18. Gorz A. Arbeit zwischen Misere und Utopie. Frankfurt, Suhrkamp 2000. 207 s.
19. Habermas J. Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaat. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 2003. 704 s.
20. Habermas J. Legitimationsprobleme im Spätkapitalismus. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2002. 195 s.
21. Habermas J. Technik und Wissenschaft als «Ideologie». Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1999. 170 s.
22. Habermas J. Vergangenheit als Zukunft. Das alte Deutschland in neuen Europa. Zurich: Pendo Verlag, 1993. 158 s.
23. Habermas J. Zur Rekonstruktion des Historischen Materialismus. Fr.a.M.: Suhrkamp Verlag KG, 1976. 345 s.
24. Hardt M. and Negri A. Multitude: War and Democracy in the Age of Empire. New York: The Penguin Press, 2004. 450 p.
25. Horkheimer M. Traditionelle und kritische Theorie. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch, 1999. 230 s.

26. Horkheimer M. Bemerkungen über Wissenschaft und Krise. Hamburg: Hirschfeld, 1989. 464 s.
27. Inoue Sh. Putting Buddhism to Work: A New Approach to Management and Business. Tokyo: Kodansha International (JPN); 1st edition, 1997. 176 p.
28. Jappe A. Die Abenteuer der Ware. Munster: UNRAST-Verlag, 2005. 253 s.
29. Kockshott P.W., Kotrell A., Alternativen aus dem Rechner. Für sozialistische Planung und direkte Demokratie. Köln: Papy Rossa Verlag, 2006. 267 s.
30. Kohlberg L. Education for a just society. (Moral Development, Moral Education. Ethics and Educational Policy). Birmingham: Munsey, 2000. 496 p.
31. Kohlhammer W. Sozialisation und Emanzipation von Peter Orban. Frankfurt: Athenäum Verlag, 1992. 160 s.
32. Krugman P. The Return of Depression Economics and the Crisis. New York: W.W. Norton; First Edition edition, 2009. 224 p.
33. Kurz R. Kollaps der Modernisierung: vom Zusammenbruch des Kasernensozialismus zur Krise der Weltökonomie. Frankfurt am Main: Eichborn, 2009. 288 s.
34. Kurz R. Schwarzbuch Kapitalismus. Ein Abgesang auf die Marktwirtschaft. München: Ullstein, 2002. 456 s.
35. Lacan J. Ecrits. Paris: Seuil, 1966. 946 p.
36. Lafontaine O. Fortschritt und Solidarität. Bonn: Reinbek Verlag, 2008. 228 s.
37. Lafontaine O. Keine Angst vor der Globalisierung: Wohlstand und Arbeit für alle.-Berlin / Bonn: J. H. W. Dietz Verlag, 2009. 352 s.
38. Mallet S. Die neue Arbeiterklasse.- Neuwied / Berlin: Luchterhand, 2002. 267 s.
39. Mandel E. Arbeiterkontrolle, Arbeiterrate, Arbeiterselbstverwaltung. Eine Anthologie. Frankfurt/M.: Europäische Verlagsanstalt, 2001. 466 s.
40. Mandel E. Einführung in den Marxismus. Bonn: Neuer ISP-Verlag, 2008. 238 s.
41. Marcuse H. Das Ende der Utopie. Berlin: Verlag Neue Kritik, 1995. 190 s.
- Marcuse H. Kultur und Gesellschaft. Frankfurt a.M.: Verlag, 1970. 183 s.
42. Marcuse H. Vernunft und Revolution. Darmstadt, Neuwied: Luchterhand, 1979. 399 s.
43. Marcuse H. Versuch über die Befreiung. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1989. 133 s.
44. Meyer Th. Grundwerte und Wissenschaft im demokratischen Sozialismus. Berlin/Bonn: J. H. W. Dietz Verlag, 2008. 246 s.
45. Miller S. Das Problem der Freiheit im Rechtsstaat. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1994. 250 s.
46. Mouffe Ch. and Laclau E. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic. Politics. London: Verso, 2001. 240 p.
47. Orban P. Die Reise des Helden. Die Seele auf der Suche nach sich selbst. Kösel, 1995. 205 s.
48. Orban P. Menschwerdung – Über den Prozeß der Sozialisation Geist und Psyche. Frankfurt: als Taschenbuch Fischer 1986. 238 s.
49. Orban P. Sozialisation und Emanzipation des Volkes. Kritik der erzieherischen Erkenntnis. Berlin: Argument-Verlag 2003. 312 s.
50. Payutto P. A. Buddhist Economics: A Middle Way for the Market Place. Badger: Torchlight Publishing, 1996. 99 p.
51. Rau J. Lust auf Zukunft. Unsere gesammelten Werke. Essen: Klartext, 2006. 316 s.

52. Reichelt H. Neue Marx-Lektüre. Zur Kritik sozialwissenschaftlicher Logik. Hamburg, 2008. 384 s.
53. Rode K. Geschichte der europäischen Rechtsphilosophie. Dusseldorf / Köln: Bachem, 2004. 320 s.
54. Schumacher E.F. This I Believe, and Other Essays. Hartland: Resurgence Books, an imprint of Green Books; Revised edition, 1998. 224 p.
55. Siehe W. Die Freiheiten erhalten. Den Klassenkampf zementieren? Fr. a. M.: Surkamp Verlag, 2009. 213 s.
56. Stiglitz J.E. Freefall: America, Free Markets, and the Sinking of the World Economy. New York: W.W. Norton & Company, 2010. 443 p.
57. Strumpel B., Noelle-Neumann E. Macht Arbeit Krank? Macht Arbeit Glücklich: Eine Aktuelle Kontroverse. München: Piper Verlag, 2005. 296 s.
58. Toffler A. The Adaptive Corporation. Aldershot: Gower, 2010. 194 p.
59. Абаев, Н.В. Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае [Текст] / Н.В. Абаев. – Новосибирск: Наука, 1989. – 272 с.
60. Адорно, Т. Диалектика просвещения [Текст] / Т. Адорно, М. Хоркхаймер. – М. – СПб.: Медиум; Ювента, 1997. – 312 с.
61. Андрущенко, В.П. Організоване суспільство. Проблема організації та суспільної самоорганізації в період радикальних трансформацій в Україні на рубежі століть: Досвід соціально-філософського аналізу. – К.: ТОВ «Атлант ЮЕМСі», 2005. – 498 с.
62. Болонський процес: головні принципи входження в європейський простір вищої освіти / В.С. Журавський, М.З. Згуровський. – К.: ІВЦ «Вид-во «Політехніка», 2002. – 200 с.
63. Борботько, В.Г. Принципы формирования дискурса: от психолінгвистики к лингвосинергетике [Текст] / В.Г. Борботько – М.: К-Книга, 2005. – 288 с.
64. Борхес, Х.-Л. Письмена Бога [Текст] / Х.-Л. Борхес. – М.: Республика, 1992. – 510 с.
65. Буддизм и культурно-психологические традиции народов Востока [Текст]. – Новосибирск: Наука, 1990. – 216 с.
66. Булгаков, С.Н. Философия хозяйства [Текст] / С.Н. Булгаков. – М.: Наука, 1990. – 412 с.
67. Булич Е.Г., Муравов І.В. Валеологія. Теоретичні основи валеології. – К.: ІЗМН, 1997. – 224 с.
68. Вебер, М. Избранные произведения [Текст] / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
69. Витгенштейн, Л. Tractatus logico-philosophicus; Філософські дослідження. – К.: Основи, 1995. – 311 с.
70. Габермас, Ю. Структурні перетворення у сфері відкритості. Дослідження категорії громадське суспільство. – Львів: Літопис, 2000. – 506 с.
71. Деррида, Ж. Московские лекции. 1990 [Текст] / Ж. Деррида. – Свердловск: Ин-т философии и права УрО АН СССР, 1991. – 89 с.
72. Деррида Ж. Позиції. – К.: Дух і літера, 1994. – 158 с.
73. Джойс, Д. Улисс [Текст] / Д. Джойс. – М.: Республика, 1993. – 671 с.
74. Зінченко, В.В. Громадянське суспільство: шляхи, форми та перспективи. – К.: КАРПУК, МАУП, 2007. – 468 с.

75. Ионеско, Э. Носорог. Пьесы и рассказы [Текст] / Э. Ионеско. – М.: Текст., 1991. – 268 с.
76. Кремень, В. Освіта і наука України: шляхи модернізації (Факти, роздуми, перспективи). – К.: Грамота, 2003. – 216 с.
77. Лакан, Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе [Текст] / Ж. Лакан. – М.: Гносис, 1995. – 192 с.
78. Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель [Текст]. – М., 1993. – 352 с.
79. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса [Текст] / М.Л. Макаров. – М.: Прайм, 2003. – 252 с.
80. Многообразие политического дискурса [Текст] / отв. ред. О.Ф. Русакова. – Екатеринбург: ИФиП УрО РАН, УрГСХА, 2004. – 383 с.
81. Острогорский, М.Я. Демократия и политические партии [Текст] / М.Я. Острогорский. – М.: Изд-во Центра Конституц. исслед. МОНФ, 1997. – 216 с.
82. Павленко, Л.А. Корпоративні інформаційні системи. – Харків: ВД «ІНЖЕК», 2009. – 260 с.
83. Поляков, Н.В. Классический университет: от идей античности к идеям Болонского процесса [Текст] / Н.В. Поляков, В.С. Савчук. – Д.: Изд-во ДНУ, 2007. – 596 с.
84. Рязев, А.В. Парадигмы общения: Взгляд с позиций социальной философии [Текст] / А.В. Рязев. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1993. – 212 с.
85. Филлипс, Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод [Текст] / Л. Дж. Филлипс, М.В. Йоргенсен; пер. с англ. – Харьков: Гуманитарный Центр, 2004. – 336 с.
86. Философия. Логика. Язык [Текст]. – М.: Прогресс, 1987. – 336 с.
87. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие [Текст] / Ю. Хабермас. – М.: SPACE, 2004. – 464 с.
88. Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления [Текст] / М. Хайдеггер / сост., пер. с нем. и комм. В.В. Бибихина. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
89. Яковлев, И.П. Ключи к общению. Основы теории коммуникаций [Текст] / И.П. Яковлев. – СПб.: Авалон, Азбука-классика, 2006. – 240 с.

Научное издание

Зинченко Виктор Викторович
Королева Лариса Александровна

ДИСКУРС КОММУНИКАЦИИ:
ЛИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО, ПРАКТИКА

Монография

В авторской редакции
Верстка Н.В. Кучина

Подписано в печать 10.10.14.   Формат 60x84/16.
Бумага офисная «Снегурочка». Печать на ризографе.
Усл.печ.л. 10,7.   Уч.-изд.л. 11,5.   Тираж 500 экз. 1-й завод 100 экз.
Заказ № 335.

Издательство ПГУАС.
440028, г. Пенза, ул. Германа Титова, 28